

KAIS. KON. HOF- BIBLIOTHEK

59.503- B

Neu-

ÖNB

+Z269259103

ПОВѢСТИ

НИКОЛАЯ УСТЯНОВИЧА.

1. **Страстный Четверъ** (повѣсть верховиньска изъ мѣстцевыхъ поговорокъ).
2. **Месть верховинца** (повѣстка по правдивомъ случаю).

Наглядомъ редакціи „Зорѣ.“

ВО ЛЬВОВѢ, 1879.

Зъ печатнѣ Ставропигійскаго Института,
пѣдъ зарядомъ Ст. Гугковскаго.

59503 - В.

ОТЪ ВЫДАВНИЦТВА.

Передъ рокомъ обходявъ отъ Николай Устьяновичъ сороклѣтний юбилей своего священства. Товариства рускй и численнй почитатель поэта, изъ всѣхъ сторонъ витали высокодостойного Юбилея, заявляючи тымъ дѣломъ, шо обходъ юбилею переходитъ границѣ домашняго, родиннаго торжества. а ставъ ся вповнѣ обходомъ народнымъ. Фактъ той наилучше доказуе, якъ дорогою есть для Русинѣвъ память писателя, котрый въ сумнѣ дни великаго упадку нашои народности вразѣ зъ Маркїяномъ Шапкевичемъ першій вывѣсивъ знамя рускои народности и всѣ свои дарованя и силы зъ повнымъ посвященьемъ жертвовавъ для добра Руси. Нынѣ виднй вже орачи тыхъ бѣльше якъ сороклѣтнихъ трудѣвъ. Николай Устьяновичъ дождавъ ся щастливо хвилѣ, въ котрой мимо численныхъ перепонокъ жизнь литературна на галицкѣй Руси бѣльше чимъ коминебудъ розвивае ся. Давбы Богъ, шобы поетъ нашъ буевъ еще довго свѣдомъ нашихъ ревныхъ

намагань и трудоѡ и щобы въ кѡнци дождавъ ся наконецною побѣды всѣхъ желаній нашоу Руси.

Редакція „Зорѣ“ для возвеличеня юбилейного обходу занялась — за призволеньемъ Автора — выданьемъ двоухъ Ёго обширнѣйшихъ повѣстей: „Страстный Четверѡ“ и „Месть верховинця.“ Обѣ повѣсти въ литературѣ рускѡй вѣже зъ давна оцѣненй яко творы первостепенный и мы проте бѣтъ подробнѣйшого розбору на тѡмъ мѣстци по-вздержуемось.

„Страстный Четверѡ“ печатанный бувъ въ „Зори Галицкѡй“ зъ року 1852 (безъ пѡдпису Автора) и появлявъ теперъ майже безъ всякихъ змѣнъ. „Месть верховинця“ въ первый разъ печатана була въ „Галичо-рускѡмъ Вѣстнику“ зъ року 1849; въ теперѣшнѡмъ выданю повѣсть тая самымъ Авторомъ въ гдеякихъ частяхъ зѡ-стала доповнена и передѣлана.

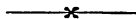
Во Львовѣ 20. Грудня 1879.

Редакція „Зорѣ.“

СТРАСТНЫЙ ЧЕТВЕРЪ.

Повесть верховиньска, изъ мѣсяцевыхъ поговорокъ.

Страстный Четверть.

I.

Бескиде зеленый, въ три ряда садженный,
Пойшовбымъ тобою, бою ся розбою.

Пѣснь народна.

Було то въ яри, передь Великодными святыми, а Юра припадало на Великдень. Снѣгу не знайшовбысь бувъ и на лѣкъ въ горахъ, хиба на Бержавѣ та Черногорѣ. Трава засѣялась якъ щѣть и ѓвцѣ попускали були всягде, якъ то кажутъ, на зеленый корѣнь. Весело дули верховиньскій молодцѣ въ трумбеты, що ажъ верхи ходили, а соуѣвки голосъ колысавъ ся по воздухахъ, мовъ рыбка по широкѣмъ Дунаю, и ѓтбивавъ ся такъ мило, такъ принадно о горы и боры, мовъ то звѣтка милои, що за любымъ тужить. А дѣялось зъ ранка, сонце шо лишь тѣлько встало, въ самый страстный четверть.

Легкимъ крогомъ спускались два чоловѣки изъ одной зъ найвысшихъ полонинъ Бескидѣвъ Стрыйского округа, припирающей до Опоровои рѣки, долѣ стрѣмкими и крутыми пѣшками до близького невеличкого села, шо тутъ нопри полонину надѣ рѣч-

кою розпростиралось. Оба були майже однакового росту, але не еднакових лѣтъ. Першій зъ нихъ бувъ то молодець въ повнѣй весны силѣ Черствый, ядерный, легкій. Подоба его була складна и надобна: лице хоть причорнѣле, але румяне. око ясне. чоло високе. Але въ цѣлѣй тѣй подобѣ знаходило ся щось непринадного, дикого. На чолѣ, где завчасу пригоды жита гладку ровень глубокими пописали скибами, залягла якась темна хмара и обвисла понадъ густѣй брови якъ мрачный туманъ понадъ полониннѣй верхи; а зъ очей ясныхъ свергало часто искрами. мовъ головнями зъ розжареной безоднѣ. На устахъ, крыхитку за широкихъ, появлялось щось нѣбмы ненависть, а въ глубовихъ проломахъ твари горяча пристрасть и завзятье. Однагожь осѣдало часами на тыхъ-то устахъ и на чолѣ щось такъ мягкого и тужливого, а въ очахъ така якась задумчива скука и болѣзнь, що въ тѣй хвили тяжко кто не прихиливбы ся цѣлымъ сердцемъ къ нему. Словомъ — грамота его лица мала въ собѣ якась тайне и казавбымъ суперечне письмо, которе и дуже письменному тяжко бы було прочитати. Одна тѣлько смѣбсть и ѳтвага выкрывалась розлучно въ кождѣмъ руху того молодця, въ кождѣмъ позрѣннѣ.

И его батьѣвщины годѣ ѳтгадати. Зъ одежи судивбысь, що есть мѣщаниномъ зъ якого мѣста на Руси¹⁾, або баришѣвникомъ зъ Куть. що то за козами ходять; але прислухавшись бесѣдѣ, тай по ходѣ и кучерахъ, що ему въ неладѣ на широке плече спадали, присягбысь, що его родила Верховина. А имѣвъ онъ на собѣ жупанъ хорошій изъ синѣго сукна, шов-

ковый поясъ тканый въ партицѣ съ позолочеными тороками, сиву шалгу съ червонявымъ верхомъ на головѣ, и жовтї сафіяновї чоботы на ногахъ. Изъ пѣдъ жупана, которого обѣ полы пѣдъ поясъ высоко були заложены, видко було высокій ремѣнь гвоздиками зъ густа цяткованый, а за ременемъ блыснули часомъ, якъ ся пола въ ходѣ бѣльше отвинула, двѣ рукоѣмы пистолетѣвъ. Подвѣйка и тайстра черезъ плече тай хороша зъ насѣчки²⁾ балта становили послѣдній принадлежности сего чоловѣка.

Его товаришь бувъ собѣ дубчагъ середовѣчний, съ широкими якъ двери плечми, але съ маленькими очима и горбатымъ носомъ. Зъ его твари снѣдои и протяглои и глубоко запалыхъ зрѣницъ, можна було догадоватись, що въ тѣй печи уже давно выгорѣло. Студено спозиравъ ѣнъ уже на свѣтъ около себе, але поздръ сей маленького чорного ога не вороживъ ничего широкого. Бувъ то поздръ лиса, що за вабомъ ходить. — Одежа его була подѣбна до першого товариша, однакожь оног май зѣпша и дорожша якъ сего, и здавало ся, що сей есть слугою оног або пѣдвладнымъ ему своякомъ. Провадивъ ѣнъ за собою два осѣдланї конѣ, которї на першїй вздръ розпѣзнати було можна, що суть такъ зваными гуцуляками.

Довго ишли они, не промавляючи до себе нѣ одного слова, и першїй здававъ ся слѣдити за орломъ, що гдесъ изъ пѣдъ полонины появивъ ся и чимъ разъ ближе и ближе зачавъ приганяти; а другїй позиравъ цѣлаво то въ ту то въ ону сторону

до сель поблизьнихъ, якбы розпѣзнаваючи, боторе красше, богатше. Ажь далѣй станувъ молодшій, знявъ изъ плеча подвѣйку, тай каже до старшого: „Чи видишь, якъ вылѣзъ высоко, але я его мушу зсадити; иди далѣй съ кѣньми и жди на мя пѣдъ полониною; мене кортитъ доконче оную птицю справити — не одно она ягня нашого брата-бѣдолахи убила.“ И зверь зъ головы шапку, лягъ горѣ грудьми въ продолинку, звинувъ ся въ тѣсный клубокъ, приложивъ подвѣйку до правого ока, тай начавъ нерухомо слѣдити за добычею. Майже довше години крутила ся птица въ высокихъ воздухахъ, и то взносила, то зновъ спускала, то зновъ влѣтала выше, плаваючи кругомъ понадъ него ягъ козацка чайка по широкѣмъ морю. И майже бѣльше години лежавъ нашъ незнакомый, звитый въ клубокъ, держачи обома руками коло лица подвѣйку, готовый въ кождѣй хвили плюнути нею до буяющей птицѣ.

Але орлине око не легко злудишь. Уже ся спустивъ бувъ близъ надъ мнимый жиръ, уже задрожала ватазка жилка въ руцѣ залудника, але якбы раженный звинувъ напрасно орель и нужь на ново на безмежне море. И взнѣсь ся опять высоко и якъ макове зерно явъ плавати кругомъ понадъ полонину, ажь напоследокъ спустивъ ся мало низше, стягнувъ мовъ двѣ долонѣ сяговѣ крыла и полетомъ каменя, верженого зъ неба, тиснувъ собою на добычу. Но не долетѣвъ живымъ. Въ половици дороги стрѣтила его кулька завязатого ловця и розтрѣскала на завше высокопарнѣ крыла. Нашъ ватакъ схопивъ, протя-

гнувъ ся якъ струна и коннувши ногою птицю, що о два кроки коло него упала, поспѣшивъ спорымъ ходомъ за товаришемъ своимъ.

Не далеко полонины стояла межѣ двома тѣсними яровами на маленькѣй прогалинцѣ невеличка зимѡвка³). Властитель той хижки не живъ уже давно, и довго стояла она пусто, лишь хѣба воларѣ загостили гдеколи до неѣ на нѡчь, якъ ихъ студена плюта зъ полонины долѣ прогнала. Але ѡтъ послѣднихъ временъ промешковала въ ней ябась женщина, за котору никто не умѣвъ сказати, зъ ѡтеиль она прѣйшла и якъ коротала. Зимѡю вирашалась она до села въ комѡрне, до якоѣ вдовицѣ; але скоро снѣгъ зачавъ прогибати, выносилаь назадъ до зимѡвки и жила тамъ опять, ажъ поки снѣгъ въ село зновъ не загостивъ. Жебраючи прѣйшла она першѣй разъ въ село, але по сему никто не спостерѣгавъ, абы коли вытягала руку за хлѣбомъ. И до зимѡвки, где она промешковала лѣтомъ, не поважавъ ся никто теперъ заходити. Була она день и нѡчь замѣнена, а ѡвчарѣ розповѣдали, що тамъ якась страшище воює. И для того обходили люде ще стараниѣйше улеть оную, где стояла зимѡвка, и назвали цѣлу тую сторону: „Пустара,“ а единѣсьнюку еѣ заселеницю: „Зубаня“ — ѡтъ двоухъ зубѡвъ, що еѣ зъ выжної шоки стерчали и майже цѣлу долѣпню закрывали варгу, скоро лишь уста отворила.

До той-то хижки звернули нашѣ незнакомѣ свѣѣй путь. Крутыми дорогами черезъ первѡвѣчнѣй боры, куда хѣба звѣръ ся просуває, садили они зъ потока

въ потѣбъ и дѣстались напослѣдокъ на красну полянку, где межи старыми ялицями пѣдъ стромымъ скалинымъ берегомъ стояла речена зимѣвка. Запущена и старостею похилена, не дуже она надила къ собѣ; але глянувши зъ ей тѣсного ѡконця, або вышовши на присѣнокъ, узрѣвъ-есь ненагляднѣ красоты природы. Зъ одной стороны полонина, которой верхъ до неба здаєсь сягати, зъ другой боры, шо ягъ заклятѣ велиты дрѣмають ѡтъ вѣка понадъ потоки, а зъ переду въ долинѣ село, которого хаты нѣббы ластѣвчѣ гнѣзда до стѣнъ Бескида поприлѣплянѣ выдають ся, а середъ села маленька церковця съ яснымъ хрестикомъ на бани. А все тоє якбы въ золотѣ. Но ти красоты здає ся не промавляли до незнакомыхъ нашихъ путникѣвъ. Скоро на полянку вышли, пѣдскочивъ молодшѣ до дверей хижи, запукавъ тричи балтою и не чекаючи, ажъ му кто ѡтчинить, ставъ колѣномъ смотрити, чи бы ся безъ того не могло обѣйти. И пырели двери. Але за дверми показалась далеко твердна запора — Зубаня, съ соегиною въ рукахъ! И еслибы молодець нашъ бувъ спѣшно не ѡтскочивъ, може бы ему була ѡтчинила двери на другѣй свѣтъ.

„Гафо! чись одурѣла?“ кригнувъ молодець, хватаючи за соегиру.

„Ой не одурѣла,“ ѡтповѣла Зубаня: „але шастье твое, молоде, шо поза-сночи Борисъ бувъ у мене и возвѣстивъ ми, шо въ нашѣ стороны надѣйдешъ, бо бымъ була може голову на порозѣ тобѣ розчерепила. А теперъ выбачайте, пане Алексею: бабу легко хотъ

кому удусити... Але якъ вы ся перебрали хорошо — истный Ормянинъ зъ Куть! Чи не выбралите ся на ярмарокъ до Болехова? За тыждень Юра — ой, а булобы шо скупчити тамъ...”

„Бабо, мовчи!“ озвавъ ся Алексей: „твое дѣло знати за свои горницѣ, не за мѡй путь. Чи заладилась обѣдъ?“

„Татъ естъ шось, пане Алексею, але скупо, бо то великодный тыждень. Выбачайте, тяжко було шо дѡстати въ селѣ, а бараня взявъ Борисъ съ своимъ товаришемъ въ дорогу.“

„Бисурманы!...“ моргнувъ молодець пѡдъ носомъ и вѡйшовъ до хижи, въ которѡй кромѣ розломаного стола и надгнулои лавицѣ, та кромѣ кѡлькохъ горницѣвъ и миски, жадной инои не було рѣчи. Сѣвъ днѣ и призадумавъ ся; тымъ часомъ баба розпочала прятати ся коло горницѣвъ. Потому, якбы му ся шось пересунуло черезъ голову, запытавъ сквапно: „Есть крайнигъ дома?“

„А чорты го знаютъ! Менѣ бы легче було, щобы бувъ пѡдъ землею,“ — отвѣтила баба рѣзко. „Але мае бути“ (додала далѣй, маленько холоднѣйше): „вчора вѣдавъ изъ Сколѣго прійшовъ; зновъ тамъ шось судили — замклобы имъ ротъ, та шиблобы имъ на умъ!... Але шо хочете вы ѡтъ крайника? може пѡйдете до него въ гостѣ?... О бездѣла! менѣ не пѡмститись надъ ворогомъ, коли чорнѣй брови стоятъ на стражи у его двора.“

На пѣле горло розсмѣявъ ся молодець. „А чи такъ, Гафко? Виджу ѡтгадалась трошка, але ми дивно, чомъ тѣи брови и твои звязали руки.“

„Мои?“ запытала баба, тай вышкерила зубы до хохотящего ся молодця, ягъ два закривленѣ гаки: „О, я давно думаю надъ тымъ, якбы тѣи руки заладити на ню...“

„Скорше зубы“ — ѳтоззавъ ся незнакомый и стягнувъ чоло въ три борозды — „однагъ сокоти ся“), щобысь ихъ не выломила та не позбавила ся цѣлои твои ерасы.“

„Отъ а можебысте ми наветь и подяковали, Алексею, якбымъ затыла тыми зубами.“

„А се якъ ты гадаешъ?“ запытавъ молодець и веръ изъ за стола такъ сильно двома исерами зъ розжареныхъ зрѣницъ, що бабу якбы лыскавицею прошибло.

„Най вамъ въ гнѣвъ не буде, пане Алексею“ — сказала наvertsаючи и обавляючись, щобъ не разбила нетерпячкою намѣреня своего — „я лише гадаю, що Зѣня красне дѣвча.“

„Та що?“

„Та що ся подобае хоть кому.“

„Ну и щожъ?“

„Та що она и за купця зъ Коссова радо говорить.“

„Бо чейже его не знае добре. — Ну и щожъ далѣй?“

„Та якбы дало ся такъ нагрутити, щобы она пѣйшла съ вами.“

„Чисъ зъ ума зѣйшла?! Крайнигова Зѣня зо мною?...“

„Ну, якежъ диво? Отець ладить ю выдавати за газдѣвского сына, бо Верховина не много родить

нанять, а сваты хоть заѣдутъ до неѣ зъ долѣвъ. то она щось не потягае, бо бачу чи не упавъ ей оный рядный Котѣвскій кунецъ въ очко, ще лѣтъсь приходивъ за козами... Та кто знае, чи не булобы такъ, якъ я гадаю...”

„Трупнице, иди ми зъ очей! Не пѣдшентуй чортови гадокъ, шо и такъ уже прилягъ ми душу.“

„Та якъ собѣ хоче,“ моргнула баба, котора добре знала, шо дальшій наводи могибы зовѣмъ выявити дѣло. и выйшла на присѣнокъ нѣбы до другого гостя, шо тымъ часомъ натакмявъ конѣ до стаенки, а выйшла нарокомъ въ намѣреню, шобъ молодому мужчинѣ лишила свободну хвилю розгадати надъ тымъ, шо ему набелендѣла. Божь-то Зубаня була цѣкавый пройдисвѣтъ и знала добре, въ которій запукати двери. И не обманула ся въ розчетѣ. Скоро лишъ выйшла, зѣрвавъ ся рѣзко нашъ незнакомый зъ лавицѣ, потрутивъ ногою столѣмъ въ кутъ и зачавъ сильнымъ ступомъ проходжоватись по тѣсноѣ хижинѣ. На лицѣ его написали ся разъ гнѣвъ и ярѣсть, разъ нѣбы болѣзнь и горе, и то якась надѣя то зновъ нѣбы смутѣкъ и тревога переплѣтались въ его зрѣнниці. Но тяжко було ѣтгадати, якѣ гадки гонили ему по головѣ. И довго тревала тая игра чувствъ ярѣкого сердца и довго не могла успокоитись. Знати завержка Зубанѣ розколысала ихъ на самѣмъ днѣ. Тѣсно му стало въ груди и вяло въ хатинѣ. Ѡтчинивъ вузке ѣконце и глянувъ долѣ. Ягъ межи золотыми стѣнами раю лежало передъ нимъ тихоньке село. Влѣпивъ жажжливо на него очи, довго слѣдивъ зрѣнницею. Вост-

хнувъ глубоко, спустивъ голову на широку грудь, а на лице его ослѣла на хвильку неописана мягкость и туга, мовь вечерный сумракъ на усмирено море, и улагодила такъ мило дикій очеркъ его твари, що въ той хвили прилягбьсь цѣлымъ сердцемъ до чоловѣка, которого передь часочкомъ само спозрѣнье наповняло тревогою. Напрасно заблысли му звань очи и, якбы щось нового нечаянного пересунуло ся черезъ голову, розъяснѣло ся незвычайною погодою его чоло. Розсунувъ кучерѣ, що ему майже половицю лица були открыли, покликавъ на бабу и заганувъ за Бориса, съ которымъ въ близькихъ отношеняхъ здававъ ся бути.

Зубаня споглянула зъ укуса на него, и выслѣдивши зъ его чола, що ей вѣрить ачейже пріязно: „Бориса — каже — що-ино не видно, але бнѣ вѣдавъ не поверне сюда; бнѣ пбйде направецъ въ Писану Керницю.“

„Ты. виджу, бабо — заверъ молодець — ббльше знаешь, ягъ сама чортова мати; чи може сказавъ ти Борисъ?“

„А чомбы не имѣвъ сказати, татъ я ему тетка. Уже четвертый рбѣгъ, ягъ моя дитина попала ся въ вражй руки за дурне та пусте. Крайникова Збня була тогда ще дѣвчатемъ, ледво въ чотырнайцятбмъ року, а вамъ тогда може ся еще анѣ снило ходити туда, а вже бтѣ того часу питавъ мя мбй сестрѣнецъ своимъ хлѣбомъ, абы баба не заговязла пбдъ богацемъ плотомъ.“

„А не наувѣривъ же ся тобѣ сей хлѣбъ, Гафо?“ заганувъ зновъ молодець, приближившись къ бабѣ.

„Якбы ся не наувѣривъ! але годъ затыти зубы, якъ медвѣдь въ смереку“ отвѣтила Зубаня и споглянула зновъ зъ пѣдлуба на молодця, абы выслѣдити, куда ѓнъ замѣривъ.

„Жено!“ озвавъ ся молодець голосомъ, въ котрѣмъ за кождымъ словомъ щирѣсть проникала: „ты менѣ заганула щось такого, за шо я уже не поваживъ погадати — ачейже знаешъ, якъ тяжкй пригоды прогнали мя въ верхи. Другій я рѣкъ уже скитаю по тыхъ лѣсахъ та дебрахъ. Передо мною качаю я тяжкй камѣнь недолѣ, а позадъ мене топче мя лютый чортъ по пятахъ. Менѣ нѣтъ супочинку. Менѣ годъ довше такъ пробувати, а нѣ, то прийде голову розбити о смереку.“

Зубаня розверла ротъ и выслѣпила очи. Такои бесѣды не надѣяла ся она, здае ся, по своемъ гостю. Ще она не догадалась, где тая заведе пѣшка, але вже добре видѣла, куда розпростираеь она, и за надто проворна, абы не хѣсновати зъ хвилѣ, укрыла всѣма силами женьского дару цѣкавѣсть свою и съ уданою щиростею, на яку тѣлько ненависть сердца могла ся вспомочи, потягла катранъ до очей и нѣбы обтираючи слезы, каже: „Ой я тебе не разъ жаловала, бѣдная дитино, и лѣтѣсь, колисте першій разъ прійшли въ тѣ стороны, заплакаламъ зъ жалю и пытала Бориса, чи бы то инакъ не могло бути — такъ бы ми Богъ давъ дождати ся Великодня, Матѣнка пресвятаа!“

„Гафо!“ зачавъ далѣй молодець зъ тиха, и зыркнувъ въ оконце: „я знаю, шо и тебе не родила

вовчиця, хотя ми ненавистно, що ты такъ тяжко ворогуєшь на крайника; але оно бы могло, якъ кажешь, иншакъ бути, еслибы ты... Но бабо чуй! якбысь ми одно слово зъ того, що я ти скажу, передъ кимъ лягнула, такъ тогда, где ты стрѣчу — копни собѣ гробъ!”

Баба зложилаь якъ оселедець и поцѣловала пальць, а ѓнъ такъ зачавъ далѣй :

„За Бескидомъ есть село, зове ся Брустура. Маю я тамъ стрыйчаника, знатного кметя, а чоловікъ бездѣтскій. Ще передъ трема роки заганявъ ѓнъ до мѡи матери — легка бы ей земля! — абымъ до него ишовъ на пристайство. Але пуста голова не гадала ще тогда за завтрѣшний день. Днесъ инакше ся дѣе во мною. Якъ поверну зъ Болехова... Но цить, Прокѡпъ иде. Ачейжесь мя зрозумѣла? старай ся — и твои старй кости жаднй теплои печи.“

Ту вѡйшовъ товаришь до хижи. Зубаня удаючи, якбы ничого не зайшло, яла коло горницѣвъ прятатись, а нанъ незнакомый пѡрвавъ рушницю на плече, глянувъ зъ приборча на бабу страшливымъ своимъ взрокомъ и обернувши ся до Прокѡна, розказавъ на себе ждати до вечера на мѣстци, а самъ легкими якъ олень ногами, посадивъ въ боры, вѣдавъ пѡдѣ Писану Керницю, на встрѣчу Борисови.

II.

Бѣднажъ моя мамуненьку година, година,
Залѣзла ми до нѣжечки ужина, ужина!
Ой пойдѹ я мамуненьку до дядка, до дядка,
Най вытягне изъ нѣжечки бодачка, бодачка.

Въ самѣй серединѣ села стояло широке дворище. Величина и оказалѣсть его свѣдчили, що до худого верховиньского заселенника не могло оно приналежати. И весь его розкладъ наводивъ ясно, що не для газдѣвского ужитку было тоѣ дворище назначене, хотя пѣзнѣйшій перестройня оказували, що на тоѣ яло переходити. А складало ся оно зъ великого деревяного дому о чотырехъ комнатахъ съ высокими ѣкнами, изъ обширной челядницѣ съ коморою, съ огромѣннымъ до нихъ входомъ. Передъ ѣкнами стоявъ довгій будынокъ съ двома щитовыми дверми и малыми въ стѣнахъ пролубами, вѣдавъ на ѣкна, и здававъ ся походити на стайню. Ще до недавныхъ лѣтъ стояло тоѣ дворище. Молодѣи люде баяли за него всяко, але зъ ихъ бесѣды тяжко было дослѣдити щось вѣрного. Одинъ сѣдоголовый старецъ розповѣдавъ ми за него такъ:

„Послѣдними лѣтами 17. вѣка возникло було на Угорщинѣ широке политичне движенье, которого

душею бувъ извѣстный угорскій вельможа Юрій Ракочій. Найсильнѣйшимъ огнищемъ сего движенія була выжна сторона Угорь, а головнымъ свѣдѣннємъ подвижниковъ ставъ ся Мукачевъ (Мунгачь). Звязана однимъ духомъ и сусѣдными знаненнями заприязнена. не могла мужественна шляхта тогданной Польши въ оныхъ подвигахъ бути безъ участія. Глядавъ сего Ракочій самъ, такъ для підкрѣпленія силъ своихъ, якъ для забезпеченія собѣ прихорони въ случаю неудачи. Намѣренне его знайшло заразы въ найближшомъ отъ Мукачева сусѣдствѣ желанный успѣхъ. Елеонора, княжна Л. . . . дѣдична паня припирающихъ ту до границѣ волостей, зазнакомлена съ несупокійнымъ сыномъ мадярщины уже передже, приязну подала ему руку и стала ся, можъ бы свазати, сподвижницею его. Кромѣ сего була она въ дружескомъ отношенію до сусѣдного молодецкого вельможи и угощалась часто съ любимцемъ своимъ. Но перебуваючи оподаль отъ границѣ, не могла она на стѣлько убавлятися съ нимъ, скѣлько широдружеске желало сердце, и проте велѣла вознести оное дворище (такъ го называли жителѣ), где въ устороненію отъ двѣрской тижбы и широкого свѣта часами сама перебувала и где Ракочій зъ Мукачева частѣйше до молодой прекрасной и гостинной подругоньки отдалитися и дѣло свое такъ на одній якъ другѣй сторонѣ мѣгъ веспирати. А такъ були тіи комнаты свѣдѣями радостныхъ и милыхъ вечерницъ, а по части соймищемъ важныхъ знаненій. Но скоро стали ся они вторымъ для Ракочого Мукачевомъ. Бо коли по тяжѣй своей

поражѣ прійшло ся сему угорскому богатыреви ухити зъ границъ своєї отчины, удавъ ся ѓнъ извѣстными собѣ дорогами съ частею приверженцѣвъ понадъ Опорову рѣку до Галичины и розпочавъ тамже вторїи свои безуспѣшнїи противо Австрїи подвиги. Перебуваючи майже бѣльше ягъ рѣбъ въ Галичинѣ, забавлявъ Ракочїи часами съ цѣлымъ своимъ дворомъ въ тѣснѣмъ але привѣтливѣмъ дворищи надъ Опоромъ и угошавъ тамъ узбирану по Польщи дружину. Неразъ дзвенѣли ѓгна сельскаго затишнаго того двѣрца ѓтъ бряску угорскихъ и польскихъ шаблюкъ, а стѣны его загудѣли не разъ весело ѓтъ гучныхъ воскликѣвъ панѣвъ и панъ польскихъ, которыхъ прїязнь и цѣкавѣсть сюда звабляли.

„Брящали шаблѣ, дзвенѣли пѣсни, весело угощалась дружина, — но скоро утихло все ягбы въ гробовѣи дремотѣ, а Ракочїи збравши майже бѣльше сорокъ тысящъ самои польскои охоты пересадивъ границу и по короткѣмъ невеличкѣмъ подвизѣ минувъ ся на вѣки, а гучне и веселе дворище занявъ тихїи и скромнїи сельскїи посадникѣ, крайникѣ Иванѣ Задѣльскїи, на жилище для себе..“

Тѣлько сказавъ намъ за оноє дворище сѣдѣнїи старецъ, и напровадивъ насъ на путь, которымъ розпочату повѣсть продовжати будемъ могли, бо съ Иваномъ Задѣльскимъ вяже ся повѣсть наша, и ту ухопѣмъ прѣрвану єи нитеу.

Але за якїи бы то хватати кѣнцѣ? головонько моя бѣдна! Гдєкоторїи зъ почтенныхъ нашихъ читателѣвъ певно не любятъ надъ довгими розписами

марновати часъ дорогій — имъ байдуже про се, якъ кто ходивъ, якъ убиравъ ся, які его очи: чи чорні чи зеленковаті, яка грамота на лиці выпечатана... А зновъ красній читательки, если ся яка великимъ принадкомъ знайде, любилибы собѣ заразъ въ срединѣ цѣлои повѣстки выгѣдненько розсадовитись, а часомъ наветь, якъ кортячка нападе, до послѣднои заглянути картки, абы чимъ скорше вѣсть заховити, якъ тамъ цѣла рѣчь скѣнчила ся: чи на вѣнчаню чи смерти. Щастье мое, що наша прелюбезна „Зоря,⁴⁵) давбы ей Богъ возрастъ, ще днесъ тѣсененька и ледво два аркуши на тыждень письма намъ розсылае, бо бы инакше въ одной посылцѣ и початокъ и конецъ моеи повѣстки мѣгбы ся знайти, а красній чернобровій и помругливій очи, заглянувши зъ нетерпячки въ послѣдну картину, не хотѣлибы уже до першої повернути. А такъ певный, що до кѣнця повѣстки днесъ ще никто не загляне, звязу кѣнцѣ якъ знаю и зачну такъ, якъ моя старенькая бабуня, легко бы спочивала, любила зачинати: Бувъ собѣ дѣдъ и баба — — — Але стѣй, нерозважный мажибрѣдо! Такъ паня Задѣльска, вѣчнои памяти повѣтова крайничка верховиньска, не далабы тобѣ на тамтѣмъ свѣтѣ биля себе перейти за такую обиду. Сокотно, писарчику небывалый! Молода красавица и по смерти такого грѣха не ѣтпуститъ. Отожь выбачайте, бабуню, що за вашою я не пѣйду наукою, але хотъ трошка розѣбчну инакше.

Иванъ Задѣльскій, верховиньскій крайникъ, за которого всѣмнувъ ми оный старецъ, бувъ чоловѣкъ досягающій до сорока лѣтъ, честный, поважный и

заможный. Въ селѣ, где промешковавъ, любили его люде, хотяй бувъ старшиною и часто докучивъ; але въ загалѣ бувъ людскимъ, справедливымъ и не носивъ ся гордо. По посторонныхъ сусѣдныхъ селахъ знали и шановали его дуже, а на зборовыхъ судахъ, где ся важнѣйшій sprawy перетрясали и до которыхъ онъ яко порядочный лавный членъ належавъ, имѣвъ онъ важке слово, бо его розвага була зрѣла и безпристрастна. Одну лишь слабу сторону знайшовъ-сь въ немъ, що бувъ легковѣрный. Его заманувъ кто-небудь, якъ то звичайно кожного чоловѣка съ чистымъ дномъ сердца. Але коли обмана выявила ся, або если где яке обазало ся злочинство, стававъ ся онъ твердымъ и неумолимимъ. Въ домѣ бувъ Задѣльскій, якъ то кажуть, мовъ сорочка на тѣлѣ, и загрѣвъ и прибравъ, — але слаба голова! Якъ лишь тронка собѣ пѣдохотивъ, то уже тогда и на палець его вѣй.

А имѣвъ нашъ крайникъ жѣночку Марію, красну якъ писану молодичку, щиру, пріязну, а при томъ мягку и трусливу, якъ листъ тренеты. Десятый рѣкъ жили они уже съ собою, а гнѣва не було межи ними. И всего мали достаткомъ; одинъ лишь смутокъ залягавъ имъ сердце, що не имѣли дѣтей. А Марія такъ багла дитинки, якъ жаждуца и звялена цвѣта лѣтомъ студенон росы; и Иванъ не туживъ за ничимъ въ свѣтѣ, якъ за наслѣдникомъ своего имени. Неразъ коли пріішли вечеромъ зъ кумѣвъ до дому, якъ дѣти розплакали ся обое. Давали они уже и на сорогъ служебъ, и ходили на святу гору до Гошова, и до Зарваницѣ, а наветь ажъ до Пocha-

ева; а Марія удавала ся врадцѣ и до баєнь, но все бездѣльно. Напослѣдокъ прійшли на тую гадку, що на такѣмъ засѣли вже мѣстци; божь и родичѣ Маріи, небѣжчикъ духовный отецъ Илія и Малана Мацевки — легка бы имъ земля! — не имѣли лишъ единѣсьнегу Марію. И коли княжна по переходѣ Ракочого до Угорщины ѡтъ нихъ зажадала, щобы ся до дворища перенесли, ухватили ся обоє охочо того желаня свои дѣдичной панѣ и въ одинъ духъ впровадились до нового жилища, которе стрѣха о стрѣху до ихъ батькѡвщины притыкало.

Ледво ся тамъ перенесли, завели съ собою христіяньскій святорускій обычай до неокристяненого двора и посвятили цѣле жилище. И дали зновъ на сорокоусты. Але Марія тужить однагъ якъ тужила, якъ плакала такъ плаче. Минувъ шестый, минувъ семьй мѣсяць, зачавъ ся далѣй и осьмый, а у Маріи нѣтъ ожиданой надѣи. Ажъ разъ приснило ся ей, заразъ зъ вечера въ самій первосны, що гдесъ выйшла на пѡдвѡря и глянула на село, а въ селѣ огонь. Перестрашена зачала кликати на мужа, на челядь, але никто не выходитъ, якбы всѣ заумерли. Хотѣла бѣгчи на улицу; ажъ ту дивить ся — зъ чорного дыму вылѣтає ворона и несе въ пазурахъ щось нѣббы маленьку птицю; она крикнула, ворона скрутилась надъ еи головою и ударивши въ бѣкъ надъ дворище, пускає изъ нѡгтей птицю просто на дахъ. Она пѡдбѣгає, пѡдставляє запояску, и право на подолокъ паде ей зъ стрѣхи чорный великій уголь. Марія зачудовалась въ просоню, але въ тѡмъ запукало щось до бкна, она

пробудила ся ѳтъ сну и слухае, чи то такожь не сонна мара. Занукало вторично. Она схопилась, задрожала лячно на цѣломъ тѣлѣ и хотѣла покликати на челядь, бо мужа не було дома. Ажь ту зачала якась женьщина зъ пѳдъ ѳкна зъ-тихонька до неи: „Марійко, люба Марійко! не буди челядины и не бѳй ся нещаснои невѣсты, що до тебе ягъ до наймильшой сестрички съ унованьемъ приходитъ. ѳтчини забкницю, маю дѣло курте.“ Марія перепуджена сномъ страшнымъ, сама не знала, що почати. Думае и думае и влѣпила очи въ шпаны забкниць, чейбы спѳзнала, кто то еи въ такъ пѳзну добу требуе. Она бояла ся зрады. Але нѳчь була темна, якъ чорный уголь, що ся ей приснивь.

Но женьщина пѳдъ ѳкномъ зачала зновъ стиха лебедѣти. Марія, ведена женьскимъ сочувствіемъ, отворяе забкницю и пѳдхилае крыхтинку ѳкно. Ледво що пѳдхилила, а невѣста до неи съ плачемъ: „Дякую ти, солодка, за твое милостиве сердце: ото принесла до тебе найдорожше що маю; возьми и плекай старанно, я тобѣ николи не забуду. Найдальше за пять лѣтъ обачимо ся внять, а если нѣтъ, то се буде Боже та твое. Але заразъ завтра покличешъ священника.“ Рекла, ѳтдала черезъ ѳкно спорый брусокъ⁶⁾ до рукъ крайнички и побѣгла легонькимъ крокомъ черезъ подвѳрѣ до улицѣ.

Ще Марія не могла освинути зъ чуда, и держала ще тлумочатко на рукахъ передъ отворенымъ ѳкномъ, ягъ щось задудиѣло на улицѣ и погромѣло споро попри долѣшний конецъ понадъ ѳпѳрѣ за село.

Охолонувши зъ першого задива, положила Марія брусачатко сокотно на широкій кедровый стѣлъ, заперла старанно ѳкно, притягла заѳкницю, зажегла воскову свѣщу, що ѳтъ церковного поставника лишилась, и съ неописаною цѣкавостею заглянула до свого подарка. Широка шовкова лента, которою брусача було обвинене, стягнула найперше еи очи на себе. Яла розвивати и придивлятись ѳвленькѳй якъ снѣгъ швабцинь и тоненькѳй якъ шовкъ хустинѣ, що цѣлый брусакъ зъ верха покрывали; пѳднесла тую платину и зиркъ — но ктожь выговорить еи зачудъ, якъ пѳдъ хустиною узрѣла личко маленькои дитини, що якъ дрѣмлюще ангелятѳко въ мягенькихъ якъ пухъ пеленочкахъ передъ нею на столѣ лежало!

Марія плеснула въ долонѣ, тай опустила руки, и довго стояла мовъ нежива; божь такого не чувала, абы ся коли кому на Верховинѣ пригодило.

Но не було часу стояти бездѣльно опустивши руки. Дитя яло ся домагати свого. Марія побудила скоренько челядь, послала по женьщину въ сусѣдствѣ, що маленьке дитя въ тотъ часъ плекала, а сама стала розповивати дитятѳко. Такувужь-то птичку — погадала собѣ — верла ми ворона на хату! Чи прибагбы кто? О истинно ворона! ба ше щось гѳршого, якъ ворона — яетрѣбица! Але стѳй, Маріе, промовила къ собѣ далѣй, не суди; кто знае, яка недоля притисла ю до того. Ачейже ѳбдна мати була въ великѳй недоли, коли свою власну кровь, кѳсть зъ свои кости, сердце зъ свого сердца. верла на чужї руки. Не дармо менѣ ся снило, що выносила

его зъ огня. Але хтожь то може бути тая нещаслива мати? Що то не проста женьщина, тоє аж надто слѣдно. Въ таѣй дорогѣ шовки не звиває верховиньска жона дитины. И простачка скорше буде жебрати на него, якъ цурати ся нимъ. Але отъ бо и перстень! ахъ, а якійже хорошій! яеже ся свѣтитъ каменецъ въ немъ! Ой не простого ты ложа, моя итичко маленька, моє соколятко дорогое!... Но зъ дива не може ми зѣйти, кто твоя мати и где твоѣй отецъ? Ажбы яка зъ нашего двора, то бымъ була спѣзнала по бесѣдѣ; тамъ я ихъ всѣхъ знаю. Нѣтъ, нѣтъ, не зъ княжного двора... Однакожь якась не дуже далека. Покликала мя по имени и знала добре, въ которе запукати ѣбно. Але на що я собѣ голову ломю; чижъ ту ихъ мало бувало за Ракочого — и гостились, и веселились, и зновъ ѣтъѣзджали, и впятъ приходили, що на одинъ день не було супочинку въ дворици. Але чому она сюда принесла до мене, просто до мене?... Маріє, Маріє, бо ти такъ Богъ давъ, абысь не тужила та не нарѣвала на свою долю. Тожъ ходи, моє ластѣвятко, ходи моя сирѣтко нещасна, я тобѣ буду за неньку, я тобѣ не пожалую мого сердца, коли ты рѣдна мати выверла зъ пѣдъ своего, но Богъ нехай ей не затамить грѣха.

Такъ лебедѣла поцтивая жона, и не спала уже цѣлу нѣчь. Другого дня прѣѣхавъ крайникъ изъ зборового суда. Марія розповѣла все до цятинки. Ще разъ яли обоє перетрясати всѣ знакомѣ панѣ зъ сусѣдства и за сусѣдствомъ, и придивляти ся перстеневи, чи бы зъ него гдещо не можна було выслѣ-

дити; але все бездѣла. А далѣй крайнигъ, который собѣ бувъ простодушный миролюбнигъ: „Най буде — каже — хоть чіе, теперь Боже та наше, и певне кривды у насъ не буде мати.“

И такъ було. Заразъ покликвали они панъ-отця духовного, запросили майже пѣвъ села въ кумы, заладили широку гостину, тай для бѣдныхъ обѣдъ — словомъ, здѣлали все по християньски, и радовали ся, плекали дитя, ягъ власне свое. А Зѣня маленька росла здорова и ставала ся чимъ разъ бѣльшою утѣхою для своихъ благодѣвъ.

Но прійшла хвиля, въ которѣй незнакома мати обѣцяла прійти по свое дитя. Обоє ожидали тои хвилѣ съ велигимъ несупокоемъ, а крайничка прибагала навіть способу, ягбы такой не пустити Зѣнички ътъ себе. Здавало ся ей, що она бы не пережила, еслибы ей тое дитятко выдерто; такъ була ся вже привязала до него. Съ тревогою вставала она кожного дня зъ постели, съ тревогою лягала до супочинку, гадаючи що незнакома мати зновъ ягъ ворона надлетитъ и пѣрве съ собою дитя. Але рѣкъ пятый минувъ тихонько, минувъ далѣй шестый, а далѣй и десятый, никто не приходивъ, никто не пытавъ; а нашъ честный Задѣльскій, радй зъ того, яли уважати Зѣню ягъ свою дитину въ истину, и цѣле село забувало по-легоньки давну приключеу и не называло иначе гоже дѣвча ягъ „крайникова Зѣня.“

Такъ проминуло лѣтъ пятнайцять тихо, супокѣйно. Иванъ и Марія зачали ся уже потроха нахилати къ старости, а Зѣня розвилась ягъ полонинна

цвѣтка въ повну дѣвическу красу. Була она незвычайно высокаго росту, трошка снѣдавои твари, и черноока. Надъ очима темнѣлись два шнурочки черныхъ бровь, якъ два маленькй серпы, а круче волоса спадало шовкомъ понадъ высоке выпукле чоло и звивалось долѣ довгою якъ лебедь шією на плече. Въ цѣлѣй своей подобѣ мала она щось мужескаго, а въ природѣ сердца щось думнаго, але оразъ и горячого. Женской боязливости не знала она, и тамъ где ей мати (она не вѣдала ничъ за пригону съ собою) трясалась якъ дѣлѣтка въ перестрашѣ, тамъ стояла она студено и отважно, мовъ старый козакъ. Ударити зъ цѣвки на звѣря не було ей лачно и николи не пускалась она въ верхи безъ пистолета. Не було то щось надзвычайнаго въ оныхъ часахъ; но якже то часто и дрѣбна грудочка снѣгу, пушена изъ нѣгтей птицѣ, котячись долѣ горою засыпуе хаты и села... Такъ случилось ся и Зѣни, що вѣхала съ матерею конно изъ Сколѣго зъ ярмарки. Було то о Покровѣ. Нѣчь була темна, а они спѣзнились. Спѣшили скоро домѣвъ, абы не попасти ся въ руеи якого опрышка, котрыхъ зъ Ракочого недобитѣбвъ на Верховинѣ немало натворилось тогда. Марія дрожала на цѣлѣмъ тѣлѣ, не могла удержатись на кони; она вѣщала щось недоброго. Уже було недалеко, тѣлько ще черезъ одинъ облазъ?). Они натисли на конѣ, щобъ тымъ скорше перехопитись на луги. Слуга, не могучи выдержати съ ними, заоставъ ся троха.

Въ тѣмъ выскакуе етось изъ за смереки, застае дорогу, хватае конѣ за поводы и пытае за гроши.

Марія стала безъ души. Не такъ Зѣня. Она сягає безъ тревоги за синюю бекешь, вытягає куртеньке пистоля и честує нимъ опрышка такъ складно въ правое рамено, що тойже пустивши конѣ, горѣницъ передъ ними паде. На выстрѣль надлѣтає слуга, вяже тяжко раненого и уходитъ, лишаючи его самого, чимъ скорше съ своими панями домѡвъ. Ще въ ночи пославъ крайникъ людей за опрышкомъ, и уже третого дня глодали у кѡнци села круги его кости на висѣльниці. Бувъ то случай не оны такъ надзвычайный, таке придаряло ся часто въ оныхъ несуповѣйныхъ часахъ, при ослабѣлости власти въ упадаючѡй Польци; але ѡны имѣвъ великѡ послѣдства на долю ѡтважного дѣвчати и єи мнимыхъ родичей.

Однакожь якъ многѡ инѡ, такъ запамятавъ ся и тотъ случай, и понерь въ безодни бувальщины. Никто не зважавъ на тоє, якъ якась женьщина чужа наплыла, Богъ вѣсть зъ которого свѣта, въ село и сѣдала неразъ на онѡмъ мѣстци, где опрышка висѣли кости. Никто не прибагбы бувъ тогда, чому тая женьщина втискала ся, коли тѡлько могла, въ дѡмъ крайника и старалась заманути Марію, узыегати єи довѣріє и помѣстити ся межи крайникову челядь. Але якось не удавало ся єй тоє. Зѣня не могла споглянути на тую бабу безъ якогось внутренного неизслѣдимого неудовольства. Она неразъ казала, що тую бабу вовчиха родила, бо она мала на выжнѡй щоцѣ два зубы въ истинну хиба для вовга придатный. А такъ наша Зубаня спѡзнавши, що до дворица прилезати ся годѣ, загостила до зимѡвки на пустарю и

розположила ся тамъ зъ цѣлымъ таборомъ хитрой ненависти, ожидаючи часу, колибы ся могла поместити на крайниковѣмъ родѣ за обвѣшенного опрышка, за которого легко каждому зъ моихъ читателейъ догадаться, що то бувъ еи рѣдний сынъ, достойне такой матери дитя.

Тымъ часомъ дорастала Зѣня своихъ верстныхъ дѣвочихъ лѣтъ и яла неразъ спускати тоскливу головку надъ воздыхающую грудь, а крайничка передумала уже не одну годину и переструнчила⁸⁾ не разъ и не два все молодцѣ зъ цѣлого сусѣдства. Але крайниковѣй Зѣнѣ тяжело було натрафити на „бубку.“ Загадовала мати и на сего и на того, за которыхъ знала, щобы имъ годилось помылити за крайникову дочку, но тая не дала собѣ наветь и споминати за тыхъ-то, якъ называла, верховинскихъ невыпранцѣвъ. Еи очко спозирало гдесъ въ ину кошару, а ярке и думне сердце тужило за инакшимъ ѓвчаремъ. Для неи годѣ було vybrати друга, она собѣ могла его vybrати тѣлько сама. И крайниѣ не напиравъ ся ей съ своими гадками, хотяй и дуже бувъ радъ, щобы его рядовый козачокъ, якъ свою называвъ Зѣню, розложивъ ся разъ въ власнѣмъ своемъ хуторѣ⁹⁾. Божь-то наветь тяжело було въ Верховинѣ для дочки заможного и поважаного крайника знайти приличного жениха. Звычайно сватали у давныхъ крайниковѣ сынове заможнѣйшихъ еметѣвъ, або часами и поповичи. Но першй не поважались зближати до гордон крайниковои донѣ, а за послѣднихъ було тогда въ оныхъ сторонахъ сгудо. А такъ була она пущена въ сво-

емъ выборѣ на волю, и еи доля полишена Богу тай веремю. Разъ тѣлько, а було то послѣднихъ великихъ мясницъ, стало старому прикро, що его козакъ не хотѣвъ избиратись зъ сѣчи, а то тогда, коли заславъ лавникъ зъ близького мѣста Долины обзѣрникѣвъ до ѳтданицѣ нашон. Прійшли они съ ряднымъ поклономъ, принесли колачѣ, велику хустку зъ червонои ягъ кармазинъ волочки, и срѣберну грубо позолочену стяжку до хомеуки¹⁰), и все тое положили на стѣль. Мѣдъ и вино пролялось по столѣ, але зъ устѣ ѳтданицѣ не выковзю анѣ одно шире слѣвце. Рада она була тому, що женихъ не пріѣздивъ съ обзѣрниками, и зложила ся складно, що она не може прияти поклону, бо молодця не видѣла. Обзѣрники ѳтѣхали, но обѣцали прійти назадъ по Великоднихъ святахъ съ мелодымъ своимъ женихомъ. Марія радовалась, що еи гарна доня такъ приличну умѣла знайти извину, же не пріймае подаркѣвъ; божь она ще въ мясницѣ не приспособлена була весѣля строити, але по Великодни, гадала собѣ, буде вже ладъ, а Зѣня не схоче ачейже ѳтмавляти, коли ей такій красній трафляють ся люде.

Но далеко инакше гадовала Зѣня. Ей видко ктось иный впавъ уже въ чорне очко. Але то було тайнею для крайнички и Зѣня таила ще сама передъ собою. Однакожь по еи частѣй задумчивости можна було спѣзнати, що въ молодѣмъ серденьку зробила ся якась уже бубка. Марія уважала тое, але не могла догадати ся за причину боляга. Ажь разъ, коли доня якъ молода берѣзка опустила головку и

зновъ призадумалась, намѣрила она выслѣдити причину. И приближивши ся стиха до неѣ, поцѣловала въ чоло, тай зачала лагѣдненькимъ своимъ гросочкомъ: „Зѣничко моя, чомъ ты такъ голову опустила? надъ чимъ ты такъ часто думаешь? Чи не болитъ тебе що? Чи не хора ты, моя солодка?“

„Нѣтъ, мамко дорогая,“ ѣтповѣла дѣвица, тай пѣднеслась сквапно: „отъ я табой такъ думаю, сама не знаю, надъ чимъ.“

„Алежь бо ты щось помарнѣла.“ зачала далѣѣ Марѣя, „а знаешь, по Великодни ктось до насъ прѣде въ гостѣ, и то бѣльше до тебе якъ до насъ.“

„О мамко! не згадуѣ менѣ за тоѣ, прошу тя; я бымъ рада, щобы тыхъ гостей не видѣла бѣльше въ нашѣй хатѣ,“ сказала дѣвица.

„А чомужь такъ?“ заверла Марѣя съ задивомъ.

„Бо зъ тон муки не буде хлѣба.“

„Якъ то, щесъ его не видѣла, а уже такъ кажешь? Я не гадаю, щобъ тоѣ слово згаждало ся съ твоѣю розвавою; ты его похѣдно сказала.“

„Нѣтъ, мамко, я уже давно розгадала надъ тымъ и тяжко, абымъ коли иначе ѣтповѣла, хѣба бы мя присиловано. Але я знаю, мамко моя дорогая, ще ты не схочешь недолѣ твоѣи дѣтины.“

„Зѣничко моя, тебе никто силовати не буде — нѣ я, нѣ твѣѣѣ отецъ; але кто знаѣ, чи ты сама не ѣтгличешъ того, щось теперъ сказала. Менѣ люде дуже захваляли оного молодця. Маѣ ѣнъ бути хорошѣй легинь, а отецъ маючѣѣй чоловѣкъ, тай ще до того лавниѣ въ значнѣмъ мѣстѣ. Щось такого рядного тяжко

другій разъ надарить ся. Ты сама о тѣмъ добре знаєшь и менѣ дивно, що ты нерозважно, безъ причини, завзялась ся своє щастье трутити ѳтъ себе. Зѣничко! въ тѣмъ щось есть тайного для твоєи матери, не сказалабы ты менѣ?“

„Мамко дорогая“ озвала ся Зѣня заполонѣвшись крыхитеку: „я ничъ не знаю, може я эле сказала, може оный молодець... Але лишѣмъ тое, менѣ бы треба пѣдъ полонину пѣйти до кошары.“

И досять було Маріи въ истину той бесѣды; пѣзнала она, що пѣдъ лѣвнымъ реберцемъ донечки ачейже не порожно, але не могла догадатись, кто тамъ заваджає, и постановила не полѣвити обвиненѣй, но далѣй испыть тягнути. Знала она добре, же тотъ, що ся втиснувъ пѣдъ оноє реберце, не мѣгъ ще тамъ цѣлымъ шалашомъ ся розложити и, якъ то кажуть, въ чоботахъ съ острогами въ серденько всадитись, божъ бы була она давнѣйше щось о тѣмъ вышнимпорила, але ходило ей о его имя и особу. И тому почала, наvertsаючи назадъ до неи:

„А чоґожъ ты такъ спѣшишь до кошары, моя доню?“

„Якже, мамо, не спѣшити, тажъ-то уже днесь страстный четверть, та треба бундзыкъ якій зладити на свята и може ѳвцѣ треба переструнчити, чи много есть ялѣвнику; до свять ся уже не упаде тамъ пѣйти до кошары, а Юра на самъ Великдень. Та чи не прійде тыми днями...“

„Кто такій?“ запытала мати нетерпеливо.

„Купецъ за козами,“ ѳтповѣла донька.

Тое слово розсвѣтило передъ Марією цѣлу хату, якбы ей порошокъ зъ ока вынавъ. Теперь она пригадала собѣ, що лѣтѣсь за двичи якійсь молодой чоловікъ, що ся за купця зъ Коссова выдавъ, приходивъ до нихъ за козами, и що потому Зѣня часто за него вспоминала. Не мило ей було на такой доганки впадати, бо якось не довѣряла тому чоловікови, хотяй сама не знала чому, и хоть ей мужъ обстававъ за нимъ, — и для того убрала, скѣлько могла, въ женьскую хитрѣсть праве свое сердце, тай каже:

„Ага, тотъ хмуравый чоловікъ съ яспидными очима, що на цигана подобае?“

„Мамко“ озвало ся сквашно на тое пѣдхоплене дѣвча, „а гдежь ѓнь хмуравый? та гдежь у него яспиднѣи очѣ? а що почорнѣвъ троха, то тому дорога винна, бо ѓнь ажъ зъ Коссова сюда заходить.“

И ту було досыть Марин. Прійшла она на правый путь, але хотѣла ше довѣдатись, акъ далеко ей донечка забѣгла, и верла нѣбы въ глумъ: „Ой щось ты менѣ дуже захваляешъ якотось волоцюгу?“

По тыхъ словахъ поглянула на дѣвицю и слѣдила старанно по твари, чи думна доня не заполюнѣсь зъ сорому; але чи то въ истину она немного ще прилягла душею до молодця, которого мы на полонинѣ спѣзнали, чи може сильнодушна Зѣня умѣла уже притлумляти чувства свои на недогляднѣомъ ихъ днѣ, досыть она не заполюнѣлась нѣ крыхтиней, але звернувши ся, якбы спокривджена до матери: „Мамо! — каже — що я провинила, же ты зъ мене глумишь ся?“

„Выбачай доню,“ — отповѣла Марія урадована зъ своего дослѣду и запевнена, що еи доня щось не дуже замотала ся — „я такъ не гадала... Ну, теперь бѣгай, моя солодка, пѣдь полонину, бѣгай, и старай ся, кобы якй ряднй грудки сыра зладити на свята.“

Зѣня рада, що буде могла свобѣдно ототхнути на версѣхъ, вхопила чимъ скорше хустину на голову и побѣгла скоро знакомыми дорогами понадъ пустарю пѣдь полонину до кошары, забувши наветь свое маленьке пистолятко взяти съ собою, которого идучи въ верхи николи не лишалась.

Марія хотяй задоволена зъ испята своего, заликкала однакожь старого зъ близького города и розповѣла все, шо тѣлько зъ Зѣнѣ выслѣдила. Крайнигъ покывавъ головою, але думавъ, шо ѣнъ ту ничъ небезпечного не знаходитъ и же дѣвча до ничего не буде силовати. Але ягъ Марія зачала всѣ свои доганки, всѣ познаки, всѣ сны свои и людскй помовки передъ мужемъ своимъ розкладати, то завернула старому голову такъ, шо ѣнъ згодивъ ся заразъ по святой недѣли весѣля строити и Зѣню, бодай съ ужитьемъ всен родительской власти, съ сыномъ Долинского лавника звѣнчати. Вѣднй! они не знали, шо имъ ще нынѣшний день принесе въ дарѣ...

III.

Весело ми съ товь гудьбовь, тай съ тыми лѣсами,
Мило ми съ буйнымъ вѣтромъ, съ блудными марами.
Русланъ Шашкевичь.

Въ самѣсѣнькое полудне ишла Зѣня пѣдъ положину до кошары. Сонце пѣднеслось пѣдъ самъ щить вселенной, цѣле небо горѣло. Ахъ яже то красно, яже то наповидно въ нашѣй Верховинѣ! Не выповѣсь, не выпишешь, хотѣбьсь говоривъ величавымъ шумомъ моря, шептавъ мягкими грудьми легота, лебедѣвъ щибетами соловѣя, писавъ вѣсма красками свѣта. Куда окомъ вержешь, всюда ненаглядна радость, необмежима величина! Дивись — тамъ по правѣй руцѣ широкой дугъ, а въ коло него пѣднебеснѣ стѣны, а въ коло стѣнъ тыхъ купками лѣсочки, въ коло лѣсочкѣвъ худѣбка, а коло худѣбеки сопѣвка. По луцѣ гне ся срѣберна рѣчка, въ рѣццѣ пестружочокъ свободно гуляе, а понадъ рѣчку шовковѣ цвѣты, помежъ цвѣтками дитина. А далѣй хатка на малѣмъ берѣжку, а въ коло хатки высоей ялицѣ, коло хатины дѣвчина русая, а на ялици голубка. А все веселе, все ладне, все легке, всюда житѣ бѣе повными жилами, кипить, гуляе радостно, свободно, яеъ зѣ норѣ

жива водичка. А если собѣ не дачишь туда око пасти, то глянь на лѣво. Ту глубока дѣбра, чорна безъ дна, въ ней дрѣмлять мары ътъ початку свѣта; тамъ сумъ розложивъ чорну колибу и по первовѣчныхъ лѣсовыхъ конарахъ розвѣсивъ думы. Ту птичка милу не задзвонитъ пѣню, тоскна сонѣвка воздухъ не пробудитъ; хйба лишь буря завые стогнами та звѣрь кудлатый зареве надъ жиромъ. Но впятъ надъ тыми бездонными смуги вносить ся новый свѣтъ. Вершокъ надъ вершкомъ, гора надъ горою пне ся, врываетъ до неба. Чоломъ въ безмежнѣмъ морю на воздухѣхъ, стоповъ въ безодни розвалищѣхъ земныхъ, стоятъ, о кѣлько око сягнути возможе, чимъ разъ въ синѣйшѣй мрацѣ свѣта велиты землѣ. Одинъ высшій надъ другого, одинъ сильнѣйшій надъ другого. А всѣ въ золотѣ, съ веселымъ якъ небо лицемъ. Часами нѣбы призадумаютъ ся и срѣбернй хмарки обляжутъ имъ чоло, тогдажъ не надѣй ся, абы и сонце розвеселяло свѣтъ своимъ личкомъ, и оно закрыесъ хмарами. Часами зашумятъ страшно, загудятъ пѣснь розору и громами розговорятъ ся съ собою; и ужасъ приляже все що живе, птичка ховаесъ въ гнѣздочко укрьте, медвѣдь за гавру¹¹⁾ пытае. Часами зновъ якъ ясноока ътданиця розсмѣесъ съ ними природа, воздухъ якъ медомъ розліе ся межъ ними, и якась радость, якась незнана веселѣсть ударитъ по всѣхъ ти жилахъ. И ширше станешъ грудьми ътдыхати, и спорше зачне бити серденько, яснѣйше блыснуть зрѣницѣ. А якъ ще станешъ на найвысшѣмъ щитѣ и глянешъ въ около на тїи красоты, и змѣришь окомъ безодню при

тобѣ а надъ тобою безмежностей море: тогдажъ взнесе ся душа твоя къ горѣ. якъ оный велить, що стоишь на нѣмъ стопами и нѣбы есь тѣломъ близшій небу, чоломъ ударишь передъ престоломъ того, що горы и боры, и землю и море, и всю безмежнѣсть держить въ своей долони. Ахъ якже то красно, якъ наповидно, якъ величаво въ нашѣй Верховинѣ!

Но цить — — — ктось тамъ иде. Зновъ якѣсь два незнакомѣ. „Пропавбы!“ рекутъ мои почтеннѣ читателѣ: „гдѣсь самѣ потайнѣ люди приводитъ намъ въ своей повѣсти той мажибрѣда“. Извольте мои почтеннѣ; люде тѣ шось говорятъ, послухаймо, — по перахъ спѣзнае ся птиця, по бесѣдѣ люде.

„Гу! пропавбы! якже мы легкѣ“ — промовивъ одинъ до другого и грянувъ бесегами о землю, що ажъ гора задуднѣла.

„Тихо, Борисе!“ озвавъ ся другѣй: „не тяжко и на печи въ бѣду впасти“ — и глянувъ якъ пораженнѣ медвѣдъ поза себе, знаявъ зъ плеча бордюгъ полегеи, прилягъ попри старого бука къ земли, приложивъ до землѣ ухо, а друге притиснувъ рукою, и послухавши мало, схопивъ ся на колѣно, зѣтхнувъ зъ широкои груди и явъ добувати зъ бордюга бѣленькѣй мѣйскѣй хлѣбъ тай солонину. „А ужежъ свободно буде теперъ вкусити; уже доба минае, якъ емъ ты имѣвъ въ ротѣ.“

„Чи свободно? гу!“ озвавъ ся Борисъ, за которого мы уже чули. „Та ужежъ бы на бѣду прѣйшло, щобъ ажъ сюда чорты за нами ихъ несли. Татъ то уже недалеко Писана Керниця; найбы ся теперъ по-

казавъ ту якій недогрызокъ турецкій, ой зазнавбы
ѡнь добре, якій то смакъ въ верховинськѡмъ бучку.“

„Та чейже мы уже и не самі тутѡа. Суть ту
гдесъ певно и нашій хлопцѣ,“ зачавъ другій товаришь.

„А хотяйбы ихъ и не було еще, та що?... Недар-
мо верховинець сербае жентицю, абы го леда про-
кладинець¹²⁾ межи свободными батькѡвскими верхами
доплавъ по пятахъ.“ Заладивъ палець въ зубы, сви-
снувъ по своему, що ажъ сотна гора загомѡнѣла, а
въ необавъ изъ за верха озвавъ ся другій дзвѡнокъ
ще удатнѣйшій. „Брате, чи чувъ есь? то ѡнь, то
нашъ атаманъ; я бымъ его пальцѣ и въ пеклѣ спѡ-
знавъ.“

„А чижъ ми то не хлопецъ! легинь яббы го на
Демни зъ желѣза приваривъ; сильный якъ медвѣдь,
хотяй му заледво молоко присхло пѡдъ носомъ; а ѡт-
важный, хотьбы съ чортомъ въ танецъ. Але щожъ мы
ему за Болехѡвъ скажемъ?“

„Та що скажемъ, — скажемъ тое, що ему знати
треба: же на сесь разъ въ Болехѡвѣ нема що намъ
купчити.“

„А однакожь лѣпше було не творити ся на вра-
жого жида зъ его проклятыми куглями, то бы насъ
бувъ никто не звѣтривъ. А такъ и самі мало-що не
попалисмо ся въ ляцкѣ руки, и нашъ красный за-
мысль розплывъ ся водою, якъ Петровый снѣгъ на
Черногорѣ.“

„А хибажъ чортова свѣсть вѣдала, що сей про-
клятый нехристь зъ Делятина переволѣкъ ся межи
Болехѡвскѣй дубѡвники.¹³⁾ Ха-ха-ха! якжежь ѡнь вы-

трѣшивъ каправѣ очн, коли показавъ ся передъ нимъ той, що то на его грудници хотѣвъ собѣ разъ спечи паленятко. Ще ся николи такъ не звивавъ пискоръ въ окропѣ, якъ той ся вивъ пѣдъ моею рокою — ха-ха-ха!“

„Борисе! ой не смѣявсь ся такъ весело, якъ бы ся довѣдавъ оный що тамъ за верхкомъ свиснувъ, же черезъ твою невчасну кортячку на колачѣ его трудъ пѣдъ Болехѣвъ бездѣльнымъ ставъ ся. Теперь ходѣмъ, бо его ачейже тутъ що-ино не видко.“

„Абожь я его боюсь; улякбымъ ся може тон недоварки? Кто ту старшій газда: чи ѓпъ, чи я? Але слухай брате: хорони тя Боже гдешо выбовгнути за того проклятого нехриста, що цѣлый Болехѣвъ вычавъ на насъ, якъ собаки на заяця. Тамъ теперь годѣ що розпочати. А передъ нимъ скажемъ, що повно набило ся конфедератѣвъ на баню, и анѣ гадай пристунити. Чи чуешь?“

„Чую, чую,“ озвавъ ся товаришь. „Але якъ ѓпъ ся позвѣдае, кто мя почестовавъ такъ въ руку, що годѣ буде зъ пѣвъ року цѣвву до неи взяти?“

„Гу! пронавбы безглуздникъ! Тебе виджу треба бы еще межи коноводы пѣслати до школы; чижъ не можешь сказати, що ты покортѣло подроцитись зъ вовчицею и взявъ-есь ей вовченята, и що выхопивши изъ за череса грѣсь¹⁴⁾ похознувъ-есь ся на камѣнь и задеръ лѣткою руку.“

„Правда; я уже забувъ за нашій вовченята. А чи жіють они ще въ торбѣ? Булибы мали турецкій недогризки загурю,¹⁵⁾ гонячи за нами, якбымъ бувъ по

одному зачавъ метати за собою; а ще якбы була розъярена мать надбѣгла на нихъ, ой тожь бы му-сѣли мы прятати лятки поза ялицѣ, закимъ бы ю удѣлали. Теперь намъ уже на ничь не придали ся тѣи котята; — якъ гадаешъ, Борисе?“

„Гу! та чейже ихъ не будешъ на Великдень свя-тити. Отъ вержь до чортовой матери въ дебру — але нѣтъ, стѣй! пѣднеси отъ тамъ далѣй на оную нѣшку; пѣдъ верхкомъ естъ якась кошара. Може якій бога-чище пѣйде туда до овецъ, та най собѣ троха съ вов-чицею погуляе, якъ ся стрѣтитъ съ нею.“

„Згорѣвбысь ненавистнику! Менѣ гадина не бу-ла сестрою, шобъ мавъ бездѣла крещенымъ залагати дорогу. А ужебы и твоя тѣтка такого не прибагла.“
Ѡтворкнувъ стиха чоловѣкъ, знявъ изъ плеча тай-стру и вынявъ трое маленькихъ вовченятъ, що уxo-дячи вертепами гдесъ бувъ придыбавъ, а обачивши, що ся уже подунили, вергъ одно по другѣмъ далеко въ хашѣ и забравъ ся съ Борисомъ, который якбы не зачувъ послѣднихъ слѣвъ своего товариша, въ даль-шій путь въ сторону къ пустарѣ, где знакома намъ промешковала Зубаня.

Ледво Ѡтойшли о кѣлька стай, якъ крайникова Зѣня съ служницею пѣдъ полонину до кошары иду-чи, зъ противной стороны до того самого зближала ся мѣстця, которе тѣи два непевнѣи люде що-ино не-давно поминули. Схиливши голову задумчиво, ишла она не промавляючи нѣ слова до малого дѣвчати, що за нею кошигъ несло, и тѣлько часами казала собѣ урвати самотну цвѣтку, що сѣмъ и тамъ зъ ве-

селои прозябала землиць, а часами поскочила сама то въ право то въ лѣво, збираючи то фіялки, то лоташь, то скромненьке попри долинкахъ любимене¹⁶), на косичку и на вѣночокъ для себе.

Высока якъ молода яличка, якъ серна легка и хибка, въ бѣленькѣй якъ снѣгъ хустцѣ, розпущенѣй неладомъ понадъ голову, щобъ прихоронити лице ѳтъ сонця, въ тонкѣй зъ швабщины сорочцѣ съ уставками, широко краскованою заполочею¹⁷) вышиваными, въ шовковѣмъ червонѣмъ корсетку и синѣй гродеторовѣй спѣдничцѣ, видѣла ся она якъ верховиньска русалка, злетѣвши зъ дрѣмлючихъ борѣвъ, щобъ молодымъ звѣси-головамъ надѣлати псоты. И ледво знайшовбы ся якій, чтобы оперъ ся еи прелести и не заблукавъ ся за тыми чорными жаристыми очима бодайбы и въ безвѣсти. Мужеска подоба нашої русалки, обляна всѣма мягенькими цвѣтками повной дѣвичей красы, имѣла щось наповидного въ собѣ, щось дуже принадного.

Но не думала она за псоты; звѣсила она сама чорнокосую головку надъ несупокѣйну грудь, и живше и сильнѣйше пугало ей серденько. Черезъ всю дорогу пригадовала собѣ днешну съ матерею розмову и сама не знала, чому въ еи чувствахъ така якась суперека. Она и радовалась и журилась тымъ. Знала она добре, що надходить хвиля, где лавникъ зъ Долины опять буде засылати до неи сваты, и догадовалась, що отецъ схоче своєї ужити поваги; а однакъ здавало ся ей, що жаднымъ свѣтомъ не буде могла пйти по родичей воли. Она не видѣла свого

князя, она лишь чула за него, що має бути ладный
 яєть дѣвчина, але — и съ дѣвочимъ сердцемъ. А та-
 кого она не моглабы полюбити. Ея сильна мужеская
 душа тужила за чимсь ще сильнѣйшимъ, за чимсь
 брѣвгимъ, ѳтважнымъ, жаристымъ. А тотъ одинъ по-
 казавъ ся за двичи, а сама не знала, ето днѣсть
 и чи поверне ще коли въ тѣи стороны. Не знала, чи
 жичити собѣ того, абы ся показавъ ще разъ, чи
 бо завсе при тѣи гадцѣ мѣшалась яєась несуповѣй-
 нѣсть до ея думаня тихого.
 Въ такихъ гадкахъ минала она вершокъ за верш-
 комъ и приближалась къ кошарѣ, а щобы собѣ вы-
 бити гадки зъ головы, котрѣи передъ нею чимъ разъ
 въ сумнѣйшихъ барвахъ ставали, зачала тымъ усерд-
 нѣйше глядати цвѣточекѣвъ, хотяй тага забавка не
 припадала ей до сердца. И закосычила головуку дроб-
 ненькими фѣялками, и заткнула спору китичеу любви-
 мене за горсетъ на груди, и ще пробѣгала то сюды
 то тудъ по хашахъ, шугаючи свѣжихъ цвѣтѣвъ.
 Но уже ей було далѣй за много той дитинячой
 розрывки. Она пустила назадъ къ битѣи стежцѣ,
 що вела до кошары, и звернувши легкою стопою по-
 за дѣсковый широкій корчъ, верла мимовольно ще
 що не ухопила съ первѣсночкомъ, що пѣдъ корчкомъ
 розцвѣивъ ся, за мале вовченя, еторое пѣдъ цвѣткою
 неживе лежало.
 Потягнула назадъ рукою сѣвапно и задумалась.
 Въ томъ зверещала яєть опарена ея мала служниця,
 що близъ коло стежки на прогалинѣ ожидаючи на

свою панну стояла. Зѣня по́днесла очи въ сторону и хотѣла ся звѣдати за причину того восклицу. Але заледво ще могла она обернутись до служницѣ, ажъ ту летить запѣнена вовчиця надзвычайной великости черезъ прогалину вправо на ню зъ дебри.

Отскочити и сянугти за свою малу боронь, котору звыкла була — ягъ тогда-то многі женщины — выходячи въ верхи съ собою носити, було дѣломъ одной хвильки. И не уляклась була ще дуже, хотяй така стрѣчь кождому могла бути страшна; але ягъ спознала, що оружя нѣтъ, тогдажъ побѣдила ягъ хуста.

Гадати за способы ратунку не було часу. Розлюченый до крайности звѣрь припавъ стрѣлою до удушеного своего плоду, понюхавъ, завывъ окропно въ материньскѣй розпуцѣ, и дайже на дѣвицю, мнимого своего напастного досадника.

Въ найвысшѣй опасности, видячи такъ певну и такъ жестоку смерть свою передъ очима, задрожала бѣдна на всѣхъ составахъ, скричала зъ цѣлой силы и отскочила въ бѣкъ корча къ прогалинѣ въ надѣи, що може ей дѣвчина прискочить бодайбы съ чимъ-небудь на помѣчь. Но бездѣла! Дѣвча перепуджене, шукало въ можливѣмъ бѣгствѣ власного своего спасеня, и убѣгло уже далеко долѣ верхкомъ прогалинами. А звѣрь мesteю розгорѣлый, не ожидавъ, ажъ его жертва зъ пазурѣвъ ему ся выховзне, но мече ся рознявши широкую пащу за нещасливою, доганяе однимъ скокомъ и поваляе цѣловъ силовъ о землю.

Ягбы зъ пѣдъ сырой могилы зойгнула бѣдна жертва стлупленнымъ зъ перестраха голосомъ, и стала безъ духа.

Хвилька — — — ба нѣтъ, въ тѣй самѣй хвили гряне ктось сильно зъ ручницѣ, що ажъ земля задудѣла. Вовчиця мече ся ѡтъ св: си паствы мовь птиця къ горѣ, звиваець клубкомъ въ повѣтрю, паде горѣницъ назадъ о землю, вносить ся ще разъ, пружить всѣ свои составы, но безсильна, розтягае въ послѣднихъ дреготахъ огромное свое стервище и стелить ся при ногахъ нещасной дѣвицѣ.

На мигъ ока утихло все — но въ тѣмъ прилѣтае, мовь второй пораженный звѣрь, удатный ватащикъ съ подвѣйкою въ рукахъ на мѣстце страшенной пригоды. Прилетѣвъ, споглянувъ на лежащую безъ духа красну полонинну цвѣтку, и ставъ стовпомъ надъ нею. Слѣдно було по немъ ажъ надто, що судьба дѣвицѣ великую у него мала участь; алежь въ его твари не знайшовбысь нѣ найменшого слѣду сожалѣвающей болѣзни, нѣ ужаса. И кровь, що зъ лѣвого рамени нещасной плыла жертвы, не змѣнила барвы въ его лицу, не затемнѣла ока. Онъ здававъ ся бути ще передже розлучень на все, хотяйбы и на найокропнѣйше; а если нѣтъ, то бувъ днѣ одинъ зъ оныхъ характерѡвъ, що въ пекельной гартовались печи.

По хвили оглянувъ рану и бачъ — заблысло его око: знати не була рана ѡтъ кулѣ, але ѡтъ пазурѡвъ вовчицѣ.

Пѡднѣсь крыхитеу голову дѣвицѣ къ горѣ и ставъ кликати по имени. Но надармо. Ту нѣ слѣду

жита. Однакъ его зрѣница вѣстила, що еще не счезла послѣдна надѣя. И положивъ полегки назадъ нещасну на землю, а самъ поскочивъ за водою до потѣчка, яей въ Верховинѣ въ кождѣмъ роздолѣ находятъ ся, и набравши въ ладѣвницѣ воды, лгунувъ нею на тварь дѣвици.

Зѣня отворила очи и яббы зѣ просоня яла пытати, где она находить ся. Но споглянувши на страшного звѣря, лежащего у еи нѣгъ, пригадала собѣ скоро минувшее, и зачала дрожати на всѣмъ тѣлѣ. Цѣла окропная опаснѣсть, которой величину не встигла змѣрити передже, станула теперъ въ неописанѣй своей страшенности, а выратованье зѣ неи видѣло ся бути истиннымъ чудомъ. Якъ оно ся стало, не могла догадатись, и еще не мала наветь часу помыслити за того, которому довжна була свое житье.

Ажъ теперъ она глянула на него, и о диво! передъ еи недовѣряющими очима стоявъ молодець, за которого она неразъ думала и съ которымъ она ще передъ хвилькою носилась по версѣхъ — стоявъ предметъ еи несупокѣйныхъ гадокъ: Алексей!

Вдивилась довго въ него и сама не знала, чи не призатуманѣла она и чи то задуръ головы не нанѣсь ей дивнѣй появы на очи, чи то бувъ може лише такій сонъ ясный. Но вскорѣ переконала ся, що то нѣ задуръ, нѣ сонъ, але живѣсѣнькѣй явъ; учула бо рану свою, котору молодець сквапно зачавъ завязовати и спияти кровь. Всѣ чудеснѣй барвы красѣ¹⁸⁾ пересунулись ей лыскавицею попередъ зрѣницю. Чимъ разъ выше яла вноситись еи повная грудь, чимъ

разъ сильнѣйше клепало ей въ лѣвѣмъ боку. Ея сильная душа закипѣла ще сильнѣйшими чувствами. Весь неотгадаемый давиѣйшій несупокѣй, вся неизвѣстна ей будущая судьба, вся оная тайня, що Косебвского баришѣвника здавала ся осланяти, счезла передъ ея, розежевыми фалями зарѣ розколысаного, душею. Она видѣла въ нѣмъ лишь тѣлько сильного, ѣтважного молодця съ яснымъ окомъ и горячимъ сердцемъ. Она видѣла лишь щирого друга, що ю вырвавъ зъ запѣненои пащи розѣюшеного звѣря и давъ ей повое житье.

А тое житье було для ѣсѣмнайцятилѣтної дѣвицѣ такъ солодко наповиднымъ, а ярне ясное небо тои хвилѣ уемѣхалось такъ мило до молодого сердца, ягъ румяная молодичка до першого своего дитяти. Вдичнѣсть, а може и довго притѣсенена любовь, бухнула съ горячою кервою по всехъ ея жилахъ. Розливающа ся повница чувствъ переважила все дрѣбненькѣ фалѣ сѣромной розваги; въ ея сердцю загудѣло напрасно во все дзвоны ягъ на Великдень, очи заблысли слезою, и она притисла до зволпованой груди — Алексея.

Неомаль бо въ тѣмъ самѣмъ часѣ, коли Зѣня пѣдѣ полонину до кошары выбрала ся съ дѣвчатемъ, выйшовъ и знакомый намъ ватасчикъ зъ хижи Зубанѣ, и добивши ся на стрѣмкѣй вершокъ, зъ которого можъ було цѣлу сторону переглянути окомъ, слѣдивъ сквапно въ околѣ, ачейже за онымъ удатнымъ дзвѣнкомъ, що зъ устѣ Бориса такъ прошибно розлягъ ся бувъ по всехъ горахъ и борахъ недавно.

Но Алексей проминувъ ся съ нимъ, але мѣсть него стрѣтила его вправна зрѣница предметъ для себе далеко повабнѣйшій — крайникову Зѣню.

Спѣзнавъ ѓнъ ю заразы по высокъмъ еи и буйнѣмъ ростѣ, та по необычайнѣмъ у женъ верховинскихъ строю, и съ неописаною цѣкавостею и восторгомъ водивъ за нею окомъ. Въ его груди розпочалась великая борба. Замысль передъ годиною повзятый, за который шось троха набелендивъ Зубани, станувъ зъ всѣма своими послѣдствами въ найкраснихъ барвахъ передъ нимъ. Выконанье его було такъ близкимъ, такъ легко возможнымъ. Зѣня могла бути цѣла въ его рукахъ, въ его воли. Пристрастнѣсть закипѣла по всѣхъ его жилахъ. Свобѣдная Угорщина, тиха въ Брустурѣ хатина, въ ней красная Зѣня и супокѣй и все шастье, заяенѣли небомъ въ его души. Но чи не розѣбье ся тое небо о сильную душу знакомой ему крайниковой донѣ?... Мимовольно стягнувъ ѓнъ густѣй свои брови въ два темніи хмарь проломы и бовнѣ нерухомо очи въ предметъ своихъ страданій и внутренней борбы.

Тымъ часомъ зближала ся Зѣня чимъ разъ къ нему и чимъ разъ сильнѣйше волновало въ его груди. Уже було близько, тѣлько о кѣлькадесять крокѣвъ. Въ его сердцю било якъ въ тamarни. Уже хотѣвъ поскочити, датись спѣзнати, сказати все, — но въ тѣмъ зверещала мала служница, и цѣла опаснѣсть, въ которѣй дрожала Зѣня, появилась ему передъ очима. Розгадованю не було ту мѣстця. Вхопивъ за подвѣйку, зложивсь и на шастье-Боже буркнувъ. Чи вовчица

одна тѣлько падала, чи може кто бѣльше, розминуло ся въ его зрѣниці. И прискочивъ стрѣлою на мѣстце, глянувъ, обачивъ на рамени кровь, и остовпѣвъ. Ягбы громомъ грянуло и въ его грудницю. Гадавъ ѡнъ въ истину, що и Зѣня перенеслась зъ его руки до вѣчности.

Що ся дѣяло далѣй, знаємъ. Слабый сосудъ розпуеъ ся до самого дна въ перевазѣ розтискающихъ нимъ фаль. Зѣня ѡткрыла передъ избавителемъ ѡтъ страшливой смерти всю тайню своего сердца. Яркій молодець розходивсь въ волнахъ своихъ чувствъ и кто знае, чи бы не бувъ рѣшивъ ся однимъ сильнымъ ударомъ розтяти судьбою завязанный узелъ, еслибы дѣвча, що въ першѣмъ перестрасъ лишило свою панну и вправецъ прогалинами до кошары побѣгло, не було теперъ съ вѣвчарями появилось. Однакожь жребій упавъ неотворотно.

Зѣня здавала ся успокоена бути. Съ щирымъ довѣріемъ просила она, чтобы еи не лишавъ Алексей, але ѡтпровадивъ домѣвъ до родичей, И охотно принявъ молодець тотъ обовязокъ, поскочивъ скоро по конѣ, за которій сказавъ, що недалеко за верхкомъ выпочивають, и вернувши ще скорше, всадивъ на коня значно вовчицею зранену дѣвицю, и вразъ съ Прокопомъ и двома вѣвчарями пустилъ ся до села.

Ягъ тамъ дѣялось въ дворици, легко ся здогадати. Крайникъ не знавъ гостеву своему прибрати мѣстця. По сто разъ дяковавъ, по сто разъ обцѣловавъ дерзкого молодця, и сто разъ бѣгавъ то до Зѣнѣ, то до Алексея, и зновъ до Зѣнѣ, и зновъ до

Алексея, и выпытовавъ ся за найменшу одробиночку; и зновъ бѣгавъ, и зновъ дяковавъ, що тому кѣнця не було.

Хотѣвъ ѡнъ надгородити, чимъ тѣлько було му возможно, и давбы бувъ весь свѣй маєтокъ за вяртованье свого рядового козачка, и наветь и самого того козачка давбы бувъ свому благодѣеви въ дату, еслибы тотъ бувъ тѣлько однимъ слѣвцемъ веспѣмнувъ за тоє.

Але молодець мовчавъ на всѣ тѣ любованя и дяку. Ѣнъ бувъ въ тѣмъ станѣ, якъ коли чоловѣкъ нечаянно зъ бурного моря дѣстанесь до тихой тѣсененькои хатини. Въ его ухахъ завсе ще шумѣли движимй безоднѣ. Его розколысана душа не могла остоятись и присвоити ся съ такимъ мирненькимъ домовымъ раемъ. Ѣнъ може не досвѣдчивъ еше ни коли такои ширости и прѣязной преданности якъ днесъ. А може рознесла буря всѣ подобнѣи запамятки зъ давнѣйшихъ дней. Его языкъ не мѣгъ знайти въ такѣмъ настрою чувствъ придатного слова. Ѣнъ мовчавъ, лишъ его око здавало ся говорити. Але кто ѡтгадавбы бесѣду тую?

И Марѣя радовалась мовъ тепла весна надъ цвѣтковъ першовъ, що спаслась ѡтъ лютого полунощного вѣтра. И она дяковала сердечно, и розпытовала ся и гостила гостя. Але на еи завсегда яснѣмъ чолѣ простеръ ся якѣйс сумракъ, якъ хмарка понадъ сѣрберное личко зѣрнички, и нѣ веселая бесѣдливѣсть широдушного друга, нѣ любованье зѣнѣ не могли розѣгнати той хмарки.

Украдкою але часто споглядала она на свою дитину, а ще частѣйше на гостя, и що-разъ сумнѣйше ставало ся єи личко. И наветь оная задумчивая поволока, що хвилями такъ мило украшала тварь молодця и котору Зѣня такъ жадливо спивала окомъ, якъ крася чистую керничку, не могла звабити єи зрѣницѣ къ собѣ. И вопреки, тая задумчивѣсть зганяла на єи чоло ще бѣльшіи мраки. На тѣй гладкѣй опонѣ здавала ся Марія читати стронтивноє письмо.

Але тую якусь внутренну скуку, тотъ неизвѣстный несупокѣй, таила она старанно въ собѣ. Не хотѣла она передъ часомъ мутити сердечной веселости дорогого своего мужа, однакъ ждала хвилики, абы тягаръ, що єй натискавъ на сердце, подѣлити съ тымъ, передъ которымъ она николи не ховала тайнѣ.

О невѣсты! тонкіи и мягенькіи болоны вашего неѣтгадаемого сердца вѣщають часто бѣльше правды безсвѣдомо, якъ се тугіи розумы свѣтовыхъ мудрцѣвъ змогутъ выслѣдити. Незвѣстне ваше око души читає дивнымъ домисломъ невѣдоміи знаки, которіи трусливая тайня пише. Такъ читає слѣпецъ кѣнчиками пальцѣвъ на мягкѣмъ папері незначніи чорнила буквы.

Но тревожливая обава огляднои Маріи була ачейже, принаймѣй хотъ теперь, излишною. Мовчаливый молодець розговоривъ ся помалу чимъ разъ свободнѣйше, зачавъ розповѣдати за свои стороны, за Косѣвъ, за Куты, якъ лѣтѣшного¹⁹⁾ року мало имѣвъ пожитку зъ свои перекуплѣ козами, якъ на сесь рѣкъ бѣльше ся надѣе, бо до Дебрецина много сафіяну яло ѣтходити, якъ ѣнь будучи неженатымъ много утраты

мае въ своємъ газдѣвствѣ, якъ у нихъ небезопасно теперь черезъ опрышки, якъ они по ноци нападаютъ на заможнѣйшій газды, рабують и берутъ на всякѣ муки такихъ, що имъ ся за гроши не хотятъ признати, якъ женьщинамъ всякѣ неслыханѣ дѣють обиды и жестокости, якъ уже и въ тыхъ сторонахъ стае ся чимъ-разъ опаснѣйше — и за прочіи подѣбнѣ рѣчи, которѣ обѣ женьщины съ напряженою слухали увагою, и съ тревогою на веселыхъ поглядовали съ мужчинѣ.

Въ такихъ розговорахъ надѣйшовъ вечеръ. Молодецъ схопивъ ся, склонивъ ся низько, подяковавъ за гостину, и явъ ся отпрашувати, що ще днесъ мае вѣдѣхати до сусѣдного села, шобы собѣ замовити кѣзъ, бо завтра великоднѣ пятокъ, и свята надходятъ, черезъ которѣ не можъ буде много купчити съ людми.

Просивъ крайникъ, намагала ся Марія, и Зѣня верла свое слово, — але даремно. Алексей попрощавъ ся, приобѣщавъ въ свята повернути, заганувъ, абы му кѣлька кѣзъ такожь выбрано въ продажъ, и сѣвши на коня, посадивъ долѣ селомъ съ Борисомъ, которѣ якъ чуява ѡвця черезъ цѣлый часъ гостины и розговорѣвъ на яворовѣй сидѣвъ лавици и тѣлько очима зъ пѣдлубя споглядавъ то на Алексея, то на Зѣню, то по комнатѣ...

IV.

Станьте хлопцѣ у вѳроты,
А я стану пѳдѣ ѳконце:
Чи спишь мое любѣ сердце?
Пѣснь народна.

Смерело ся було, и уже загостивъ страстный вечеръ до Христоваго мѣра. Звѣзды замерзотѣли на небеснѳмъ зводѣ, по хатахъ розтѣли огнѣ, въ селѣ утихло, тѳлько поточки бринѣли дрѣмотную свою бесѣду. Але въ дворищи не було ще зовсѣмъ тихо.

Марѣя не могла носитись довго съ своимъ тягаромъ на сердцю. Скоро ѳтѣхавъ Алексей, предметъ еи доганоуъ и супереки, приближила ся она на самотѣ до своего мужа и яла съ внутреннимъ неспокою розкладати передъ нимъ, якъ сесѣ чоловѣкъ ѳтъ самого зараня стоитъ еѣ на гадцѣ и чимъ разѣ бѳльше возбужае въ ней материньску тревожливѳсть. Передъ полуднемъ тѣшила ся она, що пусете пустымъ и промине ся пустыми вѣтрами, але случай зъ полудня показуе еѣ, що ту и судьба мѣшае желѣзний свои пальцѣ. И хотяй молодой сей чоловѣкъ здѣлавъ для нихъ такъ велику прислугу, що наветь и для матери камѣнного сердца повиненъ бути милымъ и

радымъ гостемъ, однакожь волѣлабы она не оглядати его бѣльше въ своемъ домѣ.

„Я лягаюсь его“, — сказала она усѣвши коло крайника, который супокѣино куривъ свою люльку, — „хотѣя сама не знаю, про шо и чога. А наибѣльше лягаюсь я за бѣдную Зѣню, бо ктожь вѣдае, шо ся теперь въ еи сердцю дѣе. Она уже рано выговорилаась бѣльше, ягъ може сама домнѣвалася, за Коссѣвского купца, котрымъ ше тогда такъ мало имѣла причины занимати ся, ягъ сорокою на плотѣ; а теперь по такѣй стрѣчи, по такѣй для неи неоплатимѣй прислузѣ, по вырваню изъ паши лютого зрѣря черезъ его руки — въ якихъ же барвахъ станувъ онъ въ горячѣмъ молодѣмъ еи сердцю? А если бесѣда его — додала по хвили — естъ чистою обманою, а злудю его цѣла подѣба (бо ктожь его ту на нашѣй Верховинѣ видавъ передъ рокомъ, кто знае за его родину, его житье, кто погодитъ его дѣльскій мѣщаньскій строй съ его живисѣнько верховиньскимъ укладомъ, бесѣдою и гучерами?): ягажъ тогда доля для дѣвчины, котора здае ся нарѣкомъ кожду ѡтдаляти свадьбу, щобъ може въ истину за якогось выдати ся пройдисѣта, або еше шо гѣрше.“

„Маріе!“ озвавъ ся крайникъ на тую бесѣду тревожливон невѣсты: „ѡтъ избытѣа сердця глаголютъ уста — повѣдае св. евангеліе. Алексей естъ молодець честный, слѣдно зъ его бесѣды, слѣдно по его твари. И самъ днешный случай свѣдчитъ за его праве сердце. Онъ не хотѣвъ наветъ наименшон надгорѣды приняти за свое, ягъ ты кажешъ, вырва-

нѣ Зѣиѣ изъ пащи звѣря, а тоѣ по́дносить его честь ще выше. Знати, ему наша пріянь милѣйша, якъ пуста мамона, за котору весь днешный уганяе ся свѣтъ. Тотъ молодець не зъ днешной веретвы, то галузка давного накоренку. Говорить мало, але розважно, емкій, ѳтважный и тверезый, якихъ теперъ шукай. Отъ дякуй Маріе Богу, що ти наславъ щасливую душу, абысь не пострадала, що маєшь наймильшого на свѣтъ. А за его стрѳой що намъ перемовувати? що край, иный обычай.“

„Алежь, мужу мѳй любезный, ѳнъ ту вспоминавъ, що еще не жонатый, и споглядавъ якоє дуже пріязно на дѣвча; анужь якъ ему приплыне до головы....“

„Невѣсты, невѣсты!“ озвавъ ся крайникъ, не ожидаючи кѳнца той заганки, и розсмѣхнувъ ся сердечно. „Вамъ все одно на гадцѣ, якъ нехристови гроши, а дурному стуна. ѳтъ осьмого року до гробовой дошки у васъ все весѣлье на языцѣ, скоро лишь якій молодець стане вамъ передъ очи. Ему може и не снить ся о женитбѣ, а ще до того съ моимъ дѣвчатѣмъ, до которого нѣ одного не промовивъ слова, якъ довго бувъ въ нашѳй хатѣ. А еслибы и такъ було, то щастъ Боже! въ дворищи досытъ есть мѣстца, щобы помѣстити зятя, и хлѣба Богу слава до волѣ, щобы не голодовавъ.“

„Таточку,“ — заверла сѣвапно Марія — „чи ты такъ въ истину гадаєшь? ѳ прошу тя, не тревожи хоть ты мене такими гадками; мое сердце и такъ уже вѣщає лихо.“

„Но, но, сердце! не будь дѣтиною — еще опрышки не нападаютъ у насъ на села. Отъ слухай, ачейже дзвонять въ церквѣ на страсть, ходѣмъ помолити ся Небесному за Его опѣку, за святое провидѣніе, що насъ выбавивъ днесъ ѿ смутку и печали.“

„Та чи всѣ поїдемы?“ запытала скванно тревожлива невѣста и поѣднесла очи къ мужеву, якбы хотѣла просити, щобъ лишивъ ся дома.

„Всѣ, тѣлько Зѣня остане ся, бо ей не дозволяе рана,“ вырѣкъ побожный миролюбець и ставъ ся збирати до Божого дому.

Марія не хотѣла противорѣчити, хотяй ей такъ тяжко чомусь було лишати дѣмъ и Зѣню, але она хотѣла, она мусѣла поїти передъ престолъ того, що рядить судьбами міра, и выплакати ся передъ Нимъ, щобъ сердцю було лекше. И приладивши скоренько потребное до вечерѣ, поѣслала челядку до церковцѣ и забралась сама съ мужемъ, не лишивши на цѣлѣмъ дворищи тѣлько самѣсьнюку Зѣню.

И утихли дзвоны и стали клепати Христовымъ страстемъ. Весь міръ христіанскій, все що було въ селѣ ѿтъ малого хлопчины до сѣдого старця, ѿтъ дѣвчати до бабы, понесло ся до Божого дому на молитву. И пригасли огнѣ по самотныхъ хатинахъ, и на небѣ щось захмарилось. Пѣтъма залягла небеса, а густый мразъ явъ припадати къ земли. Сумна тишина розстелилась понадъ село, потѣчки утихомирились мовъ до сну, и цѣла природа якбы приглухла, тѣлько часами зашумѣли старіи смереки, або при хатахъ завыли собаки, вѣдавъ хотѣли ябесъ то вѣщати

лихо. Було то въ самѣй первосны. Коло церковцѣ за-
клепано по разѣ пятый.

* * *

Но звериѣмъ ся на хвилю отъ дему Божого
и глянмо въ иную сторону.

Новыиъ села на дорозѣ претягающѣй ся къ угѣр-
скѣй граници стоятъ два чоловѣки, въ спорѣмъ съ со-
бою розговорѣ. Въ рукахъ нхъ сильная балта, на
плечи ручища. Зъ широкои криванѣ свѣтитъ ся че-
резъ нѣчную нѣтму бляника а зъ плеча сплывае кур-
тенькѣй петегъ.

Попри нихъ сидитъ женщиныва на кони, завита
въ широку Дебрециньску гуню, съ люлькою въ зу-
бахъ. Зъ рота еи копитъ ся горячѣй дымъ, а зъ усть
котитъ ся еще горячѣйшая бесѣда. Ёсть то знакома
намъ Гафа зъ пѣстары, съ довгими гаками на выж-
нѣй шѣцѣ.

„Чижь я ти заразѣ не гязала, Борисе, що мала
надѣя на сего недовареного молодига,“ загудѣла она,
пускаючи клубами дымъ зъ люльки, шо черезъ нѣч-
ну нѣтму можъ було взбиваючи ся надъ нею ту-
маны обачити. „У него бесѣда якъ у попа, а за мо-
лодцѣ не дбае днѣ гѣрнѣ за собаки. А якъ складно
и ладно хоче васъ выправити на всѣ чортовѣй про-
гульки, а самъ скрытись — пробачте ми! — за женъ-
скую спѣдницю и реготатись за безпечными стѣнами,
якъ одинъ по другѣмъ зъ васъ буде баладати на
воздухахъ ногами. Отъ такого вы вышлекали собѣ че-

резь хорошій два роки богатыра! Вартъ, о бѣгме вартъ, щобъ за него ставляти груди свои...”

„А вжежь промовчи разъ, кажу ти дѣтчая по-сестро, бо ти тѣи кливы выбью, хоть єсь ми тѣтѣа,“ ѡтворкнувъ Борисъ зъ пѣдъ носа. „Ужемъ тобѣ разъ сказавъ, що ѡнъ не перейде туда живый.“

„И щожъ въ тѣмъ славного докажешь, мѡй ты хорошій ватасчигу!“ — ѡтпѣбла Зубаня, тай розсмѣялась глумомъ. „Чи и ты, Семѣу, тагій ягъ бать ємгій до головы? Ѡ виджу, що вамъ таке ремѣсло найлѣпше припалобы до дяки, бо бысте такъ скорше позбули ся вѣсѣхъ вашихъ товаришѣвъ. До того не треба нѣ печѣнокъ много, нѣ глуздѡвъ, лише сильной жменѣ, щобъ годно ударити поза вязы.“

„И дивись, тая трупиця ще ся глумить зъ насъ. Борисе. Я ю въ берегъ друлю, щобъ собѣ безъ нашои жменѣ зломила вязы.“

„Ѡ не сказалажь я, що вы ничъ лѣпшого въ свѣтѣ не знаете,“ — ѡтворкнула зновъ Зубаня — „але здає ми ся, що вамъ скорше залоскоче коло гортанокъ; и того що-ино не видати, который вамъ судъ зъ коня проповѣсть. Бывайте ми здоровы; я виджу, що съ вами непорадна година, и жалую, щомъ вамъ такъ важну повѣрила тайню.“

„Ей, бабо, попечешъ ся, не скори такъ дуже!“ завернувъ Борисъ,

„Ѡ бездѣла! мене мати родила въ жаливѣ²⁰⁾“ — ѡтвѣтила Зубаня, тай звернула конемъ въ село.

„Стѡй, чарѡвнице!“ озвавъ ся другій: „та скажижь намъ, що маємъ робити.“

„А предцѣ разъ учуламы ътъ тебе честное слово, згорѣвбысь Семку. Слушайтежь мя, хлопцѣ! Я гадала, щомъ ся ошибла на васъ, якъ чортъ на его души, коли го въ Черногору залудивъ. Я гадала, що умру не помстившись за мого сына, который погибъ черезъ крайниковую найду. Теперь же ты прошу, Семку, и тебе, завзятый чорте Борисе, не творѣть ся на него, не важе своего жита; о вы знаете добре, що его цѣвка николи на дармо не плюне. Онъ вамъ ся здасть бѣльше, якъ десять такихъ якъ вы. Послушайтежь мя и бѣжѣть въ село, щобъ не порозбѣгали ся молодцѣ, якъ онъ пырене зъ помежи нихъ. И идѣть пѣдъ Попадю.²¹⁾ Прокѣпъ васъ не здрадитъ. Сей старый листъ заведе го манѣвцами съ женьщиновъ въ заблуды и приведе назадъ въ вашѣ руки. Идѣть споро бо отъ гляньте, уже засвѣтили.“

* * *

И въ истину блыснувъ огонь на корчмѣ въ селѣ. Ледво що по шестѣмъ заклепано евангелію, и кѣльбанайцятъ опрышкѣвъ вило ся уже коло жида. Корчма була недалеко дворища. Скоро блыснуло у щита огнемъ, зырнула Зѣня въ ѡконце, и якбы ледомъ просунулось ей по составахъ. Она не могла довго сомнѣватись, що въ корчмѣ ся дѣе. Въ блеску розширяющаго ся огня зобачила она чужѣ якысь люди, съ червонными завержками на плечи, и съ балтами въ рукахъ. Перестрашена до живого уже въ полудне, она не могла позбирати свои змыслы — она не ѡтходила наветъ ѡтъ ѡгна.

Но напрасно впаала ей на гадку дневна бесѣда Алексея про опрышки, якъ они пакостятъ ся надъ женьщинами, и въ тѣмъ здадо ся ей, що кѣлькохъ звернуло до дворища. Якбы ражена ѳтскочила ѳтъ ѳбна и хотѣла утѣкати. Но на самѣмъ порозѣ стрѣчаеь съ новымъ ужасомъ.

„Зѣню! опрышки! бѣй ся Бога, хватай що можешъ, и въ боры!“ крикнувъ зъ сѣней знакомый ей голосъ, и мовъ туръ впадае Алексей до кѣмнаты. Духъ вступивъ въ бѣдне дѣвча. Якъ повитиця обвиняла ся коло сильной руки ѳтважного молодця, схопила що дорожное въ кѣмнатѣ, заверла на ся теплѣйшу одежу, и якбы пѣдъ крыломъ ангела безпечна, скочила на коня, що Прокѣпъ придержовавъ пѣдъ дворищемъ, и погнала съ вторичнымъ своимъ выбавителемъ ѳтъ смерти и горя дорогою къ Угорщинѣ, на мѣстце прихорони передъ опрышками. Нещасна! она погнала съ ихъ атаманомъ на безнадѣйное свое горе и розпуку!

V.

Повѣй вѣтре, повѣй по Тисовѣй скалѣ,
Розвѣй вѣтре, розвѣй тяжкій мой жалѣ! —
Ой жебы я такъ дувъ, щобымъ землю цѣрвавъ,
Уже я не роздую, що тобѣ Палъ-Бѣгъ давъ.
Пѣнь народна (пѣъ за Бескида).

Три лѣта минуло по тѣмъ случаю, лѣта для нашихъ Задблѣскихъ сумнѣн, болеснѣн. Гдѣ ся подѣла Зѣня, никто не умѣвъ сказати, але здогадовавъ ся хоть кто.

Скоро до церкви вѣсть ся була донесла, що горить горчма, высыпали ся побожнѣн христѣяне зъ святынѣ Божои и бѣгли що мога на ратунокъ; но до вѣдавши ся, що опрышки въ селѣ гостятъ, спѣшивъ каждый до власной хатины, абы прихоронити въ лѣсъ малую свою фортунеу. И крайникъ побѣгъ найперше домѣвъ, и зачудовавъ ся дуже, що знайшовъ въ дворици всѣ двери отворомъ. Сплеснувъ въ долонѣ и глянувъ въ тревозѣ на скриню и по комнатахъ. Но успокоивъ ся скоро, знайшовши все въ порядку. Але небавкомъ зачавъ клигати на Зѣню и перебѣгати всѣ загуты. Не знайшовши анѣ живого духа, погадавъ собѣ, що дѣвица сerryла ся гдѣсь въ сусѣдствѣ. Поза-

чинявъ двери, велѣвъ женѣ и челяди скрытись коло сусѣднихъ хижъ, а самъ поспѣшивъ въ громаду. Рушивъ, що мѣгъ, и дайже въ погонь за опрышками. Але уже було за пѣзно. Розбѣйники зрабовавши злида, посадили давно уже въ безпечнѣй верхи, не потворившись на жадного газду.

Сонце було уже високо, коли крайникъ повернувъ зъ безуспѣшною погони. Переходячи била церквѣ, зобачивъ отворенѣй двери и учувъ побожнѣй пѣнѣй. Звернувъ до Божого дому, щобъ подяковати Небесному за Его святое провѣдѣнѣе, же охоронивъ село ѳтъ бѣльшого нещастѣя. Ледво переступивъ порѳгъ, ѳтбивъ ся о его слухъ пречудеснѣй тропарь: „Ѣгда славнѣй ученицы“ и ѳнѣ узрѣвъ свою Марію, ридающу въ голосъ передъ самими Царскими вратами, на колѣнахъ съ похиленою въ землю головою.

Якесь неѳтгадаеме чувство, якась скрыта тревога прошибла черезъ всю его душу. Мимовольно упавъ въ женѣской церквѣ на колѣна, пѣднѣсь око къ горѣ и хотѣвъ молитись; но мѣсто молитвы вторили лишь его уста безсвѣдомо, зъ тихонька, дрожащимъ голосомъ проникающу страстную пѣснь: „Ѣгда славнѣй ученицы.“

И не можна було ему дождатись кѣнца страстного великодной пятницѣй набоженѣства. Непокоенѣй всякими доганками поскоривъ ѳнѣ домѣвъ, и тамъ довѣдавъ ся за все, довѣдавъ ся бѣльше, акъ его старѣсть и чувственне сердце безъ ускорбу здоровья могло знести.

Ще досвѣткомъ принесли ѡвчарѣ вѣсть въ село, що въ той самъ часъ, коли догаряла корчма, якѣсь люде били ихъ колибы гнали въ високи на коняхъ. А було ихъ четверо, два мужины и двѣ женьщины, и о скѣлько могли черезъ згарь въ пѣтмѣ доглянути, ѣхала одна въ Дебрецинскѣй гуни, въ якѣй Зубаня звыгла ходити. Ягъ звертали коло колибы, просилась друга зъ тыхъ женьщинъ розпачливымъ голосомъ у ягось Алексея, щобы повернувъ до кошары, и еликала на ѡвчарѣ о помѣчь. И они сулились²²⁾ були, бо имъ ся здавало, що то крайникова Зѣня, але еи товаришь вхопивъ коня за поводы, потись изъ всеи силы, и счезъ съ передъ нихъ въ нѣчнѣй пѣтмѣ въ сторону къ угорскѣй граници.

По тѣй вѣсти рознеслась скоро и друга. Люде, що съ-ночи съ солею зъ Болехова повернули, розповѣдали, що цѣла шайба опрышкѣвъ зъ вѣтѣрка на середу напала була въ ноци на Болехѣвъ, и два зъ нихъ всадили ся були до жида пекаря. Но на шастѣ умкнувъ сынъ того пекаря черезъ ѡсно и давъ знати до близькои стражницѣ. Ударили въ звоны, рушили все мѣсто и гнали цѣлый день горами за опрышками, але бездѣла, бо въ тѣй шайцѣ мавъ бути дуже удатный молодой атаманъ Добонь, который недавно приставъ до опрышкѣвъ, и мѣста и двory и жида нападае, и съ яговсь бѣдовъ знѣсь ся, що го ся куля не чепить.

Такіи вѣсти съ многими иными преувеличающими придатками рознеслись однимъ мигомъ по цѣломъ селѣ, а кожда нова вѣсть була, казавбимъ, новымъ

ножемъ въ сердце крайника. Рознбзнававъ днѣ ажъ надто ясно, що знакомый му Коссбвскій купецъ, Алексей, никто не бувъ иный, якъ прославленный молодой атаманъ опрышкбвѣ, Добощъ, за которого днѣ уже передже щось зачувавъ троха. Вся нескладибѣсть въ его строю и его подобѣ, весь жаръ потайныхъ его пристрастей, станули ему теперь передъ очима. И навѣть тоє обстоятельство, що днѣ тѣлько у него единого, и то въ дорогѣй купли, за двичи взявъ бѣлькоро яловины, стверджало ажъ надто его доганку. И днѣ увѣривъ ся скоро, увѣривъ ся съ роспукою въ сердцю, що его Зѣня попалась въ руки злобы, въ руки керванѣи изверга людства. А днѣ? днѣ подавъ самъ до того черезъ свою неотвѣтиму довѣрчивѣсть надобный случай!

Тяженько востхнувъ поцтивый Задбѣльскій, и заломивъ руки. Последна гадка звалила незносимый тягаръ на его груди, мовъ гробовый камѣнь. Марія, его щира, добродушна, мягенькая Марія, станула му передъ очи, и си плачь и риданя въ церквѣ, и оный жалостнымъ сумомъ проникающій тропарь ѳтбили му ся на ново въ ушахъ. Нова болѣзнь стисла му за сердце, и днѣ заточивъ ся, якбы го последна опускала сила. Но въ кождѣй першѣй хвили тяжкого нещастя зсылає Богъ дорогу для недолѣ потѣху, надѣю. Тои пѣдпоры ухонивъ ся и нашъ крайникъ, зовозвавъ, не ожидаючи навѣть Маріи зъ церкви, найжавший молодцѣ, и розпѣславъ по окрестныхъ селахъ въ Угорщину на звѣсти, и самъ приспособлявъ ся въ дорогу. Но все було надаремно. Бѣльше яѣть тыждень

скитавъ ся ѳнъ съ кѳлькома товаришами по горахъ далеко, бѳльше ягь тыждень звѣдовала Марія послѳвъ; каждый прійшовъ тѳлько съ доганками по части собѳ противными, и приносивъ тѳлько тяжкую болѳзнь, тѳлько горестнѣйшую грыжу.

Напослѣдокъ лишивъ ся крайникъ всякои надѣи, передавъ дорогу несчастную дѣвицу судьбѣ, и потѣшавъ ся тою гадкою, що она не була его питома дочь. Але его душа не уставала терпѣти. Безъустанно нарѣкаючи на себе, ходивъ ѳнъ, похиливши въ землю голову, по смутныхъ кѳмнатахъ дворища и думавъ лишь за страстный четверъ, за Зѣню, за еи тяжкую долю, за смутокъ Маріи.

А Марія? О тая болѣла еще тяжше. Але женьске сердце має улекшаючій стокъ своего горя — слезы. Она плакала зъ початку цѣлыми бессонными ночи. Пѳзнѣйше ѳтвернувъ инакшій предметъ еи увагу. Шо день ослабѣвали значно животній силы еи друга; его, що такъ скажу, глуха задумчивѳсть яла чимъ разъ бѳльше тревожити еи предчувающе сердце. Она обавлялась за его здоровье, она лякалась крайного, и звернула цѣлу свою стараннѳсть для того, который такъ вѣрно и щире подѣлявъ съ нею и щастье и горе. Съ всею увагою искренно привязаной подруги ухияляла она всѣ обстоятельства, которіи бы могли на оный случай звернути гадки мужа и не вспоминала никогда передъ нимъ за минувшое. А ягь надѳйшла рѳчница страстного четверга, старала ся она безъустанными наводами на далеки предметы унимати болѣзнующому сердцю кормъ, который бы

гадка того дня могла съ собою принести. Але у крайника бувъ въ кождый день страстный четверъ. Кождаго зараня спѣвавъ онъ при утреннихъ молитвахъ дрожащимъ и тужливымъ голосомъ стиха: „Єгда славніи ученицы“ — и думавъ зновъ за свое.

Однако часъ, тотъ чудесный и единственный лѣткаръ на все горе, затерявъ всѣ запаметки минувшого случая. Крайникъ и Марія зачали помалу уважати Зѣню за погибшу на вѣки и помѣшати межи померший, и съ тою гадкою вертавъ давний супокѣй до ихъ сердца, хотяй не вертала давная веселѣсть до ихъ мешканя, И такъ минавъ день за днемъ безъ значѣйшой въ дворищи пригоды и переступило на рѣкъ четвертый. За Зѣню не воспоминавъ уже никто бѣльше, хѣба Марія одна, абы змовити молитовцю за ея душу.

Ажъ разъ, пѣзно въ вечеръ, приходитъ слуга ѡтъ волѣвъ зъ полонины домѣвъ, тай явъ розповѣдати передъ челядиною, що передъ заходомъ сонця, повертаючи въ село, спостерѣгъ зъ далека якѣсь незнакомѣи люди въ дебрахъ пѣдъ полонною, при ширѣбѣмъ огнищи, а межи ними молоду женьщину въ червонѣмъ плащи. Марія пѣдслухала тую бесѣду и якбы ю щось тронуло, поспѣшила свалпно до комнаты, не ожидаючи наветъ кѣнца той бесѣды, и стала оповѣдати крайникови.

А була то уже осѣнна пора. Вѣтры гудѣли ягъ мѣхи въ гамарни, дощѣ ляли мовъ коновками, а нѣчь була темна хоть высади око. Крайникъ уже забравъ

ся бувъ до супочинку, но схопивъ ся скоро, якъ Марія поспѣшно приближилась къ нему и яла зъ тихонька повторяти, що она въ челядниці довѣдалась. Приликала слугу и зачала звѣдоватись ближше. Слуга розповѣвъ еще разъ широко и додавъ ще тоє, що оная невѣста була надзвычайно високого росту и держала щось пѣдъ плащемъ коло огня; а мужнины сидѣли коло ватры, и було всѣхъ чотыри. За тварь не знавъ що сказати, бо голова еи була дуже похилена къ земли, що не можъ було зобачити подобы. Задблскіи отпустили скотаря и глянули мовчки по собѣ. И еще не мали часу промовити до себе слова, якъ етось отворивъ стиха двери, и женьщина въ червонѣмъ плащи станула середъ кѣмнаты.

„Зѣню!“ воскликнула зачудована Марія и прыскочила до женьщины, що мовъ сонна мара станула середъ комнаты нерухомо. „Зѣню! дѣтинко моя!“ залобедѣла еще разъ и розпростерла руки, щобъ на сердцю привитати свого нечаянного гостя.

„Мамо! не приближай ся ко миѣ“ — отвѣтила таяжъ притлумленимъ голосомъ, въ которѣмъ якъ на поверху моря отбивались всѣ волны чувствъ. „Не твоя то милая дочь, не твоя честна Зѣня приходитъ до тя, щобы натѣшитись на твоємъ сердцю, щобы налюбоватись твоимъ ласканьемъ, — о твоя мила дочь, твоє честное дѣвча загибло давно. До тебе прійшла нещасна невѣста, которой лице знеславлене обидою, а товаришемъ чорная злоба. Глянь на мене: се одежъ опрышка! досеть того, щобысь спѣзнала мою долю. А крайное, изволь, щобымъ замовчала. И не приходжу

просити для себе милости; я въ очахъ твоихъ недостойна еи, хотяй Богъ тѣлько одинъ вѣсть, якъ мало виновата я. Але приходжу жебрати милости для того ту хробачка маленького, которому мѣсто колыски приготавивъ свѣтъ висѣльницю, если Богъ и добрый люде завчасу не змилюють ся надъ невиннымъ немовляткомъ.”

И зверла зъ себе при тыхъ послѣднихъ словахъ широкой плащъ на землю, ѳтняла ѳтъ грудей дрѣмлющего пѳврочного хлончину, упала на колѣна, пѳднесла его къ Маріи, и глянула до неи очима, въ которыхъ цѣлое пекло еи души передало ся було на хвильку.

Марія не могла обвинити ѳтъ задива. Нечаянне появленье Зѣнѣ, котору она уже межи помершими вспоминала, еи прошибающія сердце слова, еи сумная, черная недоля, еи розпачливый станъ души, ударили занадто сильно и занадто напрасно на еи мягкое трусливое сердце. Она стояла мовъ передъ гробовымъ видмомъ, съ вытягненными руками якъ вѳопана, и не могла нѣ пѳвъ слова выдобути зъ себе.

Тымъ часомъ зѳрвавъ ся и крайниѣ зъ постели, заверъ на ся одежь и зважаючи, що до явленя, яѣ тутъ розпачало ся представляти, не потрѣбно було бѳльше свѣдѳвъ, зачинивъ на гачокъ двери, и взявши обидвѣ женьщины за руки, хотѣвъ завести до другои комнаты, которая къ городови притыкала. Але Зѣня не рушилась зъ мѣстця. „Нѣтъ, отче прелюбезный,“ — зачала она — „я не пѳднесусь зъ того

мѣстця, доки не выжебраю для сего невинного немовлятка милосердія.“

„Утихомирь ся, нещасна невѣсто,“ промовивъ міролюбникъ Христовъ: „хотѣй я не твоѣй питомый отецъ а Марія не твоя мати, але мы досыть наболѣли за тобою, щобы мали цуратись тобою въ хвили, коли Господь Богъ назадъ привернувъ ты до нашої хаты. Недоля твоя тяжить жорновымъ каменемъ на моеї груди, и благо старому, передъ которымъ давно уже грѣбъ стоить отворомъ, що буде мѣгъ прощенъ зложити въ землю грѣшніи свои кости.“

„Такъ тоє все правда, що ми Зубаня розповѣдала!“ прорвала сквапно Зѣня. „Тожь я въ истину извергомъ на тѣй нещаснѣй землі? О якежъ тяжко карає небесный судія бѣдную дитину за прогрѣшенія родичей! Алежь такъ менѣ лекше: теперъ свободнѣйше ѳотохне моя грудь. Огида доньки не верже уже теперъ соромомъ на розпуку матери; лице ѳтця не заплонѣсь на зганку про єго дитя, и недоля моя не выкопле никому гробу. О теперъ менѣ добре. Ахъ тѣлько мое дитя солодке — для того нѣтъ добра на широкѣмъ свѣтѣ.“

„Бѣдна невѣсто!“ озвавъ ся крайникъ и взявъ дитя зъ рукъ Зѣнѣ: „не рви за сердце тую женьщину, що якъ заклѣта стоить передъ тобою и болѣше ты въ истину любить, якъ може власна питома матеръ; тай не тревожи старого, що про тебе давно уже зачавъ собѣ розкопувати могилу. Хотѣй менѣ мимо волѣ вырвало ся зъ рота, що ты не наша дочь, однакожь не гадай собѣ, щобъ твоя недоля изгнала

тя изъ нашего сердца. О, старому Задѣльскому Зѣня нещасна далеко дорожна, а Марія знайде ще въ блэгѣмъ своемъ сердцю закутъ, гдѣбы помѣстилось красное тое дитя. О ходи, бѣдная доню, сядь на лавици и усупокѣй ся. Роскажи намъ про твою недолю, про твое горе. О яже много ты мусѣла перетерпѣти! Якъ дуже змарнѣло лице твое! Скажи, розповѣжь, та чей тобѣ и намъ буде лекше.“

И положивъ дръмлюще дитя до теплон своєї постели, а самъ взявъ зновъ Зѣню и Марію, которая ажъ теперъ охолонувши, до Зѣнѣ яла промавлати и ревно плакати, и запровадивъ до другої комнаты.

Но Зѣни годѣ було усемирити до найглубшихъ глубинъ розколысанныхъ болѣзней сердца. Въ найвышѣмъ розревненю ѡтдала она дитя зъ рукъ, поступила до другої комнаты, припала на маленькій стѣльчикъ, шо стоявъ коло нѣгъ Маріи, и закрывши тварь обома долонями, сперла голову на еи колѣна. Она не надѣялась по мнимыхъ своихъ родичахъ таеъ много милости, она гадала, шо въ ихъ сердцю давно осуждена она зъ самого позору. По еи прорыванныхъ глубокыхъ въздыхахъ слѣдно було, шо она тяжко билась съ собою, хотяй на еи лице не упала слеза. О, чорна недоля высушить легко тую блаженную пору болѣзнующего сердца и загартуе его такъ твердо, шо скорше пукне оно, нѣжь розплыве ся въ жалю.

Переболѣвши таеъ хвильку мовчки, пѣднесла Зѣня голову зъ колѣнъ Маріи, тай зачала знова: „Сказати про мое горе? О того не выговорю я, але розповѣмъ все, щобъ менѣ було лекше; о менѣ уже

такъ легко теперь, коль дитя мое знайшло широга тата и другую маму для себе.“ И стала розповѣдати, якъ она на першу стрѣчь съ молодымъ чоловікомъ, который за Коссовскаго творивъ ся купця, затоскнула тяжко за нимъ; якъ тая еи туга взмагалась що день; якъ она, коли другій разъ обачилась съ нимъ, случайно довѣдала ся отъ Зубанѣ, що онъ нежонатый и въ Коссовѣ значный має посѣдокъ и честное имя; якъ она тогда уже повзяла надѣю на него; якъ въ онѣмъ страшнѣмъ wypadку, коли сей чоловікъ вратовавъ ю отъ смерти, безъ розваги въ найвысшѣмъ восторзѣ призналась ему за любовь нещасну, и рѣшила сама свою судьбу; якъ мнимый сей Коссовскій баришѣвникъ въ страстный четверъ обманувъ еи довѣрїе и вылудивъ за село; якъ за селомъ стрѣтили Зубаню на кони, и якъ она заразъ зачалась обавляти лиха; якъ она бездѣльно старалась утечи, або съ чужою помочєю ратоватись; якъ ю уводжено, коль уже недоля еи явна була, обманою, що Алексей не бувъ зъ Коссова родомъ, але зъ Брустуры на Угорщинѣ, и що онъ рѣшивъ ся зъ печальной любви до сего кроку, до котораго припадковый нападъ опрышедѣвъ подавъ му надобную пору; якъ онъ загадавъ зъ Брустуры просити родичей, щобъ призволили на союзъ съ нимъ; якъ потому ходили блудомъ зо три дни горами и упали ся пѣдъ Попадю межи опрышки; якъ она въ неописанѣй розпуцѣ довѣдала ся тамъ, що попала ся въ руки Добоша, ихъ верховодця, и якъ сей въ истину хотѣвъ съ нею утечи на Угорщину поверши на завсе шайку; якъ два ему ненавистнѣ

опрышки, довѣдавши ся о его намѣреніи ътъ Зубанѣ, засѣли заразъ ще въ страстный вечеръ на него за селомъ; якъ Зубаня отвела ихъ ътъ того; якъ Прокѣпъ нарокомъ водивъ ихъ блудомъ, щобъ назадъ завести до шайки; якъ цѣлому ей нещастю була причиною ненавистна Зубаня, щобъ помститись за сына, который давно то уже раненъ ътъ неи за селомъ, на висѣльници погибъ; якъ она, скоро досталась межѣ опрышки, безъ устанку стережена була; якъ нещасна, утѣкаючи разъ зъ Черногоры, верла ся зъ скалы до Прута передъ доганяющими опрышками и якъ Добошь вырвавъ ю зновъ зъ рукъ смерти; якъ ътъ того часу, дѣставшись пѣдъ ще тѣнѣйшую стражъ, пострадала послѣдну надѣю и ѡтдалась зовсѣмъ на Божую волю; якъ скиталась безъустанно лѣтомъ по всѣхъ верховинахъ съ беззаконниками, а зимою тулилась по хижакъ, побудованыхъ ними по недоступныхъ вертепахъ, куда тѣлько звѣреви мешканье; якъ зѡставши нещасливою матерею въ неописанѡмъ горю думала другій разъ рѣшитись до крайности; якъ Добошь, спѣзнавши причину ей суму, наравивъ ей, щобъ занесла дитину сюда и благала для неи милосердія; якъ она принуждена була заглятись на долю сего дитяти, що поверне назадъ въ боры; якъ она довго стояла пѣдъ дворищемъ, не смѣючи вступити за порѡгъ, где такъ була щаслива, — и все, все розповѣла, прорываючи бесѣду тяжкими въздыхами. А Задѡльскіи слухали и обтирали слезы зъ очей, не прорываючи бесѣды найменшимъ словомъ. И пѡвнѡчь минала уже, и когутъ уже за-

пѣвъ, а она ще розповѣдала, и не могла наговоритись про свою недолю.

Аль напоследокъ встала, глянула черезъ забѣницю на небо, и вергни ся до нѣгъ крайника, яла лебедѣти: „О таточку дорогій! мамчико моя солодка! извольте вашѣй нещаснѣй Зѣни назватись ще разъ тымъ именемъ, и простѣть ей, если коли нанесла она хмарку яку на чоло ваше. Въ переповненю невинного чувства завязала я дивный узелъ судьбы, который хiba одна смерть перетяти може; согрѣшила я, но Богъ простивъ менѣ, — я знаю, простивъ менѣ за тоє пекло, що ношу въ моемъ сердцю. О простѣть же и Вы, возлюбленій мой, и пріймѣть тоє маленькое дитя къ собѣ, щобымъ не умирала що день надъ нимъ. Мои хвилѣ почисленій — незадовго буде зарѣти — хвиля мого послѣдного въ житю щастя минає — и Богъ тѣлько вѣсть, якъ завтра зайде ми сонце. О простѣть ми ще разъ и памятайте въ молитвахъ своихъ за грѣшную мою душу и — о Господи! Господи! — и за его душу. А теперь ще къ тобѣ, дитинко моя скорбная...“ И по тыхъ словахъ встала, взяла свѣщу зъ стола, приблизилась зъ тихоньга до постелѣ, где дитя лежало, и съ взрокомъ якъбы хотѣла зляти всѣ небеса на голову хлопчини и всѣ зарисы личча его спити жадливымъ сердцемъ, глянула хвилеку на него, тай залебедѣла: „Дитино моя найдорожшая! сыну болю и розпуки! о бувай ми здоровъ! Тебе твоя нещаслива мати николи бѣльше не обачить, не натѣшитъ ся твоимъ личкомъ, Зеню мѣй солоденькій! Даламъ ти тоє имя, щобъ перелялась лю-

бовь сихъ праведниковъ Христовыхъ на тебе, якъ розливалась колѣсь на твою несчастливую мать. Благословлю ты именемъ Бога, що рядить судьбою кожного хробачка землѣ; благословлю ты болѣзную душу, бо рука моя осквернена чужою злобою. Ты не обачишь болѣше своей матери, не будешь може наветь чувати за ню, може ще днесь роздѣбьсь голова еи о першую смереку... Ото цѣла памятка по ней, цѣла змерщина — ахъ, и она не мала болѣше по своей матери...“ И зняла зъ руки перстень, и завязала въ хустину, що обгортала дитя. А потому влѣпила ще разъ жадливо въ него око, и двѣ кроплѣ слезь, якъ двѣ великѣ перлы, може послѣднѣи, поточили ся горохомъ по еи блѣднѣму лицу. И схилилась, и поцѣловала дитя, а потому звернулась ще разъ до крайника тай каже: „Мое дѣло скѣдчилось. Ще тѣлько одно маю сказати: На Зелемени²³), въ сторонуѣ ѡтъ востога, стоять чотыри молодѣи яворы въ малѣи закѣтлинѣ, а mezi яворами лежитъ камѣнная плыта, въ чотыри грани тесана, а пѣдъ плытою есть мѣдяный котель, а въ кѣтлѣ посагъ сего дитяти. Ажь буде жити и требовати, то лишѣтъ му слѣдъ — а нѣтъ, то нехай ржавѣ до судного дня въ земли, бо то кровь неповинна! А теперь прашайте!“ И припала ще разъ къ ногамъ Маріи и крайника, и яла цѣловати. Але того було уже за много. Марія розплакалась якъ дитина, а крайникъ зѣрвався, зѣбравъ всѣ свои силы, пѣднѣсь невѣсту ѡтъ нѣгъ своихъ и притись къ своей груди, тай зачавъ розлучнымъ голосомъ:

„О нѣтъ, не пойдешь отъ насъ. Хиба съ моимъ житьемъ выдре ми ты это зъ мои хаты. Зъ цѣлои твои бесѣды спѣзнавъ я, що тобѣ тутъ нема прихороны. Але свѣтъ широкій. И твои недолѣ могутъ ся розвязати кѣнци. За способы розгадавъ я уже. Сейчасъ кажу осѣдлати конѣ и поѣдешь долѣвъ зо мною. Тамъ перебудешь, догъ беззаконникѣвъ не постигне рука справедливости. А за тое теперь уже легко, коль знаешь все ихъ прибѣжища. Звержь зъ себе тое ненавистне платя, а ты, Маріе, шукай ей що иного перебраться.“

„Татку любезный,“ зачала Зѣня: „бездѣла ты промысляешь. Моя судьба неотворотна. Мою чорну долю розсвѣтитъ хиба одинъ Богъ.“

„И горы зрѣвнають ся съ долинами!“ отповѣвъ рѣзько крайникъ, тай ставъ убиратись.

„Хиба на страшномъ судѣ!“ рекла Зѣня, востхнувши глубоко. „Тымъ часомъ може за тыми стѣнами снуе ся моя сторожь и чекае ягъ смерть надъ недужнымъ, щобъ чимъ скорше выгнати грѣшную душу. О, я не учиню того, татеу любезный! Знаю я добре тыхъ сынѣвъ скаль, и жгушу ватру въ груди Добоша я знаю. Се дворище обернулобы ся сейчасъ въ дробный попелъ, скоро бы я уходити хотѣла, а житье ваше обвислобы на тонкомъ волоску его волѣ. О, я не учиню того, чтобы еще бѣльшую грыжу нанести на дѣмъ сей — и чижъ я не заглялась на долю мои нещасной дитины?“

„Ягъ то?“ запытавъ крайникъ севално, „то ты не сама пришла въ село?“

„О нѣтъ,“ — отвѣла Зѣня — „суть ты мои товаришѣ, и горе тому, що ся потворить подати руку нещаснѣй, щобъ ся выдубла зъ живого своего гробу.“

„Га, нехай и такъ буде! я розлученъ на все,“ отвѣтивъ крайникъ. „Маріе, спори. Скоро мы будемъ на коняхъ, ты сейчасъ поспѣшишь до наць-отця духовного, щобъ ударити въ дзвоны и рушити громаду, чей чи не зловивбы ся якій.“

„Отче, даремно. Прошу тя на милѣсть Бога небесного, лиши ся тои гадки“ — зачала Зѣня, тай зложила руки передъ нимъ, якъ до молитвы. „Тыхъ хиба одна смерть годна зловити. Мене никто не вытягне зъ пѣды живои моеи могилы, а на село спаде тѣлько нещастье и недоля. Отче, не покушай ся звернути снадь воды къ горѣ — судьба моя неумолима!“

„И мою волю не розвѣе пустый вѣтеръ“ — отвѣвъ крайникъ постоянно, тай звернувъ къ дверямъ, щобъ побудити челядь. Но ледво ѓтложивъ гачокъ и вхопивъ за клямку, якъ етось зъ сѣней сѣпнувъ сильно дверми, и пять опрышкѣвъ стануло напрасно въ комнатѣ.

„Га, то уже такъ пѣзно?“ шеннула Зѣня, тай скочила до Маріи, котора на видъ тыхъ нечаянныхъ страшныхъ гостей мовъ пѣдломлена зъ нѣгъ ся повалила. Але ще не могла она принести боязливѣй помочи, якъ крайнигъ пѣрвавши за подвѣйку зъ стѣны, выпаливъ зъ обохъ цѣвокъ, и мовъ-то колода грянувъ одинъ зъ опрышкѣвъ на помѣсть комнаты. Зѣня

оглянулась, а надъ головою небачного старця заблѣсли уже четыре тонѳри.

„Олексо, стой!“ кригнула зъ цѣлон груди, и въ одвнѣ духъ станула передъ загроженнымъ и обняла го руками. Добошь спустивъ балту, але одинъ зъ его товаришей туй-туй шо не розчеренивъ голову старому, еслибы ѳтважна рука Зѣнѣ не вхопила була за деревинне тонѳря и не здержала ударъ въ воздухахъ.

„Семку, полѣви!“ загудѣвъ мовь медвѣдь Добошь: „и не твори ся на сѣду голову, бо грѣхъ.“

„Ягъ то? а Балонъ мавбы попрощатись недѣмшний“ — ѳтворкнувъ тотъ и поднѣсь зновь балту.

„Полѣви!“ — кригнувъ верховодецъ ще разъ и потрутивъ опрынкомъ такъ сильно, шо сей ажъ до дверей заточивъ ся. — „Для Балона давно стояла висѣльница ладомъ, и нехай подякуе Богу, шо зъ честной руки погябъ; а ты, опаристый Свату“ — обернувшись до крайника — „лиши ся пустою гадки. Не такъ легко зъ рукъ Добоша выдерти полонинную цѣвтку. Отъ дбай си лучше за свою бабу, шоць не заковязла изъ страху. А ягъ ты лоптятъ вязы, то пощидай ся несѣянымъ оцинкомъ, а на сесю пугавку не твори ся.“ Сказавъ и ухвативъ рукою за подвѣйку крайника, спустивъ цѣвками къ земли и ударивъ такъ сильно въ нихъ ногою, шо обѣ цѣвки ягъ мягкой два дроты зогнулись въ двое; а потому вергъ ними подъ лавицю и обернувшись до Зѣнѣ, поднѣсь плащъ, шо лежавъ ще середъ комнаты на земли, тай усмѣхнувшись до неѣ, каже: „Ну, красна

Рабочанко! часъ намъ домова ити. Давно засвѣтало, и кони заржавъ подѣ ворота. Далѣй люба на свободу!* И ухвативъ сильно Зѣню за руку, заверъ на ню широкій плащъ и потрутивши ногою труна, якбы радъ смерти Балона, понѣсь ся съ нещасною своею жертвою горѣ верхами въ боры.

VI.

Якій ми радости житя дало?
Яка пристань човенъ мой приняла?
Хомяковъ въ Брмаку.

Було то зновъ въ яри, передъ Великодними святы. Але Юра не припадало уже на Великдень, и снѣгу не знайшовъсь бувъ и на лѣкъ въ горахъ, хіба на Бержавѣ та Черногорѣ. Трава засѣялася мовъ щѣть по святой землици, и вѣвцѣ попускали були всягде. Весело дули верховиньскій молодцѣ въ трумбеты, що ажъ верхи ходили, а голосъ сопѣвки колысавъ ся по воздухахъ що рыбка по широкѣмъ Дунаю, и ѳтбивавъ ся такъ мило, такъ принадно о горы и боры, мовъ то звѣстка милои, що за любымъ тужить. А дѣялось зновъ въ самый страстный четверъ; сонце сунулось зъ полудня къ западови и несло вѣ свои лучѣ въ полонинѣ, где наша розпочала ся повѣстка.

А есть на сей полонинѣ пѣдъ самымъ еи щитомъ огромная скала, сягающа чоломъ високо въ воздухи. Въ скалѣ знаходитъ ся широка печера, здѣльна бѣльше дваццати хлопа помѣстити въ собѣ и прихоронити ѳтъ дощу и бурѣ; а зъ горла печеры добувае ся кришталная водиця обильными струями,

и тагъ студена, що лѣтомъ не можна еи малую чарку доразъ выпити. Всѣ стѣны пещеры написані суть всякими знаками. Знайдешъ тамъ написы крестигбѣвъ, топѣрцѣвъ, бугѣвъ и цѣлыхъ именъ тыхъ осѣбѣвъ, що колись-то, случайно або нарокомъ, сюда приходили и чарующимъ по всѣхъ верховинахъ видомъ наслаждались, або прохолождали путемъ и скваромъ сонця знуженій силы, черствою ягъ першій день яри водою. Єсть то оная Писана Керниця, за котору мы ачейже за двичи уже вспоминали, и которая въ оныхъ часахъ була однимъ зъ тыхъ безпечныхъ прибуѣжищъ опрышкѣвъ, где маючи пѣдъ своимъ окомъ всю просторонь ѳтъ запада, пѣвночи и майже цѣлого востока, супобѣно могли они розкладатись таборомъ на кѣльба дней. Цѣла окрестнѣсть була имъ ту пѣдъ рукою, а знакове намъ село съ дворищемъ лежало передъ ними ягъ на долони²³). И теперъ розложили ся они тутъ ѳтъ вчорайшого дня думаючи на поблизьбе яге мѣсточко ягъ яструбъ на куря напасти, щобъ приспособити вина и меду и всякои всячины на свята...

* * *

Дивно буде тоє гдекоторымъ зъ нашихъ читателѣвъ, ягъ могла жмѣнка боязливыхъ верховинцѣвъ поважатись нападати на тагъ споро залюдненій мѣсточка, ягъ: Болехѣвъ, Долина, Надвѣрна, Куты и иніи, а однакожь се истина. Власть правительна въ Польши була тогда-то тагъ ослабѣла, що кождый ѳтважный верховодецъ находивъ собѣ легко въ не-

сунодѣиномъ краю подобну собѣ дружину, и съ шаблею въ рукахъ становивъ для себе и своихъ право и правду. Сильнѣйшая ѳтъ королевского престола тогданная шляхта не могла такожь статись защитою противъ довольству, бо занимала ся она всѣма силами враждою въ конфедераційныхъ тогданнихъ роздорахъ и, во преки, стала ся ачейже сама причиною до утвореня оныхъ розбѣйничихъ вартугъ, которіи послѣдними часами польского владѣня несупоконили верховины руского Галича и пѳдбескидскіи мѣсточеа. Хотяи розпорошеніи Ракоczego сподвижники, складавшіи ся наибѳльше зъ людей безъ сталого жилища и крыющіи ся довго въ верховинахъ забескидскихъ (угорекихъ), могли були принаду до такого ремесла подати, однакожь жерело сего зла було далеко глубше.

Веремя, въ которѳмъ Верховина задрожала передъ власными своими балтами, було само тоѳ, коли польска шляхта, мающая въ Бескидахъ широкіи волости, а можбы сказати ніякихъ зъ нихъ приходѳвъ, яла надъ тымъ промышляти, яебы и зъ тыхъ тѣсныхъ своихъ пѳдданныхъ, трудячихъ ся майже исключительно скотоводствомъ, можливый хосенъ давъ ся потягнути. И въ тѳй то гадцѣ закладали они на свободныхъ смѳнѳвъ Бескида кромѣ звичайнои давнѣйшои оплаты, всякую десятину ѳтъ скота, овецъ и пѳбѳль, установляли рогове, карбы, чопове, якусь тамъ мо-скальщину, и иніи подобніи дани. Алежь тяжко було пустынного верховинця притягнути до тыхъ незвы-кныхъ ему тягарѳвъ. Дѣдичніи панове мешкали звы-

чайню на долахъ далеко, а передъ засланными до збору дани козаками скрывавъ ся верховинець лѣтомъ во вѣснь своимъ статкомъ въ недоступный зворы и бувъ тамъ безпечнѣйшій якъ козаць на своей сѣчи. А зимою не поважавъ ся жаденъ дѣльнянницъ посѣщати Верховину, где тогда ще за кожымъ крокомъ горозила снѣгами припорошена пронасть. При тыхъ обстоятельствахъ спустили гдекотрѣ дѣдичнѣ панове жидѣвъ, тую ненасытную зѣдѣжь, на Верховину и придали имъ вѣсѣ можливѣ жерела доходивѣ, якъ: корчмы, жорна, ступы, десятину и всякую дань въ аренду. Тѣи новѣ прибывльць розняничили Верховину незнаною ту ще горѣлкою, здерли кривдами и мантою послѣднѣи рубатки, позабирали велику часть управной землѣ въ заставѣ и привели супокѣйного и покѣрливого верховинця до крайности. Розидѣзли не въ обавѣ дѣдичнѣи панове тяжкѣи послѣдства перозважного своего поступку и гдекоторѣи зѣ нихъ по-выганяли назадъ зѣ Верховины жидѣвъ, где самовольству до нанесеня всякихъ кривлѣ такъ широкѣи путь; — але уже було за пѣзно.

Въ верховиньскихъ молодцяхъ, охолонувшихъ ѣтъ першого задору опѣйства, озвалася страшная жажда мести, и они вязались въ дружбу, нападали зѣ пер-вопочатку на ненавистныхъ имъ жидѣвъ у себе, а пѣзнѣйше шукали ихъ въ сусѣдщинѣ. Зѣ разу були то случайнѣи тѣльео выпадеки, потому ставали ся они, при возможности ухиленя ся ѣтъ заслуженои кары, общими. И коли Добошь, одинъ зѣ такихъ то ѣтважныхъ верховодцѣвъ, свои молодѣи товаришѣ въ силь-

ную содруживъ шайку, нападали они не тѣлько на самыхъ жидѣвъ, але и на дворы, на священникѣвъ, и на цѣлі наветь мѣсточка и села. Обстоятельство, що они мало коли потворились на маствоъ простого селянина, освятило було, простѣтъ же такъ кажу, тое ихъ ремесло у верховинця, и сей укывавъ передь судомъ ихъ приближца старанно, и лучивъ ся охочо при кождѣмъ неудовольствѣ до веселой дружины опрышекѣвъ. Бувъ наветь часъ, а то въ послѣднихъ временахъ польского владѣня, где тая злоба ставалась правомъ верховинцѣвъ, особливо Коломыйскихъ, и не знайшовѣсь бувъ села пѣдъ границею въ Бескидахъ, гдебы двоухъ або трехъ жителѣвъ не належало до шайки опрышекѣвъ. Пѣйти въ опрышекѣ, було принадою для бутного, або оскорбленого молодця; и ледво правительство австрійске возмогло, а уже то недавними часами, зовсѣмъ выкорѣнити тотъ легко возрастающій заблудъ всѣхъ жителѣвъ верховинѣ.

* * *

Но вернѣмъ ся назадъ пѣдъ Писану Керницю. Середъ чорной шайки опрышекѣвъ, що на теплѣмъ осною била полонинной скалы порозеладала ся, сидѣло кѣлька женьщинѣ въ куртыхъ сѣракахъ, и въ бруднѣмъ нарокомъ солониною затлушенѣмъ платю, около широкой ватры, пѣдъ розложистымъ ягъ свѣтъ старымъ дубомъ, который мовъ-то послѣдний первовѣкѣвъ прадѣдъ самотно ту стоявъ и густыми своими конарами къ печерѣ нагнувъ ся.

Женьщины тїи пряталїсь однїй около спорого кѣтла, що висѣвъ надъ огнищемъ на нахиленѣй къ ватрѣ буковѣй галузи, мѣшаючи въ нѣмъ якуюсь замѣшкѣ, то прикладаючи до огня сухе паливо, а другїи смоктали зъ люлькоѣ недогарки, або запѣкаючи при грани, подавали ихъ мужескимъ своимъ товаришамъ. А всѣ були въ спорѣмъ розговорѣ.

„И такой бачъ, вовкозуба Гага поверла насъ,“ — зачала одна — „вѣдавъ чи не схоче она зновъ розшалашитись на пустари? Проклята трупиця! себѣй и въ пеклѣ не буде тепло.“

„Гей-аба!“ озвала ся друга: „коль не стало уже Бориса, щобъ запѣкавъ черепаню та затыкавъ бабѣ въ зубы.“

„О, тотъ же ей ся натыкавъ, що ажъ гакъ одинъ высадивъ зъ рота“ — заверла трета розсмѣхнувшись глумно, тай шурнула мосяжною люлькою въ огонь и присунула прыскомъ.

„А однакъ кто знае,“ — озвалась зновъ друга — „чи не Балаша кости вабятъ тую чортовую свѣсть до сего села. Она менѣ казала, що Балашъ стае ей завсе на очи и не дае заснути, якъ небѣжчикъ ей Петруньо, що му вороны обглодали ребра. Бачу чи не опирь ѣнъ?“

„Та чи не домагае ся ѣтъ неи, щобъ дала попови на службу за его душу!“ — зашидѣла трета. „Га-га-га-га! отожь знайшовъ собѣ церковь, Богу ся молити!“

„Ой правду кажешь, сестрице, Богъ бы ти давъ вѣчочоѣ!“ зачала зновъ перша. „Она бы скорше

выгнала душу зъ тои, черезъ котору и сынъ и сестрѣнникъ погибли безъ сповѣди.“

„Зъ кого? зъ нашої попадѣ?“ запытала пошептомъ трета, вытягаючи люльку зъ огня, тай зиргнула на верховодця шайки, що мовъ медвѣдь розстеливъ ся били керницѣ. „О, най собѣ не сунить глудбѣ“ — додала далѣй — „си душа ачейже сама скоро вылѣзе шиломъ черезъ дурную голову.“

„Або вылѣзе, або не вылѣзе,“ — озвала ся четверта, знати троха уражена, — „але сесе неспасенный грѣхъ, що сей проклятый козубъ на бѣдне Зѣнчиско ворогує, же Балонь задеръ пятами, мовъ-то черезъ ню ся тоє стало. Вѣдавъ бы тому рогатому бѣсови щось лѣпшого належало ся на свѣтѣ. Крайникъ, чую, спрятавъ его якъ якого пана. Ой черезъ него то и я бѣдная скитаюсь по тыхъ безвѣстехъ —“

„Або що, хлопе! може такой не черезъ Зѣню погибъ Балонь? И я бы сама не була лѣпша“ — отвѣтила друга.

„Вѣрю,“ — зачала тая — „бо васъ обѣ ачейже рѣдная мати родила. И зъ твого рота, сестрице, визирають вовчїи зубы.“

„А тобѣ чортъ до моихъ зуббѣвъ! Диви, яка ми красота — пуголовица!“

„Ты сама пуголовица.“

„Чи мовчинь ты, опирице!“

„Ты сама опирица“.

„Фенно, подай ми вареху!“ — звершала тая — „най тѣй рекрутѣ ротъ заткаю“ — и схопилась до ватры.

„Тихо! прокляте насѣнье!“ — заgrimъвъ сильный голосъ верховодця — „бо мѣхомъ скѣру стягну. Дѣлайте све дѣло; а вы хлопцѣ поострѣть балты. Болехѣвъ далеко²⁵), и завтра не буде часу. Заразъ зъ вечера покликати все товаришѣ зъ сусѣдныхъ сель, щобъ ставились завтра на нѣчь въ Бубнищохъ²⁶).

На тотъ голосъ замовели бабы та взялись до своего дѣла, и толькѣ часами ѣтворнула гдекотра середь смѣху и неприличныхъ бесѣдъ и глумованъ розбузданой вартуги.

Но мы ѣтвернѣмъ ся ѣтъ того зрѣлища, где дикѣсть съ злобою промѣшалась въ половици, и гляньмы на хвильку въ иную сторону полонины.

О кѣлька стай ѣтъ Писаной Керницѣ въ малѣй закѣтлинѣ, висящѣй надъ стрѣмкимъ первовѣчными лѣсами зарослымъ берегомъ полонины, сѣдѣла страдальница тыхъ гѣръ, ѣдная Зѣня. Лице еи выблѣдло якъ цвѣтъ въ земнику²⁷), око загасло мовъ въ хмарахъ звѣзда поранна, сила души зломлена, а на чолѣ розпростеръ ся сумъ тяжелый. Не була то оная гожа и ѣтважна дѣвица, плеканница гордыхъ Бескидѣвъ; зъ давной Зѣнѣ позѣстала заледво тѣнь. Глянувши на ню, гадавбысь, що то памятникъ на могилѣ. Аде она не промавляла до никого слова зъ блѣдавыхъ своихъ устѣ. Съ заломлеными руками и похиленою къ земли головою сѣдѣла она нерухомо надъ дѣбрею, звернена къ селу, и безъустанно слѣдила въ нѣмъ огомъ, втопивши зрѣницю въ дворцище, и видѣло ся, що хотѣла взрокомъ пробити его стѣны.

Щожь тамъ дѣяло ся въ тѣмъ дворици? Непрестанно сновали ся тамъ люде, то въ дѣмъ, то зъ дому, и чимъ разъ бѣльше крестьянъ сходило ся на подвѣря, и чимъ разъ бѣльше зѣзджалось сусѣдъ изъ всѣхъ сторонъ, то кѣнно, то возами, нѣбы на якусь учту въ гостѣ. И ще не було досыть, и ще ся збирали люде. Уже наповнилось цѣле пѣдвѣрье, и по улицы зачались мѣстити. Щожь тамъ за гостина въ дворици?... На лицѣ Зѣнѣ мальовала ся неописана тревожливѣсть. Невѣбѣсть окропнѣйна надъ саме нещастье. Ажь ту наразъ загудѣли ѳтъ церковнѣ всѣ дзвоны и ѳтбили ся нечаянно о уши невѣсты. Поблѣдла якъ смерть, и верла туда окомъ.... О горе, горе! Бачь, тамъ выносятъ хоругвы и крестъ и свѣщникъ, и три священники въ жалобныхъ ризахъ пускають ся зѣ дому Божого. Идутъ, идутъ, — и станули передъ самымъ дворищемъ на подвѣрю.

Досѣ сѣдѣла Зѣня влѣпивши око въ одну черту землѣ, якъ мати въ око умирающей дитины. Теперь схопилась она, пѣднесла зрѣницѣ и руки къ горѣ, и мовъ спужена хибкая ланя верла ся стрѣлою черезъ страшную улеть въ боры, стороною до села. Не далеко бѣгла. На пустари, коло самой хижи Зубанѣ, упала бѣдна привалена новою болестею, якъ голубка, которѣй яструбъ обломить крыла. „Одну камлю водички!“ погадала въ души и зѣбрала всѣ силы, щобъ притягнути ся до якого потока. Но ледво пѣднеслась и глянула около себе, стае передъ нею ненавистна невѣста, которую судьба, чи то на щастье чи нещастье, выгнала въ тую самую хвилю зѣ заверженой хижи.

„Ахъ, чи ты ту, Зѣничко? Та где такъ спѣшишь, солодка ма?“ — проговорила зачудовавшись Зубаня, тай прикочила до Зѣнѣ. — „Гу! ты ся задыхала, якъ мѣхъ на Демни.“

„Водицѣ, бабко, водицѣ!“ — залобедѣла тая — „та покажи ми, куда въ село.“

„Гу! тажесь бѣгла черезъ потѣкъ, дитинко, та чого ты такъ споришь въ село?“

„О, ты не знаєшь, Гафо, що тамъ ся въ селѣ дѣе.“

„Знаю я, моя голубочко, знаю. Але гей-аба! Молодіи можуть умерти, а старіи мусять. Уже ты своего сѣдого батенька не воскресишь, солодка ма, хотяй-бысь и сама за него лягла въ могилѣ. Але не пуджай ся тымъ, дитинко, Матѣника Божа съ тобою! Ходи сюда до потѣчка, закропи ся водою. Та най ти роздеру рубатку, щобъ ти не пошкодило.“

И по тѣй солодкѣй промовѣ пѣдпировадила освялую до близького потока и, захолодивши своцанѣлою рукою, зачала зновъ до неи:

„Та чогожь ты пѣйдешъ теперь въ село, Зѣничко дорогая? Тамъ повно людей въ дворищи, щожь ты тамъ будешъ робити?“

„Я сама не знаю; пѣйду — умираги!“ ѳтповѣла Зѣня, тай схопилась, щобъ далѣй ити.

„Гу! згорѣлабысь съ таковъ гадковъ!“ — воренула баба и вхѣнила ю за руку, щобъ троха придержати.

Мимовольно задрожала нещасна на тѣи слова и торкнула рукою, якбы гадина хапалась до неи. Але баба не полѣвила, а учувши дроць, проходячѣй че-

резь составы руки бѣдной жертвы, обняла ю мовь-то зъ щирои прихильности ще тѣснѣйше, и якбы якій щасливый замысль пересунувъ ся ей черезъ голову, наповнили ся наразъ всѣ проломы пристрастями заоранои еи твари, ротъ розтягнувъ ся въ ненавистно-радостный розсмѣхъ, и лишившій ся еще одинъ зубъ высадивъ ся надзвычайно далеко зъ щоби.

Но скоро звинула ся назадъ тая страшная грамота еи души въ звычайну карту, и она нахилилась ко дрожащѣй невѣстѣ тай зачала стиха:

„Не часъ ще тобѣ гадати за смерть, солодба ма! Якъ наживъ ся тѣлько яе я, тогдажь буде пора. Теперь тобѣ за що иного дбати. Лини умерлыхъ — легка бы имъ земля! — въ супокою, а сама гадай, щобъ разъ выдерти ся зъ пазурѣвъ оного медведа, що злотночивъ твою долю. И днесъ хвила до того. Щастье твое, щось ся вылизнула на часочоувъ зъ пѣдъ его и зъ пѣдъ ока старого лиса Провона. Далѣй я тебе прихороню, доувъ ти не засвѣтитъ иное сонце, а може и менѣ при тобѣ.“

„Гафо, пусти мя, бо менѣ чогось таувъ лячно тутъ. Охъ, я бы хотѣла подивитись хоть на деревище, где лежить мѣй любезный татко.“

„Правду кажешь, Зѣничко, ту ты небезпечна. Але я тебе пѣдпроваджу въ такое мѣстце, где ты и лихий не знайде, и зъ вѣдтамъ будешь могла видѣти цѣлѣй похоронъ. Але пожди троника, най ще ѣтѣбну и примгну хижу.“

Бувають въ житю хвилѣ, въ которыхъ чоловікъ забуває на всю понесену печаль и горе, и въ най-

лютьишомъ врагу видить своего брата. Суть то хвилѣ великихъ радостей и тяжкихъ болѣзней. Бываютъ нещастя, въ которыхъ удары судьбы такъ зломятъ и найсильнѣйшую душу, що она маоважить, куда ю послѣдна попровадить доля. Такъ было и съ тою ту невѣстою.

Днесъ чотыри лѣтъ минало, якъ она въ найкраснѣй житя добѣ, въ которѣй цѣлѣй свѣтъ плескавъ къ ней въ долонѣ, проходжалась по тыхъ горахъ; днесъ чотыри лѣтъ минало, где она тѣлько о звѣздахъ своихъ небесъ, тѣлько о щастю думала; где она заранѣ того своего щастя по такъ страшнѣй съ звѣремъ стрѣчи, ябгы воскресша, на власнѣмъ гробѣ витати здавалась; днесъ она прискитала ся въ таку саму пору, въ такое красное полудне, въ неописанѣмъ горю и въ крайнѣй недоли сюда. Съ всѣма тыми воспоминанями въ сердцю усѣбла нещасна въ устороню на полонинѣ и влѣпила очи въ дѣмъ, где выболысалась и где ей ярь розвивалась и ждала жадливо на хвильбу, чей чи не выйшлибы тѣя, що ю выплекали, та чи не вынѣсбы кто на рукахъ маленького дитяти зъ дворища, щобъ ухватити окомъ хоть тую одну може послѣднюю потѣху, же всѣ любезнѣи ей сердца жиють ще на свѣтѣ, и понести съ собою хоть тую одну радѣсть до мешканя суму. Но мѣсто той потѣхи, принесло ей око новую болѣзнь: смерть того, которому все винна, крѣмъ житя и недолѣ.

Въ такѣмъ состоянѣю души знайшла ю Зубаня, и въ такѣмъ состоянѣю ѳтдала ся Зѣня въ ей руки, не поминаючи на тоѣ, що Зубаня была найбѣльшою

причиною сего ей горя, и рѣшилась ждати на ню не зважаючи, где она ю попровадить: — чи на свѣтъ, чи въ нову пропасть. Для ней не було уже надѣи. За тричи уходила она зъ шайби опрышебѣвъ, и метала ся разъ наветь въ глубину быстрого Прута, але все надаремно. Житье ей не стояло, якъ то кажуть, за пушку соли, але она не хватала уже бѣльше за его пасма. Нить тая здавала ся бути и такъ уже дуже слаба.

Тымъ часомъ ѳтбѣгла Зубаня до хижи. Ледво тамъ прійшла, ѳтсаинула яббы ей ето могилу знявъ зъ грудей, и пѳдперши обѣ руки въ выхлїи клубы, розсмѣялась чортовымъ смѣхомъ, тай каже: „Ажь теперъ же надѳйшовъ часъ! Пекло буде лиговати въ радости — — Тихо, мѳй сыну, тихо сестрѣннигу, заразъ, заразъ — — —“

И пѳдскочила, яббы нею шибло, шурнула рукою до полицѣ, вытягла маленьку шебрану торбину съ кресиломъ и кремьянковъ, заткала жмить губки до ней, и ткнувши все тое за пазуху, поспѣшила назадъ скоренько до Зѣнѣ, которая якъ ѳвця ведена на колоду, мовчки на тѳмъ самѳмъ мѣстци ей ожидала.

Черезъ густѣ боры понадъ потоки дебрами, куда лишь хйба она сама ходила, и где око сонця, якъ довго звѳдъ неба движить, ще николи не заглянуло, провадила она Зѣню. Черезъ зломы и отвѣчное гниляча дерлася она съ нею зъ пропасти въ новую пропасть, зъ улети въ новую улеть. Що часочокъ ставала Зѣня, ѳтдыхаючи зъ ослабѣвающои груди, напо слѣдогъ упала безсилна пѳдъ стрѳмкою якъ вежа

гору, тай каже до своєї проводжайки: „Я уже да-
лѣй не могу!“

„Зѣничко любезна, ще лишь на тую гору. Та
ты ю маєшь знати, то Остра Кѣчирка, що надъ са-
мымъ селомъ. Спѣши, солодка ма, спѣши, бо тымъ
часомъ похоронъ скѣнчить ся, та ничего не оба-
чишь.“

На тїи слова зѣбрала Зѣня послѣдніи свои силы
и зачала дерти ся на гору. Знала она добре тотъ
верхъ; лежавъ онъ въ истину надъ самымъ селомъ,
и все ягъ на долони можна було обачити зъ него.
Тое пѣдгрѣпляло знемагающую новыми силами.

Черезъ густый яловый лѣсъ, обрывающій цѣлую
восточну часть горы тои, треба имъ було пересадити.
Гора не була зъ тои стороны надто стрѣмка, але
путь спинала инакша перешкода. Передъ кѣльгома
лѣты загостивъ бувъ въ тїи сїглы знакомый лѣсовый
червь, що часами ягъ шаранча на боры спадає и
обгрызаючи пѣдъ корою плѣвку, цѣлии обшары лѣ-
сѣвъ до послѣдного морить пня. Обдертый изъ всеи
своєи красы, выхлый якбы на грядяхъ, стоявъ ту
лѣсъ тотъ представляючи сумный видъ розореня, як-
бы въ тѣмъ закутѣ вся природа заумерла. Всю на-
рость, недогрызки чатины и дрѣбнѣйшихъ галузъ,
наветь самїи ѣтламки пѣдгрызенои коры, позрывали
вѣтры и постелили на землю, поспыхавши одно верхъ
другого такъ, що тяжко було ступити ногою, жебы
не завадити о дрѣбный ломъ, который сухими вѣтра-
ми погодливои яри, ягъ кажутъ, на перець просу-
шенъ трѣщавъ ломячись пѣдъ ногами.

Довго ишли женьщины черезъ тую сиглу и съ тяжкимъ трудомъ добились на верхъ. Пôдъ верхомъ зазеленѣлась имъ уже природа. Якъбы шануючи щить, не доходявъ ту розточающій зубъ ненасытного черва и лишивъ на самôмъ верху маленькй перелѣсокъ молодыхъ ялицъ неткненный. Але въ околѣснью верника, который острымъ закънчавъ ся рогомъ, лежавъ зновъ лавою, стятый въ осени, весь находящй ся тутъ запусъ, назначенъ на спаль пôдъ насѣнное зерно²⁸). И такъ представляла тая гора, ôтъ своей подобы „Остра Кѣчирка“ прозвана, сумный и ôтражающй видъ заумерлои або стятои сухолѣси.

Въ послѣднихъ напруженяхъ силъ, пересаджаючи черезъ устеленй ломы и рубань, дôстала ся Зѣня на щить, и упала, добившись на западну сторону, надъ простоналую улеть, которая надъ самымъ селомъ стерчала, и ôтдохнула на хвильку. Сонце було въ самôмъ заходѣ и украшало всѣ верхки гôрь золотымъ вѣнцемъ рожаного блеску, мовъ красить народолюбный царь богатырôвъ славы. А надъ селомъ долѣ дрожала полувечѣрная зоря и низала каплй небесной росы, нѣббы перлы, на шовкову нить, щôбъ ихъ обильно розсѣяти на лице освялои природы. Але для освялои Зѣнѣ не було небесной росы. Скванно поглянула она на дворище, но не знайшовши тамъ живои души на подвôрю, звернула съ неописаннымъ смуткомъ къ церковци свою зрѣвницю. Але и тамъ не було никого на теметовѣ²⁹), лише однй хоругвы стояли поспираний о низкое пôддаше Божого храма, та грôбъ середъ теметова недалеко креста зѣвавъ отворомъ, а

зъ церковцѣ розходили ся смутнѣй похороннѣй снѣвы и ѳтбывали ся глухо о Кѣчирку. Тѳлько обачила Зѣня зъ своего устороня и востхнула цѣлою душею. Дальше розглядыванье и грусть перервала ей Зубаня, у которои всѣ жилки твари, якбы основа на варстатѣ пѳдъ рукою ткача, робити зачали.

„Зѣ-ѳтти, Зѣничко моя.“ — сказала она, тай яла облестно гладити ю по головѣ. — „зѣ-ѳтти обачишь все и учуешь омаль не каждое слово, а никто ты не послѣдитъ. Сѣдижь собѣ тутъ и придивляй ся. Ту ты безпечна. Зѣ полонины наневно никто насѣ не постерѣгъ, а ту никого нема, що бы насѣ послѣдивъ. Але сокоти ся, щобъ ты не напала кортячка долѣ дебревь кинутись въ село, за бѣлого дня, где цѣлый тлумъ людей и всѣ знакоми вытрѣщалибы на тя якъ на якій дивоглядъ очи. Отожбы ты нагнала чести для матери, та принесла потѣхи бѣднѳй вдовици въ си дешнѳмъ смутку! Тотъ вечеръ мусишь, моя солодка, доконечно ще тутъ перебѣдовати. чей то буде послѣднѣй въ твоей недоли!“ — додала съ притискомъ тай глянула нетерпеливо наоколо, якъ злбникъ, що ся власной лякае тѣни. „Я пѳйду въ село“ каже: „и скоро убѳдичить ся похоронѣ, и сумракъ землю приляже, буду старати ся, щобъ твоя мати увѣдала за тя. И кто знае, солодка ма, може ще тои ночи пѳйдешъ съ матереею домѳвь. Но кажу ти ще разъ, сокоти ся, щобъ ты не покортѣло, бо — — — —“

Не докѳнчила далѣ, и якбы ю лихій вхоинивъ за вязы, зѳгнулась въ трое, и поспѣшнымъ крокомъ

счезла долѣ верхкомъ помежи сухолѣсній зворы назадъ въ глубокую дебру, оглядаючись на всѣ стороны скванно.

Не много уважала Зѣня на бесѣду облестной бабы, и больше якъ пѣвъ години сѣдѣла она надъ улетю, мало свѣдома за все, що ся дѣяло около неи. Ёи душа була въ церковци при тѣмъ, которого она бѣльше всего на тѣмъ свѣтѣ любила и которому днесь послѣднюю ѳтдавано прислугу. Всѣ дни молодыхъ лѣтъ станули ей темень передъ очима, а попри нихъ стоявъ сесь праведникъ, якъ тое теплое сонце, що огрѣвало тѣмъ дни. „О, кто знае,“ погадала въ собѣ: „чи не була я сама причиною его смерти.“

И тяжко застогнала ей грудь, а на пасемнику ей памяти пересунули ся всѣ пригоды зъ послѣднего приключеня въ дворищи. И мимовольно погадала за маленького своего Зеня, за пристарѣлую Марію, за ихъ будущину; а вся материньская тоска и любовь, вся вдячнѣсть щирои и печаливои дочки, розплынули ся по ей болѣзненнѣмъ сердцю. Якъ тихій вѣтрець зъ надъ широкого моря зашелевѣли ей темень вѣщи слова Зубанѣ, и маленька искра зъ давно спопелѣлои ватры, искра надѣи, заблїсла ей въ души. „Чей то буде послѣдній вечеръ и твоей недоли!“ повторила еще разъ въ своемъ умѣ и взнесла руки къ горѣ до небесъ.

Въ тѣмъ ударили крайніи лучи заходящего сонця о ей блѣдавое лице, якбы хотѣли въ вѣки попрашати ся съ нею, и въ туюжь самую хвильку ѳтбила ся о ей уши сумная гробова пѣснь: „Прїйдѣте по-

слѣдное цѣлованіе,“ несена черезъ воздуха зъ церкви. Зѣня зорвалась зъ землѣ и въ отчаянію своемъ пустилась долѣ дебревь къ церкви; але якбы щось трунуло нею, верла собою назадъ, скрываючись за ялицю. Молодець знакомый зъ села, найблизній дворища сусѣдъ, показавъ ся пѣдъ Кѣчирковъ идучи просто къ верхови, где найгустѣша рубань лежала, и она соромѣлась бѣдна появити ся ему въ своей недоли. Такое то женское сердце! оно не выречеть и середь наиболестивѣйшихъ ударѣвъ судьбы природного собѣпитомства... Зѣня звернула въ другу сторону, но зновъ станула нерозлучна: пересторога Зубанѣ прійшла ей на тямку. „Га! смутку мѣй темный! Щожь я провинила такъ тяжко, же менѣ на тѣмъ свѣточку такъ тѣсно?“ — заговорила къ собѣ стиха, тай якбы яка высшая рука спиняла ей стоны, вернулась назадъ на давнѣйшее мѣстце уккрыта своего, тай ставши на колѣна, зложила передъ себе руки ягъ до молитвы.

Але ей уста не порушались, тѣлько грудь робыла тяжко. И очи не були биля церкви, вбила она ихъ нерухомо въ землю передъ собою. Була то хвиля, въ которѣй сердце за ничъ не хоче знати, и ничъ бѣльше не бажає.

Тымъ часомъ гинули голоса зъ церкви чимъ разъ бѣльше, и чимъ разъ менше и менше чути було похоронного спѣву. Нанослѣдокъ не доходивъ и наименній гомѣнь зъ села, тѣлько якійсь глухій шумъ, прорываный безъустанными трѣскотами, прошибавъ воздуха. Зѣня глючала завсе ще съ зложенными руками, ягъ гробовой памятникъ, и не чула нѣ спѣву,

нѣ знала за шумъ, що ю окружаѣ до окола. Шумъ вмагавъ ся чимъ разъ бѣльше, и чимъ разъ сильнѣйше яло трѣскотати въ воздухахъ, а перелѣскомъ зачавъ носити лютый вѣтеръ зъ востока. Она ще стоить на колѣнахъ, и влѣпила очи передъ себе въ землю, якбы уже цѣлкомъ належала до неи.

Уже зачало гудѣти и попри самъ верхъ горы, и надъ еи головою явъ ся розбѣвати страшный шумъ, яѣтъ волны розколысаного моря, а она ще не чуе, не знае мовъ полумертва.

Ажъ ту подувъ востоковецъ сильнымъ нагономъ и посадивъ густымъ дымомъ къ щитови горы, и цѣлый верхъ станувъ наразъ въ чорной хмарѣ. Якбы зъ тяжкого сну пробуждена збрвалась невѣста, глянула въ около себе, и о Боже! цѣлая гора стоитъ въ страшнѣмъ огни.

Не знаючи цѣлого огрому горозящои опасности, станула Зѣня нерозлучна; по хвили пустилась въ сторону, зъ-ѣткѣль не показувавъ ся дымъ, верла окомъ долѣ, по передъ нею зѣвнула поломѣнь якбы зъ пекельной безоднѣ. Перестрашена ѣтскочила и винулась въ другій бѣкъ острого верха, але и тамъ отворилось тоежъ самое пекло. Задрожѣла нещасна на цѣломъ тѣлѣ, однаѣкъ не утративши ще цѣлкомъ надѣи, поскочила въ сторону до села, куда стеливъ ся дымъ чорный, и съ всѣмъ упованьемъ, що ту знайде просмыкъ, пустилась зъ щита долѣ улетю, бѣгла спорый кавалець середъ страшенныхъ валѣвъ дыму, не могучи ничъ передъ собою узрѣти; ажъ напрасно взноситъ ся чорная хмара, а передъ нею явивъ ся видъ

ше страшливый. Цѣлая рубань, що майже половицю горы застелила, бухае пожаромъ, и не ма'шь мѣтца, анѣ одной деревини, що бы не палала въ огни.

Мертвенный ужасъ перебѣгъ ледомъ по всѣхъ составахъ несчастной невѣсты, она станула ягъ камѣнна и заломила руки.

Но годѣ було постояти хвильку и схопити до розваги гадки. Ягъ зъ рѣзжаренои печи зѣвавъ ту воздухъ и тамовавъ отдыхъ въ груди. Сквипно порвала полу своєї одежи, закрыла ротъ, и вернулаь назадъ къ горѣ, зъ-откѣль була прибѣгла.

Ще въ одной сторонѣ, въ сторонѣ, куда ю вела Зубаня, блистала ей зводливая надѣя, и туда звернула она свои кроки. Но чорный горячий дымъ, гоненый вѣтрами зъ востока, не дававъ отдыху грудемъ. Припала къ земли и на рукахъ посунулаь назадъ къ шитови, и на другую сторону верха. Уже минала перелѣсокъ, приближилась къ мертвои сухолѣси, хотѣла споглянути въ околѣ, але дымъ чорный, которымъ беззустанно вѣтры шибали и до щита къ сырому припирали лѣсови, не дозволивъ свѣта зрѣнниці.

Гонима любовою житя, котора и въ найнещаслившомъ пробудить ся, скоро онъ зазритъ студеной смерти въ очи, пѣдхопила ся бѣдна на кострубату смереку, черезъ которую вѣтры дымъ переносили, и глянула долѣ.

Но щожъ обачила нещасна? Цѣлый высухлый лѣсъ жарѣвъ въ непрозримой поломѣни, а огонь доходивъ уже туй-туй вершка, и уже хватавъ крайни

деревины зеленого перелѣска, послѣднаго еи хранилища.

Въ найвысшій розпуцѣ, видячи передъ собою смерть неизбѣжиму въ згари, кинулась назадъ долѣ горювь, и бѣгаючи съ розпротертыми руками понадъ улетъ, яла проникающимъ скалы голосомъ бликати: Ратунку! ратунку!

Тымъ часомъ взмагавъ ся огонь до крайной люто-сти. Отдыхъ стававъ ся що хвиля тяжнимъ, горячѣйшимъ воздухъ. Вѣтры гудѣли, поломѣнь переверталась и шибала собою на всѣ стороны. Шумъ заглушавъ воздухъ, трѣскоть продеравъ небеса, цѣла гора сталась живымъ пекломъ, въ которомъ бѣдна душа пицала ратунку.

И чимъ разъ ближе, чимъ разъ скорѣйше подходила згарь, и чимъ разъ яснѣйше ставала смерть и неописаніи муки передъ очима безнадежнои жертвы. Увѣрена, що нѣтъ спасеня, збрала нещасна всѣ свои змыслы, взнесла руки къ небесамъ, до послѣднои всѣхъ живущихъ надежи, и съ отреченьемъ, до якого только взнести ся можна, припала назадъ на колѣна. На цѣломъ тѣлѣ дрожала она, але давна сила души появилась ще разъ въ ней; она ждала супокѣйно, безгласно, докъ не надѣйде страшная фаля и не запре ей отдыхъ на вѣки. Лишь ще одинъ разъ глянула на свѣтъ, и къ дворищу, и къ церквѣ, и якбы вѣтры склонились до еи послѣднаго желаня, верли сильно чорными туманами въ обѣ, цѣле село открьлось передъ еи очима, и она дозрѣла черезъ вечерный сумракъ, якъ крайнига останки спускали

до землѣ. „Заразъ, заразъ татку, буде твоя Зѣня при тобѣ!“ озвала ся дрожанимъ якъ листь голосомъ, стягнула тварь до усмѣху, въ которѣмъ и розпука и радѣсть въ одинъ складъ ся стяли, и склонила къ землѣ голову, щобъ ухилити ся ще на часочокъ передъ пожигающимъ пламенемъ, которого вѣтеръ зновъ наднѣсь надъ ея голову.

Уже розгорѣвъ ся перелѣсокъ за нею, и надъ нею уже загудѣло, уже яло опускати нещасну свѣдомство себе, якъ якійсь голосъ озвавъ ся черезъ страшный шумъ пожара: „Зѣню, где ты? Зѣню, бѣй ся Бога, озви ся!“

Но Зѣня не здужала озвати ся; она клячала прихилена лицемъ къ землѣ якъ нежива, и туй-туй що ино мавъ захонити огонь цѣлую сторону ея станица, якъ якійсь чоловѣкъ въ тлѣющій на кѣльбохъ мѣстцахъ рубатцѣ, съ розпеченымъ ѡтъ огня лицемъ, припавъ мовъ гоненый туръ къ ней, вехонивъ безсвѣдому на плече и понѣсь черезъ догаряющую спаль долѣ на безпечное мѣстце.

Бувъ то тотъ самый молодець, которого Зѣня соромѣла ся стрѣчи, коли пустилась була долѣ улетю въ село. И оноє старанне ухиланье ся передъ однимъ чоловѣкомъ въ хвили, коли середъ цѣлый тлумъ люда вступити була ся рѣшила, не було безъ причины. Молодець сей плѣненъ красотою розвивающей ся крайниковои Зѣнѣ, осмѣливъ ся бувъ колисъто просити о ея руку; но она погордѣла кметскимъ сыномъ и ѡтправила честного молодця, можбы сказати, съ погордою. Его появленье пѣдъ Кѣчирковъ

ударило ще въ одну розстроєну струну еи сердца, и она не могла передъ тымъ, которымъ колись-то погордѣла, показати ся днесъ въ крайнѣмъ своемъ укороеню и найглубшѣй недоли.

Молодецъ сей выйшовъ нарокомъ зъ села пѣдъ вечеръ, щобъ пѣдпалити рубань, и старанно пѣдкладавъ огня на кѣлькохъ мѣстцахъ, щобъ ладно згорѣла и щобы не много полишало ся недогаркѣвъ до чищеня поля пѣдъ зерно. Его дѣло инло споро. До застеленои лавою деревины, которая ще лѣтѣсь була стята, имавъ ся огонь охочо; однакъ го здивовало, що изъ противнои стороны горы почали садити густѣи дымы; и ледво ще ветигъ ѣнъ пѣдбѣгнути къ горѣ, щобъ розпѣзнати причину, якъ вѣтры пѣднеслись, яли метати огнемъ на все стороны, и въ короткѣй хвили заняла поломѣнь цѣлую гору. Уважаючи, що зъ тои згари не буде никому шкѣды, а насупротивъ хѣсна приспорить ся, ставъ ѣнъ оподаль и придивлявъ ся величавому видови, который представивъ ся его оку, анѣ допускаючи собѣ на гадку, щобы въ тѣмъ страшнѣмъ погарищи страдала колись-то такъ милая ему душа.

Ажь ту шибнувъ вѣтеръ волнами, и въ самѣмъ верху загудѣло окропно. Глянувъ, и невѣста съ розпростертыми руками появила ся ему посередъ страшенной поломѣни. Голосу еи не дочувъ ся ѣнъ, але еи лице спѣзнавъ ѣнъ заразы. Якъ оный нещасный, що невиннымъ случаемъ власную пѣдпалитъ хижу и въ пожирающѣй поломѣни дорогую обачить сестричку, такъ задрожавъ ужасомъ нашъ молодець,

мовбы грѣмъ била него ударивъ въ землю. Що силъ стало, зачавъ оббѣгати огнище, такъ само якъ нещасна Зѣня на верху перелѣсокъ оббѣгала. А лежъ бездѣла! Черезъ тую княщую тебѣнь не було переходу.

Но глубокочувствительный сынъ Бескидѣвъ не линась надѣи, и отважный пустити ся бодайбы и въ самую огня нащу, мечесь ще разъ на всѣ стороны. И прилетѣвъ на мѣстце, где найперше подложивъ огня, въ гадцѣ, що ачейже тутъ притихло троха; но все надармо. Опустивъ руки и уже хотѣвъ кинутись до села, щобъ не увѣдали и не грызли люде, коль уже сумлѣнье буде грызти, але якбы вышшою потрученъ рукою, подбѣгъ ще къ плечу, где ся стыкали горы, и глянувъ — —

Зъ подѣ самого вершка Кѣчирки плыла маленькимъ яркомъ вода зъ керницѣ. По надѣ ярокъ тяглася смуга молодого лѣса, которого на рубань не валено, бо ярокъ не здѣбный до засѣву. Тую смугу хонивъ огонь ще зъ початку и обпаливши галузки и чатину, лишивъ всю деревину въ недогари, и тѣлько сюда и туда бухали ще якъ сѣрка смольни галузы въ гуцавъ.

Мовъ слѣпый, що напрасно небеса обачивъ, силеснувъ молодой верховиниць въ долонѣ, и дайже въ смугу. Густо сыпали ся ще искры, а розжарене угля надало зъ догорѣвающихъ галузь и пропалало одежъ на отважномъ молодци, но ѓнъ не зважавъ, не чувъ того, ему одно було на гадцѣ, его горячѣйше пекло въ грудници. И добивъ ся до щита, и зачавъ кликати; но никто не наголошавъ ся ему. Уже гадко-

вавъ, що все за нѣзно, и съ тяжкимъ якъ земля сердцемъ рѣшивъ ся повертати, щобъ самъ не положивъ жита; ажъ ту грянувъ ще разъ и обачивъ нещасную на колѣнахъ, прихиленую лицемъ до студенон землѣ.

Що ся далѣй стало, уже знасмъ. Вынѣсь онъ ю на плечи, вынѣсь съ крайною опасностею власного жита, вынѣсь и приволѣвъ омѣлѣую до потока, отверзивъ до жита водою — але еи духа не возмѣтъ онъ бѣльше отверзити. Она — лишилась ума.

И не довго протягала ся слабая питъ еи жита. На страсть задзвонено, якъ великодушный молодець припровадивъ изъумлену до дворища, а ще не задзвенѣвъ радостный голосъ Воскресенія Христова, ягъ Зѣня упокоилась на вѣки.

* * *

А Добошь? Другого заразы дня узрѣли верховины середь спонелѣлого згарища Зубаню на обгорѣлѣй ялицы. Она то пѣдпалаила зъ другой стороны гору, и она не убѣгла палежной своей надгороды зъ рукъ опрышка. Отъ того часу не видавъ Добоша никто надъ Опоровою рѣкою, а конецъ его жита извѣстенъ изъ народной пѣсни, котора по днешный день жѣе въ устахъ сельскаго люду.

П О Я С Н Е Н Я .

1. **Русею** называють верховинцѣ Стрыйского округа цѣлу просторонь Стрыйского и Станиславовского Подгбрия ѳтъ Болехова по Коломыю. „Иду на Русь“ значить : иду въ окрестности Галича.
2. **Насѣчка**. Въ молодой ѳтземоць ясеневый, яворовый, або иного просто вырастающаго деревца, набивае верховинець малѣ гвоздики. Тѣи гвоздики покрывае деревце корою и творить такъ звану насѣчку.
3. **Зимѳвкою** называе ся хатина съ ставенкою далеко ѳтъ села, где ся зимуетъ худоба для лекшого ужиткованиа обѳрнику.
4. **Сокоти ся** — стережи ся.
5. „**Зоря**“. Повѣсть „Страстный Четверъ“ печатана була первый разъ въ „Зори Галицкѳи“ зъ року 1852.
6. **Брусакъ** = глумоча.
7. **Облазь**. Такъ зове ся дорога попоць стрѳмкѣи стѳпнѣ горѣ, куда тяжкѣи бувають переходы.
8. **Переструнчити** вѳдь „струнка“ або „сторонка“, куда ѳвцѣи переходячи до кошары, ччелать або доять ся.
9. **Хуторѣ** (хутарѣ) = загорода.
10. **Хомеука** або **парча** — звычайне дѣвоце убране на голову въ давѣйшихъ часахъ, складающе ся зъ круглаго ѳбручника понашиванаго квѣтами; зъ переду була стяжка (клябра).
11. **Гавра** = мѣсце, где медвѣдь на зимѳвлю ся зачирячуе.
12. **Прокладинець**. Проклады = вылоги, ѳбшлеги.
13. **Дубѳвникѣ** = гарбарѣ. Дубити = гарбовати.
14. **Крѣсь** = стрѣльба (властиво : истрѣля).
15. **Загура** = играшка, забавка.
16. **Любимене** = незабудька.

17. **Заполочъ** — бавовна.
18. **Крася** — дуга.
19. **Лѣтъшнаго року** або **лѣтъсь** — минувшого року.
20. **Жалива** — кропива.
21. **Попадая**. Такъ zove се одиць изъ высшихъ верхѡвъ въ охрузѣ Станиславѡвскѡмъ.
23. **Зелемень** — найвысша гора въ Стрыйскѡмъ охрузѣ, лежача надъ Скольемъ. За оною плытою межи чотырма яворами глядано и въ теперѣшнихъ ще часахъ.
24. **Писана Керниця**. Керниця тая zove се еще до днесъ „писаною“, але полонина сама, на которой щиту она лежить, прибрала по минувшихъ на ней случаяхъ прозвище **Добошовои горы**, або впростъ **Добошѡвки**, и называе се такъ до сихъ поръ въ цѣлой охрестности.
25. **Болехѡвъ далеко**. Поговорки наводятъ, що нападъ опрышкѡвъ на Болехѡвъ случивъ ся въ великоднюю Суботу въ саме полудне.
26. **Бубницѣ** — маленька осада въ горахъ, о двѣ милѣ ѡтъ Болехова, где знаходять се славниѣ скалы, а въ нихъ тесанѣ обширнѣ комнаты.
27. **Земникъ** — пивниця.
28. **Спаль пѡдъ насѣнное зерно**. Майже въ цѣлыхъ Бескидахъ нашихъ бувала и есть ще въ звычайѡ такъ названа спалинная управа землѣ. Стариннѣ боры, або молодой зацуетъ, цѣлкомъ стинае ся, ѡттакъ, скоро высухе, падить ся, и на той спали зацопуе ся насѣня посередѣ пѣвѣя мотыкою.
29. **Теметѡвъ** — цминтарь.

МЕСТЬ ВЕРХОВИНЦЯ.

Повѣстка по правдивомъ случаю.

—x—

Мѣсть верховинця.

I.

Ой по́йду я межи горы, межи тїи Бойки,
Где музыка дробно грае, скачуть по легкойи.
Пѣснь народна.

Скучно очамъ на степѣ, где нѣ вершка нѣ дебры; но еще скучнѣйше буйному сердцю, где люде придоптанї — пристриженї на однїи ладѣ и до одной мѣры, якъ щепы въ городѣ. Скучно на долахъ — ходѣмъ въ горы, въ Карпаты! Тамъ що крокъ то инный образъ, тамъ що хатина то инна судина. Тамъ въ печи людскої не тлѣе, а горытъ; тамъ и жита не шевелитъ потѣчкомъ, але шумитъ мовъ Дунай. Тамъ все кипитъ проливомъ — черезъ верхъ. Правда, що тая кипячка выливае часто скверну шумовину, но якже частѣйше плыне изъ неи чистенькїи медочокъ, солодкїи и Богу и людямъ.

Ходѣмъ и придивѣмъ ся. А завѣрте мнѣ, що я вамъ не представлю обманчивого призрака изъ Дебрециньскои глуши, не стану вамъ баяти не-

былицу, але вамъ роскажу за невеличку но истинную быль; сплету вамъ вѣночокъ изъ любимене нашихъ верховиньскихъ полонинь.

И отъ мы въ Рожанцѣ подъ самымъ Бескидомъ, и точно въ самомъ осередку того пасемника Карпатѣвъ, который дѣлитъ нашу Галицкую Русь отъ Руси угорской. Село невеличке, ледво въ 150 хать. Подовжь села плыне потѣчокъ, понадъ потѣчокъ взносять ся высоченькй изъ ялицъ хижины, за хижамъ тягнутъ ся малии загорды, а за тыми лѣсъ. Все лежитъ въ закѣтлинѣ, обстѣненѣй громкими хребтами горъ такъ, що гадавбысь, же ту свѣтови конецъ.

Отъ востока залягли оба Секулы селину, отъ запада протяглась Магура, а отъ полудня розстелила Добошѣвка свѣй широкой толубище — и розтягнувши ся широко и далеко въ лѣво и въ право, утворили въ Рожанцѣ слѣпый куть, изъ которого хиба вовчими пѣшками продербысь ся въ дальшее сусѣдство.

Всѣ они заросли отвѣчными лѣсами ялины отъ стопы до верха. Ялица подъ полонинами, ялица на остѣнкахъ, ялица понадъ потѣчки, ялица заглядае въ ѳкна хатинъ — словомъ, лѣсовая глушь, куда окомъ глянешь. А въ той глуши ажъ кишить отъ звѣрины всякой породы, якъ отъ рыбы Чорное море. Лишь сѣмъ и тамъ слѣдно по продолинахъ и спошевыхъ вершкахъ малии прогалины, а на прогалинахъ около зимѣвокъ кучеряву овечку и куцорогін сивки.

Но въ ту пору прикрыта вся тая картина лавою снѣгу у поясъ. Куда поведешь окомъ, вся-где лежитъ бѣлая плахта зимы по борахъ и зворахъ, и вся природа выдаея се тобѣ, якбы спочивала въ смертномъ одѣялѣ.

Однакожь и сей образъ верховины промовляе до сердца чимсь такъ привѣтливымъ, чимсь такъ таинственно наповиднымъ, же сея дивиши и дивиши, докъ грудь маленько ѳтъ восторга не притихне, докъ не насытятъ се очи.

Се глянь, якъ блестятъ чола обохъ Секулѳвъ, мовъ яснѣ шеломы старинныхъ богатырѳвъ, выкутѣ изъ чистого серебра; якъ яснѣ Магура въ синявыхъ воздухахъ, мовто ю обляла дѣямантными лугами утренная зѳрничка; посмотри, якъ сея выстроила Добошѳвка въ чистое шовковое бѣле, гадавбысь, що хоче заманити къ собѣ давнѣ свои гостѣ и вѣйшла имъ на стрѣчу... А въ тыхъ борахъ и зворахъ якажь-то таинственная задума! Тобѣ выдаеясь, будьтобы всѣ бояре и старцѣ давного Галича зъ грѳбѳвъ повставали и зѳйшли сея ту на вѣче, радити раду надъ долею праправнуковъ своихъ. Глянь, якъ сумують съ поникнутыми къ земли головами... Хвилями вѣтрець подуе, и зверже пласть снѣгу изъ вершка ялицѣ. Она стрепене сея, листочки пѳднесе. Тогда ти сея видитъ, будьтобы старецъ пѳднѣсь сея до слова, стрясъ зъ себе могильное платя махнувши рукою, и промовивъ стиха: **Есть еще надежда! Еще не пропало!**

О любезная верховино наша, якажь ты и въ зимѣ наповидна, мила!...

Але звернѣмъ слухъ и очи въ закѣтлину нашу. Чи чуешь, якій тамъ гаморъ и шумъ? Ту клекотить, мовь то на ватрѣ въ горниці. А тамъ — дивись, маленькій млыночокъ посередѣ села близько теметова.!) Въ млыночку людей биткомъ набито. Уже вечерѣе, а еще бѣльше ихъ ся сходить — а майже сама молодь. Женьщины и дѣвчата съ куделями за поясомъ, а мужчины съ сокирами въ рукахъ и съ буковымъ полѣномъ пѣдъ пахою, щобы скипою освѣтляти млынокъ и комнатку. Якійже тамъ рухъ, веселѣсть, житье! Однѣ вымелюють, другѣ насыпають — а все лишь по мѣрцѣ, бо мало воды. Тамтой скипу коле, тотъ люльку запѣкае, ту въ пытку играють, тамъ шутять съ собою, ту вѣдъ въ ушко собѣ шепчуть, тамъ ачейже въ закуточку обнимають ся. А пѣдъ стрѣховъ на подинѣ сѣвъ музыка горбатенькѣй, тай зѣ-за уха на скрищинѣ рѣже-чеше дрѣбненького козачка и то притупкуе, то приговорюе, то приспѣвуе, то присвистуе, же ажъ хата ходить. Истнѣй венецкѣй запусты на пляцу св. Марка, лишь въ дрѣбненькихъ оболочкахъ и безъ маскарადы. Галасъ, смѣхъ, реготы, буча...

Въ тѣмъ ѣтчиняють ся дверѣ млыночка и поважный пристарѣлый кметъ стае на порозѣ. Мовь на даннѣй знакъ все наразъ утихло, и всѣхъ очи звернули ся къ дверомъ.

»Вамъ, виджу, букъ ся розвивае« — про-

мовивъ зъ грѣмка приходящій — »а не видите, же морозъ ясеня коле... Отъ въ тѣй хвили ведуть чотыри двѣрскіи посѣпаки Продана долъ рѣковъ до мурованои хаты.«

»За що, за що, батьку Кожане?« загудѣло мовь изъ одного рота.

»За що? За дурницю — за одну медведжу шкуру!«

»Пропавай! Та чейже не потворивъ ся Проданъ на чужое,« — озвали ся хлощѣ — »тажъ ѡнь верховинецъ...«

»Верховинецъ — и ще якій! Вы о тѣмъ добре знаєте. Але вы того ачейже не знаєте, що мѡй ѡвчарь передъ водорщамъ²⁾ убивъ величезного медведя въ гаврѣ« — сказавъ стиха Кожанъ.

»Эге, згорѣвбы! Чи на такое сходить наша верховина, що уже не слобѡдно и лютого звѣря удѣлати, который намъ лѣтомъ и осенью працю нашу толубить, кладнѣ розстелюе, молотить« — озвавъ ся якійсь дерзкій молодець зъ глуши.

»Слобѡдно, сынцю, слобѡдно; але толубыщемъ погодуй вовка, а шкуру ѡтдай мандаторови, щобъ огрѣвала его вельможный хребеть — така днесъ паньская воля. А мѡй ѡвчарь того не слухавъ, убивъ медведя, и занѣсь кожухъ Тухлянскому попови въ даръ для владыки, на престолъ пѡдъ ноги³⁾. И за то пѡйшовъ долъ рѣковъ.

»А на щожъ царскій законъ? На що нашии права?« — заgrimѣвъ на то парубчакъ мовь зъ медведжон груди, и махнувъ бучкомъ понадъ го-

ловы въ воздухахъ. — »Хлопцѣ! ходѣмъ, ѳтбіймо!«

»ѳтбіймо, ѳтбіймо!« загудѣло въ млынинѣ, и всѣ молодцѣ сулились къ дверомъ.

»Стѳйте опаристѣй!« крикнувъ Кожанъ изъ цѣлон силы и протягнувъ руки межи одверки. Чижь вы не понимаете, що то значилобы бунтѣ? Чижь никто зъ васъ не памятае того чорного лѣта, якъ мандаторы спровадили були цѣлу компанію войска въ тихую нашу закѳтлинну; якъ женщины, дѣти поутѣкали въ Писану Керницю, наколь зачули тарабанъ пѳдъ селомъ; и якъ вашихъ ѳтцѣвъ ловлено, мовъ якихъ собакъ по зимѳвахъ, по версѣхъ — и бито, бито якъ въ бубенъ, докъ не пѳдписали ся на паньщину³⁾... И моя шкура выдержала 25 букѳвъ.... А мого Петра, одинѣсьнкого сына, чи не выдерто менѣ, якъ зъ пѳдъ реберь сердце; чи не острижено въ Стрыю, и чи не умерла моя солодка дитина изъ туги за верховиновъ гдесъ тамъ въ Голомуцу?! — Схаме нѣтесъ хлопцѣ, и не надѣлайте опять такого горя Рожанцѣ. Я не прійшовъ сюда, щобъ наварити каши чортовн на вѣччане; я прійшовъ просити васъ, щобысте менѣ допомогли сповнити христіаньское дѣло.«

На тѣи слова охололи всѣ, якѳи ихъ полявъ водою изъ Писанон. Мужчины опустили руки уже до бѳйки готовѣ, и зачали позирати въ недоумѣню одинъ на другого. Но женьская мольдь, завсегда податливѣйша и влечена природою

сердца, зазвѣдала сквапно: »Якоє дѣло, батьку Кожане?«

»Вы знаете, любятка,« — зачавъ старый, поступивши изъ одверокъ въ млынъ, — »вы знаете, що Проданъ уже ѡтъ трехъ лѣтъ ѡвчарить у мене и що ѡнъ моя права рука. Моя кошара пострадала много; но я надѣюсь, що при Божой воли Проданъ менѣ тую страту нагородить. Бо я не гадаю, щобы его мандаторъ за дурну кортячку завзявъ ся въ проклады⁵⁾ убрати. Онъ одинакъ у матери вдовицѣ — а вѣдь и у панѡвъ есть якась душа. Але сарака посидить, посидить може мѣсяць цѣлый, а може и до Великодня, если не удасть ся добрымъ людемъ вызволити его. Но щожъ робити; посидить, та посидить. У верховинця есть много терпцю, а голодовати я ему не дамъ. Алежъ у Продана есть старенькая ненька. А тая ненька бѣдна, нужденна вдовиця. У неи и коровинки нема на оборѣ. А сама она згорблена ѡтъ людскихъ кросенъ и мотыки, якъ дуга въ каблуку. Сей безталанный зробокъ не въ силахъ навѣть и лѣтомъ заробити собѣ на жменю муки и пушку соли, не то середь тяжкой зимы. Бѣдну мать жививъ учтивый ен сынъ. А якъ той посидить довшій часъ въ Сколемѣ, бо хто знае, якъ его оклеветавъ якийсь его ворогъ передъ мандаторомъ, то стара Наливайчиха заковязне изъ горя и голоду. Я ей пѡддамъ и брындзѣ и солонины до волѣ. Но до того треба еще и хлѣба. А ѡвса, якъ саміи знаете, у мене сего

року скупо. Одну ниву градъ выбивъ, а другую приваливъ снѣгъ, тожъ менѣ самому прійшло теперь годъ. Комора пуста, а и купецъ на овцѣ Богъ знае коли появить ся. Отожь я васъ прошу, скиньте по жмени муки для бѣдной Наливайчихи, а здѣлаете христiянское дѣло, за которое звѣдуете мене.»

»Дамо, дамо для матери Продана! и то не по жмени, але пригорщами!« озвались голоса изъ каждого кута, и каждая рука яла розвязувати свѣй мѣшочокъ. А Кожанъ вынявъ бесаги изъ пѣдъ сѣрака, подавъ ихъ мельникови, а самъ попращавшись добрымъ здоровемъ ѡтдаливъ ся споренько изъ млына.

Якъ ѡтъ легота цвѣтка въ яри, такъ посыпавъ ся изъ каждой руки щедрый датокъ проливомъ, и каждое лице заяснѣло сердечностью. Лишь одинѣснѣкій—одинъ молодець позиравъ около себе понуро. Напоследокъ хопивъ и ѡнъ за мѣрку, насыпавъ черезъ верхъ, подавъ мельникови, а самъ брызнувъ въ дверь, полишивши навѣтъ и свое мливо на подниѣ.

Яка тому була причина, вѣдай дослѣдимо пѣзнѣйше.

II.

Свѣтитъ свѣтитъ мѣсяць бѣлый,
Свѣтитъ, а не грѣе;
Лише тугу розсѣвае,
Же ажъ сердце млѣе.
(II. зъ II.)

Три дни минуло. Свѣжій снѣгъ упавъ въ ко-
лѣно. А якбы съ тымъ снѣгомъ, насыпалось до
хатины Наливайчихи и хлѣба и соли достаткомъ.

А була Анна Наливайчиха женьщина хоть
не въ глубокихъ еще лѣтахъ, але и геть при-
старѣла. И не дивно, бо грыжа то той хробакъ
чорноголовый, що розчервить—розсвидрує и най-
грубшого буга. А нашой Аннѣ дала судьба майже
всего до волѣ, але не дала долѣ. Свѣтило и со-
нечко, була и краса, и маєточокъ якійсь нахо-
дивъ ся — но все то лишъ, рекбымъ, въ колысцѣ.
Уже въ третомъ року житя ѳтзумерли дитинку ро-
дичѣ обоє на глуханю, — красу столочила ѳспа,
а придане розхитили кривий, розторгали опѣку-
нове званй и незванй, и бѣдному спротятку не
лишилось тѣлько одно сердце. Но то серденько
було такъ прекрасне, и такъ богате, и такъ те-

пленке, що ажъ жаль, же нема такихъ много и много. Двѣ найкрасшій цвѣтки, двѣ найдорожшій окрасы женьского пола лелѣяли въ нѣмъ: лагѣднѣсть и терпеливѣсть. А блаженна родина, где той цвѣтъ розвивъ ся! Бо где терпелива жена, где лагѣдна мати, тамъ сонце въ хатинѣ. Коль тоє теплоє сонечко зъ постели встає, то дѣти, челядка плещуть радостно въ долонѣ. А якъ злослива ненавистна женьщина лишь очи начне протирати, то все по кутахъ ховаєсь, якъ передъ грозою чорнои хмары.

О матери, красицицѣ, чомужъ-то всѣмъ вамъ не плещуть такъ въ руки?! Чомужъ вы такъ часто якъ той мѣсяць, що свѣтитъ а не грѣе? Вѣдай про тоє такъ сумно, скучно не въ одной хатинѣ...

Но простѣтъ сердечнѣ, що я торкнувъ мимоходомъ въ жалостную струну. Така то уже людска природа, горда, самолюбна. Вину всего лиха радѣ бисмо звалити будь на кого другого, щобы власной совѣсти було лекше.

Ой знаю я, знаю, що и теплоє сонечко не розтопитъ леду, якъ морозы тиснуть, якъ изъ сѣвера буйнистеръ дує; и багна не высушить лѣто, якъ зъ внутри землицѣ бруднѣи бють норы.

Такъ дѣялось и у бѣдной матери Продана.

Уже въ 15-ѣмъ року жита выпхано сироту за-мужь, а выпхано за такого, що не бувъ въ силахъ упомяти ся за сиротиньску кривду; выпхано тихое сиротятко за бездомного заблуду.

Еи суджений приплентавсь изъ за Бескида малымъ хлопчиною въ лѣта голоднѣи — пѳдховавъ ся въ Рожанцѣ въ пѳдростка, зачавъ служити по газдѣхъ и оженивъ ся потому тамъ, где бѣдному пара.

Кажуть люде: що за сиротою самъ Богъ съ калитою. Дарма, и тая поведѣнка не оправдалась на нашѳи сирѳтцѣ. Судьба дала ей мѣсто долѣ — проливомъ недолѣ.

Панько Наливайко бувъ зъ разу для неи щирымъ другомъ и чоловѣкомъ стараннымъ, запобѣгливымъ. Покрывъ розвивающу ся хатину, обтынивъ маленькѣи огородецъ — цѣлое майно своєї супруги, придбавъ и пару бычать, и зарабатывъ, куда мѳгъ, помежи газды. Но уже третого року, не знати зъ якои причины, ставъ Панько дивити ся лишъ въ руки своєї Анны и учащати до Берка въ гостѣ. И не минуло пѳвъ року, а зъ тверезого и трудолюбивого чоловѣка здѣлавъ ся совершенный пѣниця. Ай, якже-то скоро росте бурянице!...

Люде всѣляко толковали собѣ тую змѣну у Панька Наливайка. Однѣи казали, що Наливайко зненавидѣвъ собѣ хату, бо въ ней Анна туркотала, не дала спочинку — и ѳнъ шукавъ спочинку въ корчмѣ, где ще и подушку пѳдъ голову кладуть; другѣи гадали, що Панько розвивъ ся зъ жалю, що му ся не ховали дѣти; третѣи складали такой просто на плоху натуру, вѣдъ бо бездѣла не моглабы ся призвати его родина Наливайками, — а никто не погадавъ надѣ тымъ,

що неробови корчма точно тымъ самымъ, чимъ пчолъ бѣленькій садочокъ: она єму медомъ пахне, и мовъ гачкомъ до себе тягне.

По будь чія въ тѣмъ була правда, она дѣяла своє. Панько паничивъ и паничивъ, а Анна болѣла, терпѣла и працювала. И дивѣтъ — напо-слѣдъ таки перемагло сонечко и пѣдсушило рѣлю багновату. Панько отямивъ ся, переставъ напиватись, полюбивъ назадъ бѣльше свою хатину якъ корчму, но жаль, що за пѣзно. Заголодованый изъ маленька, не мавъ онъ крѣпкого здоровья и, якъ то кажуть, потеры въ собѣ. Горѣлчина зола пѣдѣла єще бѣльше животній силы. Онъ припадкомъ заломивъ ся на Опорѣ, прозябъ, заболѣвъ на колючку, и ставъ заразы и покашлювати. Люде говорили, що то не дивниця, бо на що кто звыкъ, нехай того не лишає, и радили напиться горѣлки грѣтой съ медведжимъ саломъ. Панько послухавъ, хотяй Анна съ плачемъ противилась тому, выпивъ лишь одно мале,⁶⁾ розгорѣвъ єще бѣльше, и минувъ ся уже третого дня съ свѣтомъ, оставивши нещасливую жену вдовицею высоко бременною. О, якже то много людей рѣже така дурная рада безъ ножа въ найкрасшѣмъ вѣку житя. Сукровиця, котора звычайно по такихъ лѣкахъ появляє ся изъ рота умершого, єсть явнымъ доказомъ той правды.

Въ чотыри недѣлѣ по смерти мужа знайшлося у Наливайчихи черствоє, здоровое дитяtko. Она возрадовалась своему хлопчикови якъ зѣрничкою

зь неба, але и заплакала разомъ. Семеро дѣточокъ занесла она уже була въ могилу. Ктожь заклене жестокою судьбу, котора ѳтъ дитинячихъ лѣтъ била въ еи сердце мовь коваль молотомъ о бабуку, щобы и тому соколятку не копала ямы!

Но буйная верховина и въ такій знахурки богата. Зѳйшли ся добрій сусѣдки, приклонніи кумки и услужній старухи. И ѳтъ они порадили, обманути судьбу, и захитрити въ заблудъ, а се тымъ легкимъ и простымъ чиномъ: »Продати тихонько хлопчика — тай конецъ.«

Кто чого желає, той и надѣе ся того, бо-дайбы, якъ то кажутъ, и печеного леду. Печальная мати пристала на мудрый совѣтъ старухъ поважныхъ, а припадокъ наславъ ей доброго купця.

Саме въ тую пору, якъ бабуки сердечній за-соймовали судьбу змудровати, рознесла ся вѣсть по Рожанцѣ, же Кожанѳвъ сынъ умеръ въ Голумуцу.

Кожанъ бувъ собѣ кметъ найзаможнѣйшій на цѣле село, а бѳльше дѣтей у него пѳдъ той часъ не було. Тожъ и постановлено продати сейчасъ дитину ему. И Кожанъ, добродушный Кожанъ, купивъ дитя, хотяй такая купля еще бѳльше въ тѳй хвили роздирала его сердце, и хотяй его жена на ню чогось не приставала. Може бути, що его привела къ тому приклоннѳсть къ бѣднѳй матери, котора не одной кросна у него выткала, а може предвѣщала щось его душа, бо купивъ дитяtko пѳдъ условіємъ, щобъ ся окрестило на имя покѳй-

ного его сына. И такъ куплено посмертника Наливайковъ за одну ягничку и за гарнецъ горѣлки, окрещено Петромъ, а Проданомъ названо.

И дивѣтъ, дитя росло якъ яличка надъ потокомъ, на радѣсть матери, а знахуркамъ на вѣчную славу. Ай, они сердечнѣе не знали истинной причины, чому у бѣдной Анны не ховались дѣти. Они небожатка не домудровались того, же Анна по неволи сама копала для своихъ немовлятокъ гробовую яму. Она черезъ свое цѣлое жите сербала чирь заправленийъ грызотою, а грыжа заливае сердце бѣдою, а съ кровью сердца плыне бѣдою въ материнскую грудь съ молокомъ, а затрутое молоко высасе несчастное дитя и затрувае себе. Колькожь-то нерозважныхъ отцѣвъ, а еще бѣльше матерей, стануть на страшномъ судѣ убійцами власныхъ своихъ чадъ!...

И такъ маленькѣй Проданикъ возраставъ и возраставъ на чудъ и краснѣй и удалѣй. Мати его була, якъ знаемо, бѣдна вдовица, а въ верховинѣ, где якъ то кажуть, початокъ воды а хлѣбови конецъ, не легко було осамотѣлой женьщинѣ изъ працѣ рукъ живити и себе и дитину; тому бѣдовала она тяжко въ своемъ одиництвѣ, хотяй майже що недѣлъ яка така кметица принесла збанятко молока идучи до церковцѣ, и впахнула Наливайчисѣ въ полицю для малого Продана. Но Богъ давъ, що и у Кожановѣ народилось дитячко; тожь родичѣ взяли Продана до себе, щобъ колысавъ и забавлявъ маленькую Меланочку. И такъ прибу-

вавъ Проданъ уже ѳтъ своего шестого року у Кожанѳвъ, и будучи добросердечнымъ а при тѳмъ живымъ, веселенькимъ и услужливымъ, стававъ ся ѳнъ що-день милѳйшою челядиною въ родниѳ и неѳтлучнымъ товаришемъ дѳвчатка. Пѳзнѳйше пасавъ ягнята, а въ послѳдъ зачавъ ѳвчарити.

Лѳта мишали, а съ лѳтами возрастала и маленькая Меланочка, но еще краснѳйше, еще чуднѳйше якъ еи товаришь. Була то цвѳтка, якои майже на цѳлѳй верховниѳ не знайшовбысь тогда межи еи ровесницами. Бѳленькая съ румянымъ личкомъ, якбы его изъ пуплѳшка рожии вычаровавъ, съ чорными косами мовь-то ихъ зѳ шовку выплѳтала, съ усточками якъ тѳ двѳ ягѳдочки, що ся пѳдъ гасѳмъ на сонечку выгрѳвали, съ ясными оченятами якъ спнява небесъ по теплѳмъ дощику, а съ станкомъ хоть малюй — мала она въ собѳ щось такъ любезного а при тѳмъ щиренького, же глянувши тѳлько одинъ разочокъ на ню, муѳввь-есь самъ до себе сказати: або люби на безъумъ, або уходи щобъ и не снилась! А еслись холоднымъ окомъ придививъ ся тѳй невиннѳй простотѳ, тѳй сердечности, тѳй незазорнѳй добротѳ, якими дышала чистая душа того дѳвчати, возлелѳяного всѳма любощами Божии природы, тогда поневоли прѳйшло ти на гадку, же такой прелестной цвѳтки шкода для лукавого свѳта.

Тожъ и не дивно, если до тои цвѳтки вся молодь липла, якъ пчолы до меду. Не дивно, що родичи красну Меланю хоронили ѳтъ трутнѳвъ,

и ждали на жениха, достойного ѳдданицѣ по рови и богацтвѣ. И такіи женихъ появивъ ся вскорѣ, ледве дѣвчатку 15 лѣтъ минуло. А бувъ нимъ Федоръ Медулякъ, сынъ Рожанецкаго князя?), молодець уродливый и богатый, но вразъ буйный, завистливъ и пристрастный — верховинскій легинь чистои крови. Думный на становище своего отця въ громадѣ и на богацтво, надѣявъ ся ѳнъ за однимъ натискомъ всадитесь съ ходаками въ серденько Меланочки, тымъ безнечнѣйше, коль и еи мати ладнала ему къ тому дорогу. Но ѳнъ обманувъ ся нечаянно. Въ томъ серденьку бувъ уже кто инный ѳтъ давна, перше яко товаришь дѣтиначихъ забавъ, потому яко братчикъ мленькій, а на остатку яко — яко — але не скажу днесь, бо вы лѣпше знаєте то сказати, Красицѣ солоденькіи!

Тая нечаянна неудача огорчила буйного молодця, и розпламенила въ нѣмъ и любовь и зависть и все дикіи пристрасти наремного сердца. ѳнъ вскорѣ догадавъ ся, що его соперникомъ есть никто инный, якъ Проданъ, сынъ убогоп зарѳбницѣ Наливайчихи, любимецъ и права рука Кожана старого. ѳнъ ненавидѣвъ того молодця уже давнѣйше за его ватаскую удалѳсть, которую ѳтъ давень давна плекало само положенье мѣсцевости, и дававъ му неразъ болезно почувствовати, же не ему мѣрятись съ князькимъ сыномъ. Но днесь зачалась проливати тая ненависть далеко черезъ верхъ, и грудь закицѣла злобою. ѳнъ бувъ

увѣренъ, же старый Кожанъ не выдасть своен «ягнички» — такъ бо называвъ розважный и добросердечный сей кметъ свою тиху незлобивую донечку — за якого нелюба. Онъ и въ томъ не ошибавъ ся, що дѣвоче сердце не лишае ся надѣй, хотяйбы она была якъ паутина слабенька, и що ему годъ буде привернути къ собѣ Меланочку. доки Проданъ будь-якимъ способомъ не запропаститъ ся изъ еи очей.

И не довго колыбавъ ся скрытозлюбивый молодець. Привыкши зъ маленька уважати честноту лишь яко верхну одежу про людске око, онъ легко заглушивъ въ собѣ голосъ совѣсти и постановивъ собѣ, позбутись ненавистного соперника бодайбы хоть на часъ изъ Рожанки.

Пристрасть есть слѣпа, але и промыслива, якъ слѣпецъ.

Було то въ осени, власне тои осени, по которой начала ся сновати наша повѣстка. Овцѣ пороздѣляли газды изъ мѣшаня⁸⁾, и Федоръ Медуляковъ припасовавъ свою вартугу самъ одинъ по скошенихъ сѣножатяхъ, попѣдъ Добошовку. Уже вечерѣло. Раптомъ залаяли его двѣ собаки, и зъ надъ потока, що тече изъ Писанои Керницѣ, появились два бакунярѣ съ бесагами на плечахъ. Якбы щось стрѣлило въ нашего овчаря. Онъ подѣйшовъ зъ легка до нихъ и закупивъ дорогими грѣшми тѣлько папушь, кѣлько въ его обширну тайстру набити було можна.

Бакунярѣ були люде незнакомї изъ чужого

села. Они поспѣшили скоро въ свою дальшу до-
рогу, але и нѣчь осѣнна, чорна мовь смола, по-
сѣла ихъ скоро. Они перебились зъ лѣса на якусь
полянку. На полянцѣ стояла зимѡвка а при зи-
мѡвцѣ оборѡгъ съ сѣномъ. Дальше було годѣ пу-
скатись въ пѡтьмѣ. Они постановили ту пѡдноче-
вати, и дайже на оборѡгъ. Но ледво уложились
пѡдслухуючи зъ тихонька, чи кто ихъ не послѣ-
дивъ, надходить якійсь чоловѣкъ, зачинає шпор-
тати коло засува ѡтъ дверей зимѡвки (а засувы
замковѣи на верховинѣ всегда майже одного строю,
такъ що ихъ якимъ небудь надломанымъ жила-
вымъ патыкомъ ѡтсунешь), ѡтчинивъ дверѣ хи-
жины, шпурнувъ чимсь на пѡдъ, що ажъ на обо-
розѣ голосъ було чути, приперъ назадъ дверѣ,
тай самъ до себе заговоривъ стиха: »Нѣчь те-
мна, послѣдити не мѡгъ мя никто, теребилюль-
ки⁹⁾ ночують у мого батька... Радуй ся, Прода-
нику солоденькѣй: бояре суть, пѡйдешь завтра въ
сваты!«

Ледве зазорѣло, упали два стражники на
Кожанову хату, взяли съ собою Продана и повели
въ верхъ до єго зимѡвки, до топ самой, где
съ-ночи совершалось тайное дѣло, перешпетѣли
всѣ куты, перепорошили всѣ пѡдозрѣли мѣся,
гдебы можна було бакунъ ховати, перетрасли обо-
рѡгъ съ сѣномъ — но не знайшли ничего. Знать
бакунярѣ пѡдслухали слова нѣчного гостя, доро-
зумѣлись, же тотъ самый лѣгивъ, що до двайцять
папушь купивъ ѡтъ нихъ пѡдъ полониною, зала-

дивъ зъ ними злобноє дѣло. Знать они влѣзли такожь до зимовки, скоро Федоръ отдаливъ ся, знайшли на подѣ истинно свѣй товаръ, и взяли его назадъ собѣ. Словомъ, злоба не удалась, но замыслъ самъ, хотяи исповняемъ въ темной осѣнной ночи, не оставъ ся въ утаеню. Якась жебрачка заночувала у Наливайчихи и перестерѣгала, щобы Проданъ хоронивъ ся ѳтъ своего ворога, бо ѳнъ пѳдкидовавъ уже ему бакунъ, и завдавъ самъ до стражникѳвъ.

Тая неудача огорчила князького сына, и ѳнъ пустивъ ся, якъ то звычайно буває, изъ потока въ рѣку.

Якъ вже вспѳмнено, була тогда осѣнь. Въ верховинѣ стоятъ кладнѣ по поляхъ, майже до снѣгу, бо поля далеко, а привѳзъ тяжкій. Часами и на пню ѳвсы пропадають пѳдъ снѣгами, а за кладнѣ и не вспоминай. Бѣдний той газда, котрый завчасу не запрятавъ свѳй ѳвсиско до столы. Ёго кладнѣ розтолубятъ и обдергають снѳпъ за снопомъ медведѣ, если не поставитъ стражи на каждую нѳчку осѣнну. Томужь—то пѳзної осени узришь уже зъ вечера по всѣхъ верхахъ огнѣ, якъ тѣи мушки—майки, що теплои ночи свѣтятъ пѳдъ корчемъ черевцями, и услышишь зъ всѣхъ сторомъ, ѳтъ смерку до рана, гаморъ и крикъ на медведя: А бѣй, бѣй! А бѣй, бѣй!

До такои пѳзної осени заостались на одной нивѣ и Кожановѣ кладнѣ въ полю. Ихъ треба було пильновати, и ѳтганяти ѳтъ нихъ медведя

крикомъ и головнею, бо стрѣляти годѣ. И то було дѣломъ Продана. Знаючи о всѣмъ, що ся въ Кожановѣмъ домѣ дѣе, загадавъ Федоръ пѣдъ кладнями вынагородити то, що ся въ зимѣмъ ему не удало. Онъ заладивъ пѣдъ кладнями Кожана пушку на самострѣль, нѣбы въ яку звѣрку, але на такѣмъ нарочно прибранѣмъ мѣсци, куда Проданъ конечно переходити мусѣвъ, если кладнѣ гадавъ охороняти. И тая злоба не удалась; але таки надѣлала горя. Недалеко Кожановыхъ стояли кладнѣ близького сусѣда, а сынъ того сусѣда, 15-лѣтний пѣдростокъ, повечерявши вчаснѣйше, побѣгъ до своихъ кладенъ и, щобы не теряти часу, пустивъ ся попри Кожановѣ кладнѣ на-простки, наплывъ сарака на самострѣль, и вбивъ собѣ майже цѣлый выстрѣль въ ноги. Справа выточилась передъ мандатора, но залагодилась въ кѣнци моншонкою. Однако пѣдозрѣнне лишилось, и зачало стиха пѣддувати искру, незнаную доси въ груди добросердечного Продана — искру пѣмсты, котора хоть такъ пекуча, а однакъ такъ приманчива, и котору, если розгорить ся, мовъ пекло угасити годѣ.

Не трудно було и Федорови пѣзнати, же у Продана насупились брови, а зѣ пѣдъ бровъ часами на него блисне якъ изъ чорной хмары. И онъ притихъ зѣ верха, хоть на днѣ кнѣбло, але не лишивъ ся повзятои гадки.

Такъ минула Пилипѣвка, прошли и Рождественнѣ свята звычайнымъ ходомъ, ажъ до той

хвилѣ, въ которій випадокъ съ Проданомъ не заворушивъ села. Но и тамъ утихло вскорѣ, бо чужа недоля легко забуваєсь. Отъ, вержено по жмени милостыи, повѣрено собѣ домысли за доносчика, и на томъ стало.

Лишь въ хатишѣ старои Наливайчихи неусышноє горе. Три дни минуло, якъ єи сына взято, и уже три дни плаче бѣдна Анна.

Сумно на гробахъ, коль буря выє и сонечко въ хмарѣ, но сто разъ сумнѣйше, коли ясноє небо усмѣхаєсь до тебе якъ ѳданиця до своего любка, а чорна яма подъ тобовъ зѣває. Такъ було и въ хатишѣ матери Продана. Теплымъ поточкомъ пролялась до неє братная любовь и дверии и ѳконцемъ, но изъ того поточка повѣяло такимъ новымъ жалемъ, такую туюю, що ажъ сердце мѣє, норы слезъ усыхають.

»На—щожь здали ся менѣ всѣ тѣ недостатки, що позносили добриі люде, коли мого сына нема! Чи довго буду я сѣрбати чирокъ изъ топ мучицѣ, если сонце моєхъ очей домѡвь не поверне?! Може уже въ той хвили рубаютъ ножицѣ кучерики моєи дѣтны!... Недармо ажъ чотырехъ людей выславъ за нею мандаторъ. Ахъ, я єму не разъ казала: не твори ся Проданику, на пушку, коль панамъ тоє не въ ладъ; нехайбы собѣ була ржавѣла ажъ до обловѡвь.¹⁰⁾ Неразь я єго просила: не рви ся сыночку на передѣ, бо кто на передѣ, за тымъ зависть въ задѣ. И бѡтюки радиламъ возити до тартаку, хотьбы въ маглявѣ по поясь, коли стар—

шина велѣла а Кожанъ не протививъ ся и не жаловавъ своихъ воликѡвъ. Но дармо молодого сокола голубишь, перестерѣгаєшь, коль буйному тѣсно уже въ гнѣздочку и выросли крыльцѣ. Пропало мое соколятко, пропало!« — залебедѣла мати, тай хопилась обѣручь за сердце.

Довгу хвилю сидѣла опершись плечима до стѣны, мовь-то не жива. Въ кѡнци ѡтотхнула тяженько, глянула по хижинѣ, тай зачала стиха: »Но щожь ѡнъ провинивъ такъ тяжкого, щобъ его выдерти матери зъ пѡдъ сердца?... И я дурна звѣдуюсь! Чижь на верховинѣ много треба ходу, щобъ ударити о камѣнь и зломати ногу? Богъ високо, царь далеко, а паньска воля законъ. А може и паны не виноватї. Кто знає, якъ Продана оклеветано передъ мандаторомъ. Но ктожь бы бувъ его такимъ ворогомъ завзятымъ?... Ой знаю я, знаю, того тяжкого ворога. Давно ѡнъ дыбле на его голову, якъ лихїй на душу. інъ то пѡдкинувъ бакунъ въ зимѡвку, ѡнъ заставлявъ само-стрѣль пѡдъ кладнями, и никто инный не завдавъ бѣдну невинну мою дѣтину до панѡвъ, якъ яструбець князѣвъ. О, якже то ясно предчувало мое сердце тоє нещастя!... Не твори ся, казала я, мѡй сыну на Меланочку: то не для слуги пара. Забудь, забудь, хотяйбы сердце пукало зъ жалю. Не ставай можному въ дорогу, бо ти скрутить вязы. Убогому кулакъ пѡдъ голову, не подушечка мягенька. Докъ пора, утѣкай сыночку, утѣкай хотьбы за Бескидь, — казала я єму, — та чей лекше

забудешь. Но бездѣла, бездѣла! Бѣднажь моя голонько...»

Въ томъ скрикнули дверѣ и дѣвчина, якъ ласочка, вѣйшла до хатины съ збаняткомъ въ руцѣ.

»Бабцю, прости менѣ, я тебе подслуховала. Ты за Продана говорила. Чому ты казала ему утѣкати въ безвѣсти за Бескидъ? Тажь онѣ менѣ братчикъ, а за братчикомъ такъ болитъ серденько...»

»Дѣтинко, зазучечко моя! уже твоѣ братчикъ не требуе утѣкати, его прогнала уже мимо волѣ недоля зъ Рожанки.»

»Ахъ знаю я, знаю, бабчико солодка. Но чей онѣ поверне...»

»Богъ лише знае, що ему суджено.»

»Ой не страшъ мене, бабцю, бо менѣ и такъ уже лячно. Ты не знаешъ, дорогая, що менѣ Проданъ казавъ, якъ прѣйшли за нимъ посѣпаки?»

»Щожъ такого казавъ тобѣ Проданъ, ягѣдко ты моя?»

»Мамка моя була въ той хвили у княгинѣ, татко завѣвъ съ тыми людьми супереку, бо не хотѣвъ пустити Продана. Менѣ прѣйшло ладити ему щось на дорогу, и я вѣбгла до коморы. Ледромъ зачала приготавлиати то се то оное, ажъ ту влетѣвъ и твоѣ сынъ за мною, тай каже: Меланочко, Богъ вѣсть, чи поверну я домѣвъ, бо виджу, що мѣй ворогъ завзявъ ся на мою душу. И ухвативъ мя за руку; рука его була студена, але дрожала якъ листь трепеты, и якбы умлѣва-

ючи зачавъ чимъ разъ тихше : »Твоѣй отецъ купивъ собѣ мене ѳтъ нещасной моей матери. Я взраставъ разомъ съ тобою. Я тебе колысавъ, я тебе забавлявъ, я тебе носивъ на рукахъ моихъ. Мое сердце приросло къ тобѣ, и ѳторвати его годѣ. Будьже менѣ сестричкою, а я твоимъ братчикомъ, если домѳвъ не поверну — и тогда нехай ся дѣе воля Божа! А если поверну, що не дай Боже, то кто знае, що ся съ ворогами стане«. Сказавъ, поцѣловавъ мя такъ сердечно, такъ солодко, що якбы медочкомъ заплыли уста, а ѳтъ устѣ серденько, и вырвавшись изъ моихъ рукъ и попращавшись съ батькомъ, погнавъ съ сторожами долѣ рѣковъ. А менѣ такъ сумно стало, такъ жалко, и чогось такъ лячно, мовбы кто головню верѣ въ мое серденько. Та чейже то не грѣхъ, бабцю, же сестра братника цѣловала, якъ ся съ нимъ пращала — може и на вѣки! Та чомужь ѳнъ казавъ: не дай Боже, щобымъ повернуувъ назадъ! Чому ѳнъ не хоче повертати до своей сестрички?»

»Дитинко солоденька, ягѳдко моя прекрасная, бо Проданъ бы умерѣ, якбы видѣвъ свою сестричку въ рукахъ яструба, лютого своего ворога...«

»А ктожь то ворогомъ его?»

»О ангелику иѳй, не дарно нашъ панъ-отецъ каже : »Чистымъ вся чиста, оскверненнымъ же ничтоже чисто«. Знаю я его, знаю, але тобѣ не скажу, ягничко бѣленькая, бо бымы може еще бѳльше лиха наварила.«

»О, кобы я знала, що тымы ворогомъ...«

»Не шукай, не пытай, не дорозумѣвай ся. Меланочко, лишь спусти ся на Божую волю. Богъ найлѣпшій татко, онъ лѣпше знае, що кому потреба.«

»И не скажешь менѣ, мамцю, не скажешь?«

»Не скажу, донечко. И якбымъ зъ розпуки одурѣла и тобѣ шепнула въ ухо, то не вѣрь, лебедоньку йой, не вѣрь, бо тои правды не скаже, кто уже зъ ума сходитъ.«

»Тожь менѣ ждати, мамко, и спуститись на Божу волю? Ахъ, кобы то знати...«

»Слухай Меланочко. Скоро сонце зайде, залягае ночь темна на сонцѣ землицю. Кто на Бога уповае, той супокійно кладе ся въ свою постель, хотяйбы и громы били и лютились вихры, бо такий добре знае, же Богъ и тымъ хробачкомъ вѣстуеь, що повзае подъ нашими ногами.«

»О мамчыку, изъ тебе говорятъ ангелки мира! О кобы хоть ты жила, якъ его не буде! Но уже въ истину вечерѣ, и мѣсячокъ всходитъ — той мѣсячокъ, той бѣленькій, що свѣтитъ не грѣе, лише тугу розсѣвае, що ажъ сердце мѣе.«

Схопилась, обцѣловала стару, хошила за збачночокъ, переляла зъ него молоко до судины въ полици, и якъ молоденька серна побѣгла до дому.

А Анна припала стиха до бконця, глянула ще разъ за дѣвчатемъ, востхнула изъ глубины сердца, распростерла обѣ руки за нею тай заридала: О ктожь бы тебе не полюбивъ, ты збронько ясная!

III.

Было ахъ было,
Богдай ся не снило,
Лиха якъ моря,
Однакъ серденьку жаль, жаль:
Бо зъ дна моря того,
Брудного, глухого,
Выниравъ, мовъ ясна зоря.
Надежды рожевый кораль.
У.

На битомъ шляху ведучомъ изъ Львова черезъ Стрый до Угорщины, лежитъ мѣсточко Сколье надъ Опоромъ въ закѣтлинѣ, обнятой раменами Зелеменя и Корчанки. Оно невеличке и глянувши зъ вершка, гадавбысь же его решетомъ прикрывшь. Но въ нѣмъ днесъ народу якъ въ купинѣ муравлѣвъ: и Куртакѣвъ—верховницѣвъ, и довгополыхъ Долинянъ, и Бляхѣвъ въ кострубатыхъ гуняхъ, и Лемкѣвъ съ богородицями на плечахъ... А о сынахъ Исраиля и не вспоминай. Божь-то Середопостный тыждень, а въ средопѣсть торговельный збѣръ въ Скольемъ, або якъ то кажутъ зъ нѣмецка: ярмарокъ. Днесъ второй день того збору, и сякій такій забирае ся домѣвъ на всѣ стороны. По улицяхъ якбы замѣтавъ людьми за

мѣсто. Тамъ иде торопливый газдикъ съ лелѣшномъ и кусняткомъ желѣза на плечахъ, а поцри него щиренькая мати съ бубликами, катраникомъ и швабскими хустинами въ бесагахъ: ту шкандыбае старенькая бабка съ коротенькою люлькою въ зубахъ и съ горцями въ рукавахъ чорненького сѣрачка, а за нею гарна молодичка съ маленькими Дебрециньскими чобѣтками на руцѣ, и чорною крысанею на завитой головѣ: тамъ зновъ ѣде кѣлька кметѣвъ въ маленькихъ однокѣнныхъ санчатахъ, мовь—то въ черепочкахъ изъ волоского орѣха, а ту кунка молодцѣвъ съ дѣвчатами мчитъ по снѣгу то на коникахъ то пѣшки съ пѣдновымъ скрипкограемъ по переду снѣваючи, пѣдскакуючи, шуткуючи посподу, що ажъ воздухъ теплѣе.

Еще ранокъ, сонечко ледво выкотилось изъ за Зелемени, а по приулкахъ уже утихае, мовбы вечерѣло. Але въ осередку мѣста еще шумить и гудить. Приступѣмъ ближе, може ся съ кимъ стрѣтимо.

На обширной ровени, засѣяной въ около самыи жидѣвскими шинковнями, стоитъ величезная корчма, ратушемъ звана, одинѣсѣнький мурованый дѣмъ въ цѣломъ мѣсточку — звать скарбовый, и зъ новѣйшихъ часѣвъ. Въ округъ той корчмы находятъ ся самѣи крамницѣ въ узкихъ маленькихъ комнатахъ, примурованыхъ до стѣнъ. Въ крамницяхъ всяка всячина: сѣль, ходаки, желѣзье, кучмы, крысанѣ, женскѣ лелѣтки и инное надѣбе всѣлякого рода.

Въ ратуши видно три комнаты. Одна зъ нихъ величезна, мовь паньска воларня, и якъ въ воларни мервы и смѣтя въ нѣй достаткомъ. Середь комнаты стоятъ величезнй столы, въ около нихъ лавиць. На столахъ лежать купками бесаги, той майже необходимый товаришь верховинця въ до-розѣ, а въ бесагахъ всѣ потребности, якими зна-добивъ ихъ вчерашный ярмарокъ Скѣльскій. Кромѣ тыхъ столѣвъ и лавиць не знайдешъ въ той величезнѣй комнатѣ инного домового знаядя, лишь еще одинѣсѣнькй такъ зовимый »шинквасѣ«, въ кутику при дверяхъ старанно закраткованый. На томъ шинквасѣ стоятъ рядомъ всѣ шинкарскй блестящй и шкляннй посудки, ѳтъ наибѣльшого до наименьшого, а передъ ними кѣлька фляшокъ съ останками заправленои горѣвки, всякого приманчивого цвѣту. Побѣчь пѣдъ стѣною стоить на пѣднѣжу спорая бочка съ пищкомъ, уже геть геть въ сторону до чопа нахилена, а понадъ все то красуєсь якъ чорный орелъ надъ пристоломъ поважный жидъ, Мошко Куммертростъ, головнй арендаторъ пропинацйного права на двайцять чотыри селъ и одно мѣсточко. Оперши ся лѣвою рукою на нахилену бочку, а правою погладжуючи сивую свою бороду, позирає по комнатѣ думно и съ задоволеньемъ, мовь той витязь-воевода по полю сточенои битвы, спершись на побѣдоносную свою гетманьску булаву, и пѣдклучує поважно вусъ своѣй загонистый.

Въ комнатѣ людей еще доволъ и шуму, га-

ласу не мало. Один стогнуть, другіи проклинають, тамъ ся еще съ кущемъ обчисляютъ, ту съ мошонкою; тамъ жона ся вадить съ своимъ чоловікомъ, а въ кутіку подъ стѣною хтось подиѣсь ся изъ берлога, протягнувъ ся якъ струна, тай запѣявъ зѣваючи, на все горло, истно якъ когутъ на плотъ. Вже »малое« зрѣдка ходить, бѣльше оселедецъ — словомъ, не суть ту уже Венецкій заусты, але скорше попразентъ на Кальваріи. Кто обночовавъ ся, той на ново рахуеъ съ сумлѣньемъ и бормотить гнѣвно.

Въ второй комнатѣ, маленько меньшей якъ перва и заосмотреной въ меншій оконця съ желѣзными кратами, находятъ ся уже не люде а инный зысковый матеріалъ. Тамъ витають насъ величезніи засѣки, а въ нихъ купы грибо́въ, кмену, повѣсма, щетины, — а попри нихъ брындзя въ бербеницяхъ и всякое инное богатство верховины. Изъ той комнаты вандрують грибы до Петербурга, кмень до Парижа, повѣсмо до Дрездна, щетина до Венециі, лише одна брындзя приостае ся для насъ Галичанъ, и то уже въ сусѣдскѣмъ Сневодску, у тамтейшихъ Бойко́въ, — а съ тыми вандруе по цѣлой Галичинѣ.

Загляньмо еще до третон комнаты, щобы доповнити собѣ образецъ оного Кальварійского попразника. Она лежитъ на противно́мъ углу ратуша, и въ бѣльшѣмъ затишу. Но якажъ тамъ нечаянна буря вертепѣла въ нѣй минувшон ночи! Чи баба Язя весѣле справляла?... Попервертанѣ

крѣсла, порозсувані столы, порозмѣтована одежа, на помостѣ побитого шкла и картѣ якбы насѣявъ, по всѣхъ кутахъ порожній бутельки, а на трехъ широкихъ якъ засѣки постеляхъ лежать по два и по три нѣбы панки, то съ грѣзными то съ зальотными вусами, въ жидѣвскихъ бебехахъ, и бачу одна реверенда на софцѣ. Они всѣ спять, и знать спять сномъ справедливыхъ, бо храпятъ громко и до ладу, а реверенда сапить особнякомъ якъ мѣхъ ковальскій. Часами тѣлько озвуть ся слова: ва-банкъ!... чотыри тузы!... еще одна пяточка!... гей панове, обманъ!... цыганство! — выбовтані въ судорожнѣмъ снѣ.

Ануж побудѣмъ ихъ!... ба нѣтъ, идѣмъ дальше, бо можебы ся и завстыдали, особливо реверенда...

Власне ѳтчиняє Мошко еще одну комнату а властиве вертепъ, которого изъ двору и послѣдити не було можна, и зажигає свѣчку, бо въ тѣмъ вертепѣ нѣ ѳконъ нѣ шпарты, — есть то зброєвый магазинъ непобѣдимого гетмана надъ двайцять чотырма селами, мѣсточкомъ и сусѣдскими областями Берегского и Мармороского комитата на Угорщинѣ. Есть то копальня золота избранныхъ дѣтей Исраиля, а погибель бѣдного нашего сельского и маломѣщаньского народа. Куфы побѣчь куфы стоять на дубовыхъ пѣдвалинахъ якъ гарматы на ляфетахъ, дыхаючи погибелю. Отъ и теперъ наливає бородачый гетманъ изъ одной куфы батеріи меншого калибру, щобъ ѳтослати ихъ за

Бескидъ на стратегичній позиціи, для совершенного підбою вольнодумныхъ Бляхѳвъ.¹¹⁾

Не лишаймо сего вертепа. Тамъ на улиці якійсь крикъ коло керничного журавля. Збѳгають ся люде: кажуть, що якась дитина упала въ керницю... Коло керницѳ истинно лишъ зъ двохъ бокѳвъ стерчить изъ землѳ по досчинѳ решта цимбрыны цѳлкомъ обломана; а тамъ, где она облетѳла, намерзъ изъ набрыскѳвъ воды ховзкій горбочокъ. Несуть изъ поблизького дому драбину — но она не досягає. Чимъ разъ бѳльше збѳговиско людей. Крикъ, зойкъ взмагає ся, але съ крикомъ и непораднѳсть. Въ тѳмъ надбѳгає якійсь молодець въ куртенькѳмъ кожушку безъ рукавѳвъ («друшлякъ» названѳмъ), ростись сильною рукою люди, споглянувъ орлинымъ окомъ на дно колодязи, ухвативъ за жердь ѳтъ журавля, у котороню ключка була ѳтломана и лишъ мотузокъ висѳвъ, запустивъ ю въ керницю, и попробовавши медвежу свою силу на ужевцѳ ѳтъ журавля, на которѳй жердь висѳла, крикнувъ на двохъ верховинцѳвъ, що бля цимбрыны стояли: братця, держѳть! — и якъ стѳй спустивъ ся долѳ жердю на дно колодязи.

Що и якъ ся тамъ на днѳ колодязи дѳяло, не знаємъ; но знать она не була глубока, и ангель Божій стороживъ якъ звычайно дитя ѳтъ пропасти, бо за малую хвилию вытягли оніи два верховинцѳ 5—блѳтного хлопчину, нѳбы якесь панятко въ теплѳй дорогѳй одежинѳ, живого и цѳлого зѳ

колодязи, и обвивши скоренько цѣлого въ кожухъ, понесли бѣгцемъ на встрѣчь якошь панѣ, що ридаючи простоволоса до колодязи бѣгла.

За другу хвилю выдрапавъ ся и оный удалый легинь изъ керницѣ якъ кѣтъ горѣ жердю, схопивъ зъ плечей Синевѣдского Бойка угорскую дергу, обвивъ ся нею, и якъ стрѣла полетѣвъ въ туюжъ самую сторону за ними.

Въ сторонѣ, куда несено уратованого хлопчину, стерчить щось нѣбы старинная башта, а въ баштѣ широкая брама стоитъ отворомъ. За брамою стелить ся обширный теремъ, товстымъ муромъ округъ обведеный, въ которѣмъ находятъ ся нарочно придѣлани отворы, знать для ручницъ до обороны, подобни до тыхъ, що чорнѣють ся и на баштѣ. Середъ терема стоитъ дѣмъ великости оного ратуша, но значно вышій и съ присѣнками на около. Есть то двѣръ паньскій, замкомъ званный. Не подобае онъ на палату великоможныхъ, але давнѣйшими часами пробували ту не одно лѣто члены славной богатои и богатырской родины князѣвъ Острогскихъ, поборникѣвъ православія, которыхъ имена до нынѣ приукрашають памятники Ставропигійского братства во Львовѣ, и изъ которыхъ послѣдний Юаннъ перекинувшій ся, ачейже за достоинство Краковского воеводы, на латиньскій обрядъ и на Поляка, бувъ и послѣднимъ властителемъ лѣдичныхъ дѣбрь князѣвъ Острогскихъ, тягнувшихъ ся широкою полосою ѳтъ Скѣльщины майже непрорывно черезъ

всю Галичину и Волинь аж до мѣста Острога, где була ихъ столиця.

Днесь той неоказалый, але привѣтливый будынокъ съ своимъ тихимъ усторонемъ назначенъ до инного ужитку. Надъ дверми головного входу висить таблица на стѣнѣ, на таблицѣ находить ся гербъ днешнихъ властителейъ Тухольщины — пѣтрета креста — точиѣсьенько такий, якимъ значать ся сольный выробы на Болехѡвскѡй банѣ, а въ около креста видно надпись швабахскими буквами выписану: „Skoler herrschaftliches Mandatariat“.

Заразь при входѣ находить ся обширная комната о трехъ невеликихъ ѡконцяхъ, а въ комнатѣ сидить якійсь объемистый панокъ въ поручовѡмъ крѣслѣ, приодѣтый шляфрокомъ, знать изъ турецкои материи, бо червона якъ кровь и въ партницѣ всякими яскравыми барвами приукрашена. На головѣ панка висить недбало округлая шапочка изъ синявого аксамиту, вышивана срѣберными шну-рочками; на ногахъ видно жовтї сапожки изъ сафьяну въ родѣ мештѡвъ, а при ногахъ стоитъ люлька червона, мабуть изъ самого Стамбулу, бо краями золочена и на сяжнистѡмъ цыбуху съ величезнымъ бурштыновымъ пищикомъ и съ мошонкою, такожъ червоною, дрѡбными лелѣтками зъ густа нашитою.

Сидить и дрѣмає, опершись на невеликій столъ съ приставною поличкою въ передѣлки. На столѣ лежитъ объемиста книга и множество актѡвъ въ ладѣ и неладѣ, то середь столика, то въ зака-

маркахъ приставки порозмѣтованыхъ. Побѣчь стола стоитъ сяжниста дубовая шафа съ дверцятами до половиць шклянными, а зъ поза шклянныхъ ѳконѣ выглядятъ стосы поперевязованыхъ урядовыхъ писемъ съ пѳдданычними, доминикальными, политичными, полиційными, податковыми, конскрипційными, ассентирунковыми, судебными, карными, шупасными, опѳкунчими, рахунковыми, и Богъ вѣсть якими еще пересправами, накоплеными ѳтъ лѣтъ пятидесяти.

Глянувши на тѣи стосы актѳвъ, протоколѳвъ, на тѣи пересправы въ всякихъ галузяхъ областного управленя и дѣловодства, глянувши на поважную особу, задрѣмавшую знать зѣ утомленя ѳтъ обезсиляющаго духового труда, глянувши на его поранную магнатско-негѣжную одежду, на его насупленіи мовѣ яка грѳзная хмара густіи брови, на залички (бакенбарды) тѣи, що якъ напушеніи причуйки у совы густымъ темрявымъ лѣсомъ двѣ части лица его покрывають, глянувши на выжніи уста позбавленіи природной своѣи окрасы, и на тую выбриту бороду, чисту якъ колѣно. — не вагавбысь ставити закладъ, же находишь ся въ канцеляріи всѣхъ державныхъ справъ мініатурного нѣмецкого княжества »во время оно«, и же стоишь съ довжнымъ смиреньемъ передъ дрѣмлющимъ министромъ его, еслибысь прислѣпивъ бувъ оную надпись надъ входовыми дверми и вразѣ не замѣтивъ, що верхъ онои шафы лежитъ еще спорая книжка съ надписю: Der Mandatar und Polizei-

Richter Совиньского, Bajki Krasickiego и Rozmaitości зъ редакціи І. П. Каминьского и Николаевича, що на стѣнѣ надъ столомъ висить образъ потопающаго Понятовского, що на противной сторонѣ находятъ ся розпятіи широкой оленеві роги, а на нихъ кѣлька ручницъ, мысливскій рѣгъ, борсуковая торба съ ладѣвницями, и зеленая бурка съ крысанею убраною въ павляній и когутові хвосты, а дальше въ кутику нагайка на сарниной лапѣ, три пары желѣзъ на людскіи руки и ноги, и спорый снопокъ зовялыхъ палищъ орѣшника — тая грѣзная булава галицкаго мандатора.

И такъ стоимо передъ лицемъ одного изъ тыхъ чиновникѣвъ галицкои шляхты,¹²⁾ которыхъ власть, Богу слава, въ сороковыхъ годахъ уже укѣнчилась, але память о нихъ довго довго позостане.

Придивѣмъ ся передовому изъ тыхъ лицъ, управителю двацять чотырма селами и однимъ мѣсточкомъ. Оно стоитъ труда.

Кажуть люде, що кожде лице есть грамота, на которѣй выписане все то, чимъ накупѣло сердце, якъ тая вывѣска надъ крамомъ, що свѣту голоситъ, чимъ куеце торгуе. И не дурно кажутъ. Природа цѣхуе свои дѣла то бѣльшими то меншими черенками, но всегда одною азбукою. Глянь на лице и укладъ хитраго чоловѣка, а найдешъ въ нѣмъ навѣрно подобу лиса, у проворнаго лизуна подобу тихаго котика, гордый дуракъ надутый якъ индыкъ, пынная дама схожа на глу-

повату паву, чекотлива на сороку, дурновата на гуску, а благенъка терпелива на бѣленьку ягничку и т. д.

Такъ любопытно булобы узнати, чія подоба вырѣзалась на лицѣ и укладѣ нашего пана мандатора. Но ѓнѣ дрѣмле, а сонѣ то присѣнокѣ смерти, а смерть гладить и затирае всѣ буквы на грамотѣ чоловѣчeskой, якѣ борона всѣ скибы на заораной левадѣ. Однакѣ по высокѣмѣ его чолѣ и его морщинахѣ, по тыхѣ двохѣ прогалинахѣ бочныхѣ, що горѣ головою мовѣ два загоны глупоко вѣ лѣсѣ ся загнали, по тыхѣ трехѣ бороздахѣ, що протяглись долѣ чоломѣ ажѣ до осады выдатного носа и сѣ поперечными морщинами правильнымѣ угломѣ зливають ся, а вѣ концѣ по тыхѣ двохѣ горбочкахѣ надѣ очима, що дѣлять брови на двѣ темнѣ дуги, можна смѣло дорозумѣватись, що на той буйной левадѣ орали казавбымѣ — и плугѣ и безроги, або инными словами, що той чоловѣкѣ не одну горячую перейшовѣ школу. Але чимѣ сердце вѣ той школѣ накипѣло, того на спящѣмѣ не спѣзнати.

Но цитѣ — щось дзвонить, якѣбы дзвѣночокѣ у санчатѣ. Хтось заѣжджае, нѣбы войсковый, нѣбы панокѣ, опуганый вѣ вѣвчуру сѣ урядовою шапочкою на головѣ. Станувѣ конемѣ передѣ входомѣ. Кѣнь потрясь собою, дзвѣнокѣ у санчатѣ задзвонивѣ сильнѣйше и нашѣ панѣ пробудивѣ ся.

Отѣ и вставѣ, протягнувѣ ся, ухвативѣ обѣручѣ за голову, пѣдслухавѣ хвильку, понѣсь ся

до окна, и въ той минутѣ вырѣзались на его грамотѣ майже тройки черты — подоба лиса, яструба и ката.

»А, то лядсдрагонъ Вавра¹³) — озвавъ ся нашъ панокъ, отходячи отъ окна — не знати, по що его чортъ сюда несе. Певне за податками. О побивбы васъ грѣмъ ясный, ярмаркови перобы, и тебе проклятый поше. Чимъ теперь залатати дѣру? Не лѣише то було завезти податки передъ Средопѣстьемъ Нѣмцеви до касы, и не пробовати на ново слѣного карточного щастя?! А днешный староста, то не давиѣйша ческая бабуня съ колачемъ въ рукахъ, але то кривый Нѣмецъ, Мильбахеръ, що хлопови шеницю меле а мандаторови вязы крутитъ. Кадзю, Кадзю, коли ты помудрѣешь? — —«

»И щожъ то такъ страшного,« — зашептавъ по хвили стиха. — »щомъ проигравъ триста золотыхъ изъ податковыхъ грошей, тажъ се менѣ не першнна: на то у мене якѣсь суть глузды въ черепѣ, тай въ носѣ табака. Ой чорта зѣшь, кривый Нѣмче, Млынѣвко, нѣмъ мене похонишь на свои лотки — —«

Поморкотѣвъ еще щось зъ тихонька, ухопивъ за дзвѣнокъ що стоявъ на столику, покликавъ на служальця и зачавъ перевертати письма.

Тымъ часомъ выкарабкавъ ся и лядсдрагонъ изъ санокъ, подавъ поводы до рукъ надбѣгшого полицая въ ходакахъ съ гербовымъ ремнемъ черезъ плече, на которѣмъ щось висѣло въ родѣ

шаблѣ; знявъ изъ себе шкѳряную торбу съ депешами, повѣсивъ вѳвчуру на кѳлокъ въ сѣняхъ, запукавъ, и вѳйшовъ до канцеляріи пана мандатора, а тужъ за нимъ и служалець — верховинскій легинь — ачейже нашъ давній знакомецъ.

»А витайте, пане Вавра! щожь васъ пригнало въ нашіи голодній горы? Чи здоровъ великоможный панъ староста? О, честна то душа, розумный, благородный сторожь святыхъ австрійскихъ законѳвъ. Не дармо вынѣсь его милостивѣйшій нашъ Монарха на достоинство надворного совѣтника. Такихъ, о такихъ мужей требує нашъ бѣдный здоптаний нарѳдъ — — «

»Извольте приняти депеши и пѳдписати рецeписову книжку« — озвавъ ся лянцсдрагонъ студено — »и прошу означити менѣ який притулокъ и теплую стайню для коня, бо я може буду принужденъ якийсь день задержатись въ Скольемъ.«

»Тымъ милѣйше, пане Вавра. Станція буде у мене, и для коня найде ся тепле мѣсце. Проданъ! заведешъ коня до стайнѣ и будешъ уважати, щобы его пильновано якъ мон власнѣй. Накажешъ огрѣти поконкѣ, що коло касы, для пана лянцсдрагона, а самъ прїйдешь сейчасъ сюда.«

»Станцію прїймаю,« — вѳдразивъ сухо лянцсдрагонъ — »и кѳнь мѳй, думаю, буде задоволенъ, але нехай вамъ пане не буде гнѣвно, если я самъ его обходити буду, бо кѳнь есть цѣсарскій и я самъ отвѣчаю за его выгоду.«

Сказавъ и выйшовъ сховавши книжку пѳд-

писану въ торбу, а за нимъ выйшовъ и Проданъ, той самъ Проданъ, за которымъ тужить старенькая мати въ Рожанцѣ, а може — а може — хто еще ббльше.

»Ого, якъ згорда ѳтворкуе тая ческа собака« — зачавъ панъ мандаторъ стиха. — »Я не омыливъ ся. и ѳнъ бачу добре знае, якимъ ѳнъ посломъ до мене. «Станцію пріймаю...« Ахъ пропавбысь. заволоко!... Но дарма, треба и таке пріймати, бо то заушникъ кривого Нѣмця, а той умѣ накрутити вязы. Алежь загляньмо, що въ тыхъ депешахъ.»

Розложивъ печать, вынявъ зъ обвертки жмить паперѳвъ и зачавъ пересмотрювати.

»Отъ и маешь! Поищице оный зновь домагае ся школы, а циркуль¹³⁾ повелѣвае вспирати его доконечно. Хибабымъ одурѣвъ!... На що хлопови школы? Може щобы научивъ ся суплику писати на мене, ворохобити громады, непоконити власти, деморализовати рускій поцтивый людокъ?... Плугъ, цѣпъ, коса, — се для него школа, а учитель — оный зѳвалый снѳтъ, що тамъ стоитъ въ кутѣ. О, еще разъ важу: хибабымъ одурѣвъ!

»Ту зновь доносить якійсь безыменный мажибрета, же въ Скѳльщинѣ по корчмахъ самѣсѣнкой жида сидятъ на арендахъ. То ложь безстыдна! Цѣлу пропинацію Скѳльского скарбу держитъ контрактомъ Нѣмецъ, християнинъ, а такому слобѳдно поставити собѣ за шинкаря, кого собѣ полюбитъ: жида, турка, татарина, або и самого дѣдчыого мо-

скала зъ пѡдъ Калуги. Правда, що Нѣмецъ купленный, але хто тоє докаже? О, ѡтъ тои чеме-рицѣ мандаторска не заболить голова. Маршь въ куть!

»Ту опять суплика. Верховина скаржитъ ся, щомъ велѣвъ въ осени вышутровати рынокъ въ Скольемъ и дорогу до замку на рахунокъ повинности шарварковои,¹⁵⁾ и кривый Нѣмецъ власноручнымъ указомъ повелѣвае оправдати ся за тую, якъ называе, даремщину безправну. Якъ то безправну?... Чижь не належало то уже давно изъ самыхъ полциійныхъ взглядовъ здѣлати? Чижь скарбъ доминикальный есть обовязанный робити всѣ выгоды для своихъ пѡдданныхъ? Чижь не лѣпше, що верховинець, мудь, буде собѣ проходжуватись якъ панъ ѡтъ крамницѣ до крамницѣ, ѡтъ корчмы до корчмы въ сухихъ ходакахъ, нижь въ болотѣ по колѣна? Пропавбы! Тажь то здѣлано для добра его якъ и цѣлого краю, и замѣсть похвалы еще оправдатись кажутъ. Чи то не чиста напасть?

»Ну, отъ и тоє, чога обавлявъ ся я... Пишуть по нѣмецки: »Посылае ся карного высланика въ дѡмъ мандатора домини Скольскои съ означеньемъ кары двохъ зр. конвенциійнои монеты за каждый день, доки весь пѡврѡчный податокъ за текущій годъ изъ пѡдданныхъ волостей до ц. к. циркулярнои Стрыйскои касы зложеный не буде. Вразъ съ ѡтставою тыхъ рустикальных податковъ мае доминикальный репрезентантъ тыхъ волостей съ обрахунковыми дотычными книгами до ц. к. на-

чалника Стрыйского обводу особисто ставити ся.
Мильбахеръ.»

»Отже-жь мя вхопивъ за вязы кривоногий.
Майже третя часть газдѡвъ зложила весь цѣло-
рѡчный податокъ наразъ, я кожного зъ нихъ за-
квитовавъ въ рахунковыхъ юкстахъ. Надвышку
я выпожичивъ жидамъ на три мѣсяцѣ за красный
пожидъ, а проклятый Нѣмецъ каже собѣ пред-
кладати рахунковіи книги. То разъ штудерь, мовѣы
го родивъ мандаторъ... Але не удашь, пане ста-
росто! У мене шія польска, не угнесь такъ легко,
не то щобысь ю скрутивъ якъ воробцеви. Кагаль
жидѡвскій тому дасть рады. Съ жидомъ — съ жи-
домъ до смерти!

»А нужь дальше. Славно! victoria, мосцѣ па-
не! Бранка — ассентирунокъ — — и то еще
передъ великодными святами! Побѣда наша. Треба
скорѣйше дати знакъ Абрамкови, щобъ залудивъ
изъ за Бескида якихъ волоцюгъ пейсатыхъ, уцѣ-
кинерѡвъ и инного бездомного жидѡвского мотло-
ху, здольного пѡдъ мѣру, а я уже буду знати, що
зробити съ тымъ фантомъ. Не дармо Фредро въ
своѣмъ »Судѣ остаточномъ« вложивъ въ уста
всемирного своего судии тии характеристичній слова:

Nic ja tu nie mam na względzie,

Czy komu braknie czy zbędzie.

Byle suma była cała!

знать добре придививъ ся славутиѡй системѣ Ме-
терниха, того надворного вѣденського божка, и
подивляючи высокую его мудрѡсть завзявъ ся увѣ-

рители наивныхъ Галичанъ, що навѣтъ и на небесахъ точнѣсьнько такая сама цвите засада.

»Загляньмо еще до двохъ актѡвъ.

»Отъ тобѣ — зновъ жалоба. Ахъ, проклята моя служба! Не задоволишь, не догодишь, хотяйбысь бувъ вѣрнымъ якъ песъ, працювавъ якъ вѡлъ, и еще до того присвоивъ собѣ натуру оглядного кота, хитрого лиса и быстрокрылого сокола.

»Двомъ панамъ я служу, которіи въ застѣнкахъ враждуютъ съ собою, якъ кѡтъ съ собакою, хотяй передъ свѣтомъ того не указуютъ. Оба они поставили мене рѣкбымъ за вѡвчаря до турмы овецъ. Одинъ давъ менѣ кусникъ хлѣба и ножицѣ въ торбу, тай каже: »Если хочешь хлѣбъ мѡй ѣсти, то паси и дбай лишь за руно, а за дѡйло байдуже, бо ты сейчасъ нажену.« А другій давъ менѣ костуръ и дѡйницу въ руки, тай каже грѡзно: »Паси и дѡй до цыкерки, а вѡвцѣ не обголюй, бо ты съ торбовъ пуцу.« Иисусе Христе, ты навѣрно бувъ мандаторомъ въ Назаретѣ, колись высказавъ тую святу правду, що двомъ панамъ служити не можна. Нѣмцѣ фильозофы ачейже того не читали, коли мандаторѡвъ клали. Отъ скаржать ся громады за то, щомъ въ осени велѣвъ зафантовати и спродати кѡлька хвостѡвъ за корчемный довги. Я дбавъ за паньское руно, а ту законъ говоритъ, що такій довги высше двохъ зр. безвзглядно пропасти повинний. Якже менѣ вылѣзти изъ тои матнѣ и не продерти дѣры?... Стѡй, не журись; тажъ ты пѡдперавъ шинквасъ, а якійсь

московскій прапорщикъ кленесь на царя батюшку, що въ присѣнкахъ неба стрѣтивъ праотца Авраама истно за шинквасомъ, коли ишовъ воздухами съ докладомъ до божества; тожь єго праправнуки на безпечно такъ зашоломять головы дурныхъ гофвъ. що тїи выпускають мя изъ матнѣ власными руками. О брата мандаторѣвъ, бодай вы вѣковали!

»А сежь що? — зачавъ дальше нашъ панокъ перевертаючи остатнымъ актомъ. — Чи чортъ съ двома рѣжками влѣзъ въ того попа. И заде- нунціовавъ мене за Продана Наливайка, и обѣ- гравъ мя минушой ночи... О, того я не дарую! Местъ, местъ на всѣхъ тыхъ аделуйкѣвъ до самои смерти. Пѣдъ шапку съ тымъ письмомъ, щобъ не вывѣтрѣло зъ головы!»

И захопивъ сердито стару боброву шапку, що у края стола лежала, и зачавъ обертати нею съ задивомъ.

»А тожь яка клапаня? Тажь то шапка не моя. Моя була новѣсѣнька, куплена вчора — а то дрань, опудъ на воробцѣ. Зъ ѳтки взяла ся она на мо- фѣмъ столѣ?... Ха, ха, ха, ха! Тажь то той самыи берликъ, щось надъ ранкомъ знявъ попови изъ свя- щенной головы и поставивъ свою рогативку въ додатокъ до 10 зр. на чотыри асы, и що такъ много надѣлало смѣху... Побожніи руки загарбали и грошѣ и шапку, вѣнчаючи мене глумно цун- дравымъ тымъ берликомъ. То уже за много. Хи- бабымъ не живѣ, щобымъ ти, попику солодкїй, не пощибавъ твои дѣдъчїи роги. Но якъ — — — Га,

щось блысло въ моѣй головѣ. Онъ ся выбравъ до Стрыя, и не верне ажъ завтра на нѣчь. Попада благаенька якъ ягничка, а дурненька якъ пень; але понова кабза пѣдь єи зарядомъ. Ключка ся найде, а доказомъ, що превелебный панъ—отець наказали выплатити на руки моего вѣрника 300 зр., буде для слѣного бовдура отъ той неоцѣнный бобрый берликъ. Victoria!

»Але що зробити съ Проданомъ? Менѣ того хлопчища жаль, бо черезъ тыхъ пять недѣль переконавъ ся я, що вѣрнѣйшого не найдешь на верховинѣ, — и я добре знаю, що лишь пѣдлая клевета загнала его въ мои руки. Но щожъ — оный богачикъ заплативъ, а къ тому еще и проклятый попище мене заскарживъ. Если того легня пушу на волю, то моя повага упаде якъ черепъ зъ полицѣ. Нѣтъ, нѣтъ, того я недопущу; Проданъ муситъ пасти на жертвенную колоду. Бунтъ на верховинѣ не давно усмирень, предъохоронин мѣры заострено. Саме пѣдозрѣнье выкликания нового бунту выстарचितъ, щобъ его всадити въ камашѣ. Дарма!...

»Но чоґожъ онъ такъ довго пиняє коло онои ческои надутой ропухи? Та отъ и есть...«

»Хлопе!« — зачавъ мандаторъ до повернувшого молодця — »ты пѣйдешъ назадъ до арешту, и то сейчасъ.«

»Якъ ваша воля, панцю, але принаймѣй скажѣтъ менѣ, за що вы мене уже пять недѣль ту держите якъ якоґо злодѣя?«

»Мовчи, бо ты не въ корчмѣ, а въ канцеляріи. И на томъ не конецъ. Найдальше позавтра пойдешь съ ляндредрагономъ до Стрыя. Що ся тамъ съ тобою стане, не знаю; для того перекажи родинѣ, бо хто вѣсть, чи повернешь домѡвъ.«

»Ити та ити. Терпень, спасень. У мене всея родины одна старенькая мати, и съ тою я прощаюся, лишаючи нещасну на Бога и добрыхъ людей. Але шануючи пресвѣтлу канцелярію и васъ, великоможный пане, я бы таки хотѣвъ знати, за що вы завзялись выгнати мене изъ села?»

»Бачу мудь хоче урядника на протоколъ брати; то есть однимъ словомъ: супротивленье — вода на мой млынъ. — За то щось бунтовникъ — — «

»Паньцю, то неправда.«

»Бось бакунаръ — — «

»И то неправда.«

»Бось наставлявъ желѣза на своего товариша, щобъ ся помстити — «

»И то, паньцю, брехня.«

»Що, ты важишь ся менѣ казати, що се брехня, и то кажешь ту на томъ мѣсти, въ пресвѣтлой канцеляріи?» — загремѣвъ мандаторъ и ударивъ молодця въ тварь, що той захитавъ ся подъ стѣну.

»Пане, не бій, бо ти ѡтдамъ. Я всему не винень« — скричавъ Проданъ приступаючи ближе.

»А ты, верховиньска гадино промѣниста! До протоколу при ляндредрагонѣ Вавра!« заревавъ

мандаторъ усмѣхаючися въ души, и суливъ ся до дверей.

Но въ той самой хвили вбѣгас маленькій хлопчина съ лицомъ якъ яблочко румянымъ, хватає ся обома руками Продана, и лебедить съ плачемъ: »Татку, татку! не бій, — Проданъ тому не виненъ, що я упавъ въ колодязь.«

»Якъ то, що? Ты упавъ въ колодязь? Где — коли?« — озвавъ ся отецъ; и станувъ стовпомъ позираючи то на сына то на арештанта.

»Я бы все сказавъ татку, если не повѣшь маменцѣ — бо маменька бы хотѣла, щобысь ся о томъ не довѣдавъ.«

»О не бѣй ся, мѣй соколику, я тя не зраджу, лишь скоренько кажи.«

»Ото такъ було« — зачавъ хлопчина, цѣлующи ѳтця по рукахъ. — »Менѣ мама дала днесь рано три крайцари на цукерки. Я вхопивъ за капелюшокъ, щось ми татку купивъ вчера, заглянувъ до канцелярїи, увидѣвъ що татко дрѣмле, та дайже до мѣста. Коло Двойры повѣявъ сильный вѣтеръ, зѣрвавъ менѣ крысаню зъ головы и замоловъ нею ажъ надъ самъ крайчикъ Двойриной колодязи. Я побѣгъ, и хотѣвъ чимъ скорше ухопити крысаню. Але тамъ було дуже ховзко. Я пѣрвавъ за жердь ѳтъ журавля, нахиливъ ся по капелюшокъ, поховзъ ся, тай бухъ съ жердкою въ воду. Жердка вырвалась менѣ зъ рукъ, и я бувбы напевно утопивъ ся, если бы не Проданъ...«

»Господи! що за нещастє!« — скрикнувъ

мандаторъ заломивши руки. — «Скажижь менѣ, якъ онъ тебе выратовавъ, бо тая колодызь бачу глубока?» зачытавъ дальше, хватаючи хлопчину на руки.

»Ой глубока, татку, дуже глубока. И я не знаю, якъ я ся хопивъ руками за шпаны, що по-межи камѣня поробились, бо я занеръ бувъ съ головою въ воду.»

»И дуже ты ся ударивъ? Не болить тебе голова?»

»Нѣ, татку, не болить, бо я ся и не ударивъ. Але я дуже перелякъ ся, и не отямивъ ся ажъ тогда, якъ учувъ голосъ Продана у колодызи.»

»И якже онъ тебе вытягнувъ; чи памятаєшь тоє?»

»О, добре памятаю, бо я ся тогда уже не боявъ, якъ узрѣвъ Продана коло себе. Онъ спустивъ ся долѣ жердю до мене, знявъ изъ себе друшлякъ, пѣднѣсь мене зъ воды, захавъ мои руки въ пахи, протягнувъ туда той шнурокъ, що висѣвъ на жерди, привязавъ мене, наказавъ сильно держати ся патыка, крикнувъ »тягнѣть!«, и мене вытягли. О, я и то тямлю, щомъ ся бувъ такъ ухвативъ его, коль мя вытягнувъ изъ воды, же мы мало оба не попадали въ воду. Але на чѣмъ онъ стоявъ, того уже не знаю. Татку мѣй солодкій, не бій его, онъ ничего не виненъ.

»Сыноньку мѣй, успокоій ся; я за що инного розсердивъ ся на Продана. О кобы ты знавъ, яку струну порушивъ ты въ мѣй совѣсти — — —

Никто не виненъ, никто, только одинъсьянько твой перядивый отецъ, сторожь порядку, жия, здоровья, мажку, чести. Але ты еще малый, ты того не понимаешь. И богдайбысь николи не забывавъ звуковъ тон пекельной внутренней сурмы, що ся zove »роскаянiемъ...« Но ты еще дрожишь, хлопче, кобы лишь не захоровавъ. Иди до матери и кажи, щобы тобѣ зварили ромнуну. А я ту еще съ Проданомъ поговорю.»

И поцѣловавъ хлопчину, подпровадивъ до дверей, и обернувшись до нашего верховинця зачавъ стиха:

»Честный молодче; я тебе скривдивъ — ба хотѣвъ еще бѣльшую кривду нанести на твою голову. Чимже я маю нагородити тобѣ, щобы зняти камѣнь зъ моихъ грудей? — — —«

»Панцю, я не жадаю нагороды. Вы здѣлали свое, а я мое; якъ хто що любить. Впрочемъ ваша добра панѣ подяковали менѣ съ слезами въ очахъ за то, щомъ ся троха намочивъ; а то у мене старше якъ гроши.»

»Слухай Продане« — зачавъ дальше мандаторъ троха огорченъ, — »я знаю, що ты верховинець, и дивинь ся зъ висока, якъ зъ вершка смереки. Але подъ тою смерекою стоитъ твоя старенькая мати. Она уже десять лѣтъ винна панщину до скарбу, а такого подданого має скарбъ право выгнати зъ грунту. Ты черезъ пять недѣль послуживъ менѣ, бо я изъ милосердiя не хотѣвъ тебе держати ажъ до бранки въ арештѣ. За то

я вымажу твоей матери всю залегу паньщину, и не буду потягати ею до жадной скарбовой повинности, докъ буде жити: а съ днешнимъ днемъ пускаю и тебе на волю. Але то все еще мало.»

»Пане великоможный! Коли вы такй для мене ласкави, то позвольте менѣ завѣдати васъ за одну рѣчь, котра въ той хвили дуже важна для мене.»

»Говори.»

»Скажѣть менѣ, умилешо васъ прошу: хто мя такъ злобиво оклеветавъ передъ вами? бо я не думаю, щобы цѣсарская воля засудила мене за благо медведжу шкѣру на службу въ прокладахъ.»

»Ого, хто то тобѣ толковавъ цѣсарскую волю« -- отразивъ панѣ мандаторѣ гнѣвно, насупивши брови -- »чи старый пѣшъ, чи Кожанъ? Але то менѣ байдуже, и знай, що за тебе доносивъ менѣ тайкомъ той самъ, котрый завзявъ ся выдерти тобѣ тую ягничку, шо вышлекалась съ тобою. Но если не хочешъ клопоту, то мовчи, якъ прійдешъ додѣвъ.»

»Панцю, теперь я уже не пойду въ Рожанку.»

»А чому?«

»Бо правду сказавши, боюсь головництва.»

»А можебы ся далю обернути воду на твой млынъ...«

»На миловане нема слованя. Панцю, дайте менѣ правду на Угорщину. О мамко моя несчастная!« — заривавъ при томъ сарака, и покотивъ ся якъ пьяный къ одвѣркамъ.

»Якъ тобѣ угодно« — отворкнувъ панъ мандаторъ гнѣвно. Усѣвъ до столпка, написавъ паспортъ, прибавъ печать, и подумавши хвилю приступивъ назадъ до молодця и каже: — »Слухай, Продане; я тебе собѣ подячивъ, чи не лишивбы ты ся у мене?«

»И я полюбивъ ваше буйне орлятко« — отвѣтивъ на то Проданъ — »а темеръ люблю еще бѣльше, але извинѣтъ, панцю, я не вашъ слуга. Мене ведено якъ злодѣя черезъ цѣлу нашу верховину подъ вартовъ, а такой ганьбы верховинець не годенъ забути. Якийже зъ мене бувбы вамъ слуга? Пустьѣтъ мене, пане: менѣ ту скучно, я зненавидѣвъ люди — мой свѣтъ кошара, а то-варинь вѣвця!«

»Ну, то махай съ вѣтрами« — отповѣвъ мандаторъ сердито, кинувъ нисъмомъ до рукъ Продана, ухопивъ за обшивку и вергъ низъ за дверѣ.

»Быдло тай быдло!« — зачавъ по хвили проходжуючись по комнатѣ. — »() вдячности, приклонности тамъ анѣ гадай. Я за далеко давъ ся увлечи чувствомъ для того гордошійки. Менѣ треба було его нагнати назадъ въ глуть на терло якъ иструга, и оная тихцемъ ловити, якъ збѣснѣтъ ся рыба. Бо щожъ онѣ здѣлавъ такъ величезного для мене, щобъ передъ нимъ ударити такимъ низкимъ поклономъ?... Подѣзъ въ колодязь, привязавъ хлопця тай крикнувъ »тягиѣтъ!« Отъ и цѣле его богатирство, вся его благородна жертва. Правда, онѣ конечно узнававъ мене за своего кривдителя,

ворога, и мажь причину ненавидѣти мене, але бѣнь полюбивъ мою дитину, и за нею, не за мною намочивъ бѣнь себѣ троха ходаки. — О я баба, и конецъ!

»Добре хтось тамъ каже: Земля то умій, а люде то пчолы. Однѣ трудять ся мирно, брешуть веселенько и збѣрають медокъ солодокъ, и восчечокъ на свѣчу. Безъ нихъ свѣтъ бы загоркъ и вырѣзалнебы люде. У такихъ есть и розумъ и сердце на своѣмъ мѣсци. У другихъ людей поселень ся розумъ въ животъ а сердце пѣдъ языкъ. И тѣи о тѣлько дбають, що волю на паши, и знають якъ трутѣ — лишъ ѣсти! У третьихъ есть розумъ въ чуйкахъ, а пѣдъ пятовъ сердце. Такимъ байдуже, хто стоить въ дорозѣ, отецъ чи мати, щобъ лишъ добитись тамъ, куда стремять чуйки. Они подобий до тон пчолы, що розбоємъ ходить. А четвертѣ суть якъ тѣи пчолы безъ матки. Они тоскують, бѣдкають ся, плачуть, и якъ всѣ слабодухи боять ся притонтати и хробачка, щобы не скрививъ ся. У тыхъ розумъ пѣдъ ребрами, а въ головѣ сердце: и до такихъ омаь що не зачпсливъ ся я передъ маловъ хвплевъ. Дуракъ!...«

О люде, люде! чомужь у всѣхъ васъ не находитъ ся и розумъ и сердце на природнѣмъ мѣсци? О якбы то мило було тогда на свѣтѣ!

IV.

Просидабымь батенька — ты не знаю;
Молилабымь братчика — та не маю;
Ой мати, мати, калиновый цвѣтъ —
За що менѣ вяжешь съ тымъ недлюбомъ свѣтъ.
(Пѣсьнь народна).

Минула зима, минули великодніи свята, настала Зелена недѣля. Въ Рожанцѣ праздникъ. Еще зъ ночи наварено, напечено для гостенькѣвъ милыхъ. И по хатахъ чисто, харно; и подворе заметено, а въ воротахъ и острѣшкахъ май. Куда глянешь, всюда любо, и чимъ выше, тымъ красивѣйше, бо тамъ зелень ще свѣжѣйша: а тамъ на самѣй Добошѣвцѣ, що ся въ село дивить, поглянь, брате, якій Божій рай!...

Яло зорѣти; а на синѣмъ небѣ анѣ хмарочки. Въ чистыхъ воздухахъ розливаеьсь неописана свѣжѣсть, а чарочки цвѣтѣвъ дышуть ненаситимымъ солодочкомъ. Изъ востока выринула поранная зоря, и усмѣхаючись дѣянтнымъ лучкомъ, гуле весело въ блищачихъ росахъ сѣберній косы, а на западѣ котить ся задумчивый мѣсяць за горы, за море. Теплый леготь подувае ѣтъ полудня и будить листочкѣвъ, травичку ѣтъ сну; а дебры,

яровы залягае туманъ холодный, сунесь въ роз-
долы и боры, и зливаеь въ тихе блѣде море.
Уже покрывъ все въ около, лѣсы, потоки и села,
и лишь сѣмъ и тамъ стерчатъ ведиты Бескида по-
верхъ тои мраки, мовь острова зѣ моря.

Тихо стало, казавбымъ, якъ въ груди чоло-
вѣка въ хвили ожиданя: тѣлько часами продира-
еь ушылый голось пѣтуха черезъ густу мраку зѣ
села, якъ кликъ надеждный зѣ пѣдъ сырой землѣ.

Тымъ часомъ розлѣвае востокъ чимъ разъ
бѣльше и бѣльше, и застеляе небо рожевymi ко-
вры, а землю одѣвае въ свѣтлу перловую свиту.
Уже вершки гѣръ ялѣють въ золотѣ, бомбушки
росы блищать жемчугами, уже веселѣе и безчув-
ственна ростъ — кожда былинка, кожда цвѣтка,
травичка пѣдноситъ радѣстно листочки, — уже
трѣпоче пташина крыльцями, уже тетерець пѣе,
орелъ пѣдноситъ ся въ воздухъ, мушка бренитъ,
уже шевелятъ и боры, медвѣдь вылазитъ зѣ лежи,
уже и въ селѣ гамѣръ — чути голось вѣрника-
собаки, когуты грають мовь въ закладъ, уже
и овечка блеетъ въ кошарѣ, и рѣчки, потоки гре-
мятъ голоснѣйше — словомъ: вся природа встае,
строитъ ся, и чае.

Въ тѣмъ на востоцѣ изъ за гѣръ, за моря
вынирае отвѣчна лампада свѣта — ненаглядна ца-
рица небесъ, Божѣе сонце. Вынирае, веходитъ
и чимъ разъ бѣльше, чимъ разъ свѣтлѣйше, и що
хвиля въ высшѣмъ маестатѣ. А вся природа звер-
нула и очи и чуйки на далекий востокъ, и тре-

пеще отъ радости чимъ разъ сильнѣйше и чимъ разъ веселѣйше. Ажъ отъ и взойшло, и теплымъ личкомъ поцѣловало землю. А земля заликовала, природа заграла въ дзвоны якъ на великдень, и зъ каждой живой груди возгремѣло: »Слава! слава! слава!...«

О, якже то чудесно въ нашой верховинѣ! Якже то сильно завладѣвае одна така торжественна хвилька сердце чоловѣка, и загрѣвае, уноситъ его що разъ выше и выше. Не безъ причины знамавъ безсмертный Нютонъ завсегда шапку изъ своей головы, коли вымавявъ имя того, що владѣе свѣтами. Не безъ причины ставъ ся великій Гумбольдъ въ житю и при смерти такимъ ревнителемъ божественной вѣры и милости ближнего. Они оба читали глубоко въ книзѣ природы; одинъ въ небесной, а другій въ земной. А книга природы — то Божая книга. Щастливъ, хто до той книги хоть однимъ окомъ загляне, слова еи хоть однимъ ухомъ зачуе.

Но оглянѣмъ ся и за людьми.

Отъ тамъ на право выходитъ изъ за Добошівки якійсь молодой чоловѣкъ, и мчитъ до Писанои Керницѣ. Здае ся, що то Бляха, бо на нѣмъ угорская гуня. Однакъ подоба его намъ щось нѣбы знакома. Выйшовъ на вершокъ и праведное обляло его цѣлого, якъ отзарокъ Божого свѣтла голуу блаженныхъ. Онъ станувъ, глянувъ въ околу, обернувъ ся къ востокови, знявъ крысаню, уклякъ, перекрестивъ ся и зачавъ молитись стиха.

Братчики, голубчики, якій же то милий видь!

Але бѣзъ не даєшь придивити зъ близька, знать ся чогысь крыє, бо за хвильку уже вставъ перекрестившиєсь, заложивъ овать крысаю на голову и звернувъ зрѣницѣ въ глубину закѣтлїну, где лежить Рожанка: гадавѣсь, що стрѣлюю ока заставивъ ся проникнути черезъ стѣны, що ся дѣє въ хатахъ.

Но бездѣла. Надъ Рожанкою лежить еще лава мраки, и ледви гомѣнь пробиваєсь пѣдъ верхъ полонины.

Наразь загудѣвъ дзвѣнъ изъ церковцѣ, и зачавъ колысати туманами. Нашъ молодець отямивъ ся, и дайже долѣ потокомъ якъ сернюкъ манѣвцями до села.

А въ селѣ якъ на зачарованѣмъ островѣ. Чуєшь голосъ дзвона, а церкви не бачишь. Слышишь гомѣнь людей, а чоловѣка дасть-Богъ. Лають собаки, блеють вѣвѣць, реве худобина, а все мовъ зъ пѣдъ могилы. И дымъ изъ смѣльной ялицѣ вонить коло тебе, а где єму ватра, не знати. Плахтою лежить мрака на землї и обняла все село — и хаты и люди и все, що жїє и не жїє, зворы и боры ажъ пѣдъ полонину. День бѣлый, а дивишь ся якъ черезъ єнто. А зблїжшишь ся на крокѣвъ десять, то стане хата передъ тобою якъ замокъ заклятый, а люде якъ мары.

Но уже туманъ зачавъ ся пѣдносити звѣльна; уже лучи сонця продирають ся то ту то тамъ черезъ мраку. Що хвиля стаєшь яснѣйше, веселѣйше;

що хвиля росте свѣтъ передъ тобою и въ ширь и въ даль, и що хвиля змѣняєсь картина, якъ игра барвъ въ калейдоскопѣ.

Наразъ промогло праведное; туманы яли улѣтати передъ теплымъ єго личкомъ, мовъ зліи духи передъ святымъ крестомъ, природа заставила всѣми любощами свои праздничній столы и черезъ всю закѣтлину розстелилась радѣсть проливомъ.

О нема, якъ той праздникъ яри, нема надъ Зеленой свята! Годѣ высказати, якъ мило, якъ хорошо тогда у насъ. Выйдешъ на поле — рай. Вся земля пристроєна якъ до вѣнчання ѳданиця. Куда глянешъ — май та гай. Сѣножати приодѣлись во всѣ свои цвѣты, а нивы въ першій колосочки. Лѣсы яляють въ новенькомъ зеленомъ убраню, мовъ дружины боярѣ въ шовковыхъ жупанахъ. По лѣсѣ гуде музыка птиць, що ажъ листочки скачуть; въ хащахъ соловѣй щебече, а пѣдъ лѣсомъ играє худѣбка. Теплое небо, якъ око милое, палає, горнєсь до тебе, ажъ серденько бѣє ся. Пчѣлка брєнить, воздухъ вонить, сонечко горить, зъ землѣ потѣчокъ холодочкомъ дыше, а понадъ землю леготъ надѣю колыше. О якже у насъ мило на Зеленой свята!

А заглянешъ въ село, то ще бѣльша радѣсть. Хаты бѣленькѣй, подвѣречка чистѣй, а на подвѣрѣ гай. То кленови, то липови, то ясенови галузки витають тя при воротахъ, усмѣхають ся на пѣдѣню, кланяють ся изъ одвѣрокъ ѳконѣ и стрѣхи, що ти ся здає, же тя въ гостѣ просять. Садъ

молокомъ зацвѣвъ, и солодочкомъ пахне. А люде нашій, той красный щепъ Славы, той конарь тисовый »съ сердечкомъ изъ цуху« — глянь якъ утѣшно они гомонять, играютъ, мовь годубять стадо въ веселой дубровѣ. Тамъ подь вишнями сидять старцѣ съ люлѣчками и балакають за минувшюсть, ту розновѣдає вусатый выслуженый во-якъ за Лисько, за Парижъ: тамъ бабочки постѣдавши на прѣсѣникахъ пригадують собѣ дѣвочин дѣта, ту зновь кунка дѣвчатокъ щечуть собѣ любовнии тайны, тамъ молодцѣ шуткують въ садочку, а на улицѣ скачуть, играютъ дѣти въ журавля. Ахъ якъ у насъ любо на Зеленой свята.

Но въ Рожанцѣ храмъ, а на храмъ есть и свое дѣло. Дзвоны загудѣли по вторый разъ, и людкове понеслись роємъ до церковцѣ.

Дяки загримѣли: »Непреходимая врата« и три старцѣ, якъ три соколы, вийшли на соборну службу. Побожного міра биткомъ набито, и въ церковци и поза церквою, поподь острѣшникъ: и еще приходять, и еще ся тиснуть, що мога ближше къ престолови, а на кождомъ лицѣ ясниѣ душевная радюсть и сердца супокѣй мовь весны заране.

Отъ и нашъ знакомый изъ Добошовки перетиснувъ ся черезъ глоту и станувъ собѣ въ кутку коло бабинця, але тварь его тлѣе якъ при заходѣ сонця тая згарь на небѣ, що бурю вѣщає. И брови зморщені и голова звисла. Знать щось сильно волнує въ его сердцю, тяжить въ головуныцѣ. Спѣвають антифоны, оць о томъ не знає:

заgrimѣли Славу, ѡнъ того не чуе; зачали Три-
святоє, ѡнъ ся не крестить; далѣ прочитавъ слуга
Божого престола и св. Евангеліе, ѡнъ таки сто-
ить якъ пенъ. Ажъ ту скѡнчилась проповѣдь и
панъ-отець Андрей выйшовъ до царскихъ вратъ
съ заповѣдною книжкою въ рукахъ. Тихо, тихѣ-
шенько стало. Жоны нашорошили уши, молодцѣ,
дѣвчата попѡднослись на пальцѣ одна выше
другихъ, старшій газды верли взаимно по собѣ
очима — и »Федоръ Медулякъ та Меланія
Кожанова« розляглось по святыни Божой.

На тѣи слова поблѣдъ нашъ молодець якъ
хуста, шибнувъ собою мовъ туръ раженный до
дверей церковныхъ, затопивъ на хвильку слезаве
око въ закутокъ бабинця, где стояла Молана, и
пошумѣвъ горѣ верхами назадъ до Угорщины.
Пѡдъ полонною наплывъ ѡнъ, чи то нарочно, чи
може припадкомъ, на Федора Медуляка, котрый
того святого дня самъ припасавъ турму батьків-
скихъ овецъ, щобъ ихъ накормити и приспорити
молока до завтрѣшного мѣшаня, поздоровкавъ
честно здумѣлого ѡвчаря-жениха, пѡдиѣсь грѡзно
балту свою понадъ єго голову, тай каже: »Слу-
хай Федоре, вороже мѡй темный! клену ся Бо-
гомъ и на тую балту, що висить надъ тобою,
що ти прошу и позабуду всю тую злобу, щось
надѣлавъ мнѣ, и еще помолюсь за тебе до Бога,
если побачу, що за тобою Молана щаслива. Но
скоро зачую, що єи личко помариѣло; скоро дѡ-
знаюсь, що ты тую ягничку бѣлу затыгнувъ влас-

ними руками на чорну колоду: то, слухай брата, що отъ моєи мести не заступить тебе ани самъ мандаторъ.»

Сказавъ, свиснувъ балтою по воздухахъ, отъсунувъ крысаю зъ чола, що бухало жаромъ, и пошумѣвъ долѣ Добошѣвковъ за Бескидъ.

»Лети бѣсноватый!« — заморкотѣвъ Федоръ, охолонувши зъ задива. — »Пронадай въ безвѣсти, где сонце не доходить, пѣвень не допѣває: а за тобою нехай ся вносять скалы, очереты, зарастає жалива, щобъ єсь и слѣду не найшовъ до дому...«

Таковъ гостиновъ гостилецъ Проданъ и Федоръ на Добошѣвцѣ.

А въ Рожаницѣ ходить старый Кожанъ по чистомъ подвѣрью тай покачує головою: »Отожь менѣ праздникъ, пропавбы! Отожь менѣ пшеениця на коровай! Дѣвча вынесли зъ церкви, и ледво отвезили надъ студенымъ потокомъ... Що ся стало дитинѣ? Пѣшла до Божого дому якъ рыбка злорова, и така весела, а теперъ лежить якъ подкошена цвѣтка въ гаю на покосѣ... А ту строити весѣля въ Суботу... Уже и карта ¹⁶⁾ готова!... Дивно, и не знати, що ей сталося? Бабы кажуть: пристрѣчь, уроки, данє. Уже гасили углє, баяли надъ чосникомъ, подкурили волосьемъ, и бездѣла! А менѣ щось инного снуєсь по старѣй головѣ. Дѣвоче сердце — то тая повитиця, що надъ потокомъ горѣ корчемъ вѣе ся. Нею повернешь и въ лѣво и въ право, але отъ корча розлучити годѣ.

Якь розлучишь, то зидѣе або й усхне. О бѣдна моя дитино, бачу твоя повитиця привилась до свого корча...

»Но яка доля пригнала Продана нынѣ въ село? Може бы дѣвча було поплакало хвилями въ закутѣ, и съ часомъ забуло — а теперъ?... Хто знае, чи сердце не пукне изъ жалю. О мати, мати, що ты наварила! Тажъ ты повинна була знати, що хто ся разъ звяже, того не розвяже хиба крестъ та лопата. Але се тобѣ байдуже. Ты якь сорока скреготала безустанно: Кобы лишъ богачъ, кобы лишъ Медулякъ! Якьбы убогій не мѣгъ бути честнымъ чоловѣкомъ, якьбы така душа якь Проданъ не умѣла цѣнити того, що дае Господь... Отъ що зъ того, що у мене достаткомъ, якъ то кажуть, и хлѣба и соли — бузюокъ на хатѣ, а жура въ комнатѣ! О люде, люде, коли насытитъ васъ святая земля? Хиба ажъ тогда, якъ ляжете въ гробѣ.

»Але щожъ менѣ дѣлати? Та кобы ся бувъ не здымѣвъ Проданъ назадъ изъ села. Бо хто знае, чи я ся не мылю. Може и зъ очей, або яка пристрѣчь, якъ жоны кажуть; хотяй и то правда, що гадки дѣвочій якъ цвѣты повитицѣ. Они ся звивають въ клубочокъ, якъ сонце пригрѣе. Ихъ краски не дослѣдишь окомъ. Дарма, треба ожидати. Но чи сякъ, чи такъ, я отець: я мою дитину не дамъ утопити!«

Ой и довго прійшло Кожанови ждати. Миннае день першій, минае и другій, ба минувъ и третій, а дѣвчина чимъ разъ бѣльше блѣднѣе, що-

день больше слабне. Она не лежит вправдѣ, а ходить и послугует матери, але ходить якъ въ землі по колѣна. Часами око еи запыне слезою и зъ грудей вырве ся болѣзненный стопъ. Мати запытае: »Що тобѣ Моланочко, що ты такъ сумуешь тяжко?« А она задавить слезку въ зрѣниці, усмѣхнесь якъ сонце зъ за хмары, тай каже: »Ничого, мамчико, ничого: я не сумую, менѣ лишь чомусь плакати ся хоче.«

»То плачь« — озвала ся стара — »примхидѣвочі мабутъ въ свѣтѣ всюда однакові: передъ весѣлемъ плачуть, по весѣлю скачуть. И я такъ робила, хотяя сердце не хотѣло. Обачишь доню, що и у тебе такъ буде, якъ прійде недѣленька. Я тя приберу якъ паню, свашки розчешуть твоє волосѣчко якъ зѣрничка косу, дружечки замають головочку въ барвинокъ зеленый, и ты станешь якъ княгиня, якъ пава коло свого сокола, коло своего князя, що ажъ люде сплещуть въ руки, увидѣвши такую красну цару... Цыть, цыть, Моланочко, нынѣ уже середя — и недѣленька не далеко...«

»О мамко, мамко! не вспоминай менѣ за недѣлю. Я въ святую недѣленьку увидѣла мого братчика Проданика. Онъ такой бувъ блѣдый, а ты мене хочешь стронти въ цвѣты на княгиню. О, мамчико! онъ якъ свѣтъ-доля поглянувъ на мене... Не вяжи менѣ зъ нелюбомъ свѣтъ той солоденькій; я его не забуду до сырой могилы...«

»Негѣднице!« — зверещала мати и сулилась

до своен дитины съ поднятими пястуками якъ ястрѣбъ на зазулю. Чи ты може хочешь менѣ слугу—поштуркайла, чадо прибуды. заволоки на зятика дати, и нанести глумъ на рѣдъ Кожановыхъ. Чи ты забула, безчестна негѣднице, що твоѣй отецъ и мати изъ попѣвского сою?!«

»Мамо, стоѣй!« — залебедѣла дѣвница и упала на колѣна. — »О, прибери и заквѣчай мене на недѣлю якъ царицю, зашроси гостей, заставъ мумыки и приладъ колоду, я уже и нынѣ до неѣ готова, коли така твоя воля. Динь не карай мене такими гнилыми словами!...«

»Отъ тобѣ на нынѣ колода« — зацукотѣла мати, и копнула доньку ногою, — »а въ недѣлю станешь передъ тымъ, що ти судженый, бо бымы тобѣ ѳтрубала сокирою косы на порозѣ. О знаю я, знаю за прияхи дѣвочѣ!...«

Мовъ ѳтъ сорокатоѣ гадины уязвлена, зойкнула Молана, поднеслась насильно изъ землѣ и повлеклась затыльными дверми мовчкомъ въ городецъ, щобы выляти своѣй жаль передъ небомъ.

За малую хвилю скрыпнули ворота, и молодецъ смаглявый, присадковатый, вѣйшовъ спорымъ крокомъ на переднѣй дверѣ до хижѣ.

На снѣдѣмъ его лица не найшовбысь анѣ кашники крови, але зѣ гнѣдавыхъ очей, що изъ подѣ хмуравыхъ бровъ выширають, искритъ ся грѣзныѣй огонь — два углѣ подложенѣ тайкомъ подѣ стрѣху, коли на нихъ вѣтеръ подувае! Подѣ очима укосомъ стерчатъ два розложистѣй горбочки

мовь двѣ муравельнѣй кушины, а по́дъ сѣдловатымъ носомъ простирають ся два грубѣй звалы широкаго рта, якъ двѣ скибы поперекъ загона, выоранѣй въ розкладѣ. Двѣ плетснѣй косы¹⁷⁾ чорного волося спадають ему зъ головы долѣ лицемъ на груди, и одна зъ нихъ прикрывае замшеную бородавку на нижней щоцѣ, а друга бѣлявѣй рубцѣй згоенно жовны на ши. Изъ розложистыхъ плечей, которыхъ крыла мовь до по́длету нашоронились, висѣвъ чорный сѣрачокъ зъ ягпячки, перехиленный опашкомъ по-леги́ньски на лѣвое рамя, а изъ правого рамени спадала шкѣряна тайстра густо гудзиками нацяткована. Новенькѣй ходачки выгѣдно до ноги волоками прищѣпленѣй, чорная крысая съ червоною биндою и павими перами, и червоный ремѣнь на станѣ становили решту его строю.

Въ загалѣ була цѣла подоба молодця не оны принадлива, и противно возбуждала въ молодѣмъ сердцю боязнь, и ѳтвертала ѳтъ себе; но весь укладъ и постава его, въ которыхъ рѣзько знаменовалась стойка рѣшимѣсть и ѳтвага сполучена съ горячою пристрастію, могли ся подобати женщинѣ съ бѣльшимъ досвѣдченьемъ и сильного духа. Про тое и не дивно, если бойка Кожаниха узнавала въ Федорѣ Медуляку попри взглядахъ на маетокъ, найѳтвѣтнѣйшого для простодушнои и податливой своєи донечки доживотного товариша, а для себе достойного зятя. Божь молодець, которому придивити ся зъ близька намъ теперъ придарила ся случайнѣсть, не бувъ никто пинный

якъ Федоръ Медулякъ. Онъ вѣйшовъ въ хижу якъ стрѣлецъ на прогалину въ лѣсѣ, глянувъ зорко по комнатѣ, поздоровкавъ Кожаниху, котра еще посередъ хижѣ zvolнована стояла, и зазвѣдавъ рѣзько:

»Мамо — бо чей годить ся менѣ тебе такъ назвати — чи нема тата дома?«

»Нѣ, сыну, старый пѣйшовъ до шалашу« — озвала ся Кожаниха — »и не прійде хиба ажъ вечеромъ.«

»А Моланочка где?«

»Молана пѣйшла до городця лишь передъ хвилевъ придбати собѣ зѣльчка та барвѣнку. А чомужь ты, мѣй сыну, такъ сквапно ся звѣдуешь?«

»Я прійшовъ изъ верха, и менѣ сказано дома, що батько Кожанъ хоче ѳтложити вѣнчанье на осѣнь, бо мабуть Молана таки еще слабуе ѳтъ той недѣлѣ, якъ въ церквѣ зомѣла.«

»Дурне та пусте!«

»Не дурне, мамо; за Меланочковъ пѣйшли уже волики мого батька зъ стайнѣ — задавивбы ся мандаторъ ними! А ты еще горозивъ менѣ той пройдисвѣтъ на Добошѣвцѣ, що ми балтою розчерепить голову. О, то не пусте мамо!... Якъ ся ѳтложитъ вѣнчанье на осѣнь, то я ся бою, щобъ проклятый мѣй ворогъ зновъ не наплывъ въ село, бо и я маю руки.«

»Дурне та пусте!«

»Ты ачейже глумишь ся зъ мене; нѣбы я не

знаю, що Молана ѓкрещує ся ѓтъ вѣчяня, якъ грѣшна душа ѓтъ чорта.»

»А хтожь тому виноватый, що славный сынъ Рожанецкого князя умѣе убити лютого звѣря, задуриши на вабъ проворного лиса, а не потрафить приманити къ собѣ тихои голубки.»

»Мамо, не глумись; у мене терцю не бѣльше якъ у осы меду. Я дѣлавъ все, щось радила, и теперь приходжу ѓтъ Шепетючки.»

»И щожъ ти сказала старенька попада, Богъ бы ей давъ вѣчочокъ!« — озвалась Кожаниха, и поглянула въ мале ѓконце, що выходило на городецъ.

»Дала менѣ якогось буряну на прилюбы, щобъ дѣвча навернулось до мене; тай казала наняти служебку тай акафистъ до пресвятой Дѣвы у того попа, що ему церковь на вехѓдѣ сонця« — отвѣтивъ легишь стиха и вытягнувъ изъ тайстры спору жменю засушеного зѣля, межи котрымъ бачу находилась дѣвина, девятосилъ и любистокъ.

»А щожъ съ тымъ буряномъ робити?« — зазвѣдала мати.

»Нѣбы ты мамо того не знаєшь, що кожда баба на верховниѣ лѣдше знає якъ Отче нашъ. Той бурянь казала заварити въ новѓмъ горнятку и въ святоіорданьскѓй водици, варъ дати дѣвчату выпити, выварене зѣля взяти собѣ на подстѣлку въ ходаки, а горнятку закопати горѣ денцемъ подъ ворота противника мого.»

»Ой, то мудра старуха! А давъ-же ты на служебку?«

»Та якъ не давъ? тажъ я, мамо, гину за Моланочковъ.«

»А у якогожь попа въ нашомъ сусѣдствѣ есть церковь на всходъ сонця?«

»И ты звѣдуешь, мамо? Тажъ то въ томъ самомъ селѣ, где проживае старенька знахорка, стоитъ церковь прямо на востокъ попѣвской хижѣ.«

»Добра квочка дбае за свое кура, а менѣ чому не дбати?« — погадала собѣ Кожаниха, взяла зѣле зъ рукъ Федора, вложила за пазуху, велѣла на завтра ладитись на спросины, выправила молодця тихонько домѣвъ, шобы Молана его не задрѣла, а сама зачала глядати за новымъ горняткомъ, мовъ голодный трутень за солодкимъ медомъ.

И отъ безумна и пристрастна женьщина приладила тайкомъ скверный и загадочный варъ и заставила одинѣсьнькое дитя свое на силу выпити его.

Чи зъ того вару, чи може скорше зъ жалю и надзвычайного роздраженя, впало бѣдное дѣвча еще тон самон ночи въ сильну горячку, а послѣ въ тяжкую глуханю,¹⁸⁾ въ которѣй черезъ цѣле майже лѣто молодое жите бороло ся съ смертею.

Но еще слѣдующон недѣлѣ умовилась була паремная мати съ пристрастнымъ женихомъ вѣнчати бѣдную донечку на смертельной казавбымъ

постели, и можебы була и довела до такой крайности, еслибы отецъ дѣвчати не оперъ ся бувъ такому небувалому на верховинѣ дѣлу.

О скажѣть, добрый люде, чи то була вовчиця, чи мати?!

V.

Та де сядишь бѣсноватый!
Нѣ тамъ людей, нѣ тамъ хаты.
М. Шашкевичь.

Сумно шумѣли боры, мовь лихимъ товкѣ ся западовець по тѣсныхъ дебрахъ, та дикихъ яровахъ. До полонинъ ухопивъ ся грубый туманъ, и сѣмъ и тамъ по версѣхъ залягъ уже снѣгъ таборомъ на стале зимованье. Небо приодѣло ся оловомъ, лѣсы почорнѣли, навѣтъ зеленая ялиця потемнѣла, затужила. Зъ борѣвъ копѣли густѣ студенѣ думы, якбы пѣвъ свѣта горѣло; и окружаючи клубами зворы то ставали надъ темными вертепами гниловъ остоевъ, то взбивали ся пѣдъ небо въ густѣ хмары и шумѣли далѣ свѣтами. Всягде не такъ якъ було лѣтомъ. Нѣ сопѣлка не затужила на веселѣмъ вершку, нѣ задзвинѣла трумбета зъ высокихъ полонинъ, нѣ пташина не защebetала въ лѣсочку, нѣ дѣвчина не заспѣвала въ загородѣ. Всягде глухо и сумно якъ въ сердцю чоловѣка, що ся до гробу хляе, и все вѣщало, що надѣйшовъ уже давно до верховинъ покванный гѣсть — довга студена, безрадостная осѣнь.

А було то ще лишь по послѣдній Матцѣ. Въ нашій Рожанцѣ стояли ще всягде кладнѣ по поли, ба навѣтъ хилявъ ся ще сюда и туда половый вѣвсикъ (святивъ бы ся!) на пни, ожидаючи пріязной руки, нѣмъ го привалить къ земли лава осѣнного снѣгу. Людкове крятають ся купками. одній коло бульбы — верховиньского насущного хлѣба, другій звозять кладнѣ, або знимають дрѣбненькій овесь. День промшнувъ якъ година, темная нѣчь яла прилягати землю, и якій такій потягнувъ до тихой хатины. Пусто учинилось по вересѣхъ. глухій гомѣнъ, розколысаний шумомъ борѣвъ та шишотами тысяча потокѣвъ, розлявъ ся по цѣлой природѣ и тѣлько бейканье на медведя розрывало зъ нѣдъ полонить тотъ смертельный сумъ осѣнной на верховинахъ ночи, и надавало ему ще бѣльшого ужасного уроча.

Въ селѣ чимъ разъ тихше, чимъ разъ глухше. Минувъ часъ вечерѣ, челядка забиралась до спочинку, а на улиці не знайшовбысь анѣ одной души. Всягде якбы заумерло, тѣлько сѣмъ и тамъ блискало еще слабенькое свѣтло въ самотній хатинѣ. Але на теметовѣ помежи гробами — ктожь тамъ ся снує середъ нѣчной пѣтмы мовъ вѣдьмо страшливе? Якась невѣста въ короткомъ сѣрачку, на головѣ хустка спущена на лице глубоко, ходить хильцемъ по гробахъ и приглядаєсь по землі, якбы чого шукала. На послѣдокъ стає при свѣжій могилѣ, хиляє ся ще ближше, хапає сквапно жменю землѣ, и иде спорымъ крокомъ, якбы

чогось ся лякала, до Наливайчиной хижѣ, що якъ знаємо близь коло теметова лежала. Пóдъ дверми оглянулась на околó, óтчини́ла полегки дверѣ, и входить до хижѣ.

Въ хатинѣ глыпали ще послѣднїй недогарки скипы на припѣчку, а стара Наливайчиха, сама якъ пустельникъ, сидѣла на лавици розплѣтаючи обувье и кóнчила вечѣрнюю молитовцю. Ще було чути послѣднїи слова: »И за мого Продана и за Моланочку, Отче нашъ иже еси...« Въ тóмъ скригнули дверѣ, а наша невѣста зъ теметова стає середъ хаты. Стара схопилась лячно зъ лавицѣ, хватає за недогарокъ скипы, що мовъ уми-раючїй чоловѣкъ то хлипне то зновъ конає, придивляєсь невѣстѣ, тай здумѣвшись опускає скипу на землю и каже:

»Та щожъ тебе такъ пóзно пригнало до мене, солодка моя дитино, мóй лебедикъ бѣленькїй?«

»Що мя пригнало, мамко моя дорогая?« — озвала ся блѣдавенька невѣста, — »журиця моя темная, нещастѣчко моє гóркоє! Въ субботу весѣлье моє; поведуть мя до вѣнчаня, скажуть присягати передъ престоломъ Божимъ, що нелюбa любити буду, а моє сердце присягло инному.«

»Чижь не можъ було óттягнути того нещастного весѣля, Моланочко моя солодка?« — запытала стара.

»Надармомъ благала, кровавыми слезами молила: Мамко моя рóдненькая, ще лишъ до мясниць позволъ ми свѣтку бѣ-

ленького! Очи выплакаламь передь тою, що мя пѣдъ своимъ сердцемъ носила: теперь ми свѣтъ погорѣвъ, силка мя опустила, серденько мое згорѣло, и уже далѣ упрости годѣ! Завтра уже зачнутъ вѣнцѣ вити, мене въ барвѣнокъ стронти. О кобы мя лучше до трумны вложили, та на мертвую головку вѣнчокъ вложили, та мене молодую съ землею звѣнчали!»

»А щожь Федоръ на тоє?« — запытала зновъ Наливайчиха.

»Я не виню его, хотяй онъ ненавидить Продана, але у него сердце — пола.¹⁹⁾ Не дбає онъ на тоє, що тягне овечку пѣдъ нѣжь на колоду. Ой дежь ты, мой Проданику? Мамко, чи я николи твого сына не зобачу? Чи онъ уже николи не поверне, абы своей Моланцѣ хотъ землею присыпати очи?«

»Ой не рви мя за душу, дѣвице нещастна! Чижь я мало за нимъ ся наплачу?« — ѳтрекла Наливайчиха.

»Кажуть люде, що онъ десь на Угорщинѣ, аж коло Сигота, же го нашій люде видѣли, якъ ходили на ламанье,²⁰⁾ що дуже помарнѣвъ, и що ся завсе звѣдовавъ, чи я уже звѣнчана. Чи правда того, мамко?«

»Ой не знаю я, дитинко, не знаю.«

»Говорять такожь, що хорувавъ тяжко, скоро прійшовъ до Сигота, що довго лежавъ пѣдъ голымъ небомъ, и кажутъ, що бы бувъ згибъ пѣдъ плотомъ, кобы якась-тамъ вдовица не взяла его

була до своєї хаты. Мамко, чи не служити він у тої вдовиці?... Мені ся снило, що він десь нѣбы въ Торуню въ саму мясопустну недѣлю стоить въ церковци передъ Божимъ престоломъ, и дає перстень на оѣру; а такій мизерный, такій сумный! личко му почорнѣло якъ головня, очи посоловѣли и запали десь глубоко въ голову, куцерики выпадали якъ по тяжкѣй глухани; а коло него стояла женщина, десь нѣбы я, нѣбы оная вдовица, и держала єго за руку. Мамко солодка! чи не звѣнчавъ ся твоїй сынъ съ тою вдовицею? бо перстень кажуть що вѣнчанье, а смутокъ то радѣсть.»

»Перестань вже, дѣвонько, перестань о тѣмъ думати.»

»А зновъ ми ся снило, якобы він десь въ дѣсѣ, щось нѣбы въ нашихъ Секулахъ, ходивъ за вовкомъ, що роздеръ молодую овечку; а такій обдертый, такій цундравый, сорочка на нѣмъ якъ зъ грядей знята, петечинна обдерта, ледво держить ся на однѣмъ плечи, на головѣ шапка зъ сѣракового рукава, а зъ нѣгъ кровь ся ляла, бо змѣтки розлетѣли ся. Я тоє обачила, тай ажъ мя за серденько стяло, тай кажу: Проданику мѣй солодкій, та чомужь ты такій нужденный? А він мене пхнувъ ѳтъ себе тай каже: Ты то все тому винна!... А я упала до землѣ тай яламъ гѣренько плакати, бо чижъ я тому винна, що він такій нужденный? — А на днесъ ми ся снило, що днесъ нѣбы Великдень. Я вийшла къ церковци,

а тамъ людей тьма; и ледвомъ ся оглянула, а тутъ выходитъ Проданъ зъ церкви и держить въ одной руцѣ бѣленькій рушникъ, а въ другой дуже хорошу червону хоруговь: а такіи красній, що не можь ся було надивити! И ставъ ити гдесъ нѣбы до нашої хижѣ, а за нимъ всѣ люде, а попри него гдесъ и я, а такъ ся нимъ радую, що наповѣсти годѣ. Мамчику, чи не умерь твой Проданъ? бо кажуть, що хоруговь — смерть...»

»Лиши тоє, моя дитино. Бой ся небесного Бога — перестань! не край и мого и свого сиренька, забудь, забудь за него! Онъ пропавъ на вѣки для тебе — въ суботу твоє весѣля.»

»Мамчику! та кобы то можь его забути! Я неразъ молитвы говорю, абымъ го забула. Я на нощь очи завязую платиновъ, абы ми ся въ снѣ не привиджовавъ. Але годѣ, мамко, годѣ! Куда я, туда и онъ за мною: якъ я сяду, то и онъ коло мене сяде; якъ я засну на хвильку, то и онъ заразъ на умѣ. А завсе такіи мизерній, такіи нужденній, що ажъ сумъ погадати. Може онъ ся радує, мамко, коли завсе снить ся такіи смутенькій? Та кобы то онъ щасливій, а я кобы умерла; я бымъ у Богойка молила ся за него, тай за тебе, мамко солодка.»

»Стой, дѣвче!« — промовила стара. — »Перестань, бо ми сердце зъ жалю пукне. Ходи, положи головку ту на мои руки: ахъ, якежь чоленько горяче! Я ти приложу землицѣ, чей ти лекше буде.»

»Я си взяла землиць зъ теметова, зъ могили Наконечного Ивана, що го днесь спрятали. Кажуть люде, що могила все покрыває; можебы я, мамко, твого сына забула, слибымь собѣ намочила землѣ зъ могили, та выпила натшо.«

»О дитинонько нещастлива! ходи, я ти завяжу головку. Дай сюда тую землю, най ти приложу, чей ти буде лекше.«

И взяла стара земля, приложила до чола Моланѣ, и яла сама крѣпити ся и о чомъ иншомъ наводити бесѣду, абы гадку дѣвчати трохи розбити та тугу розбгнати. Але все бездѣльно, — Молана свое лебедѣла. Не плакала она уже, анѣ не оскаржала ся нѣ на рѣдну маму, нѣ на Федора, который може щире гадавъ за красну бѣлявку, але говорила лишь о Проданѣ, о его и о своѣй доли; якъ то она болѣла тяжко, коли онѣ покинувъ Рожанку, и якъ тая слабѣсть проволокла весѣлье; якъ то мати хотѣла заразъ звѣнчати ихъ, скоро лишь она ся пѣднесла; якъ то она просила маму, и ледво до Пилипового пушаня ублагала ѳволоки; якъ то мати заказала ей до Наливайчихи ходити, якъ то она и днесь крадцемъ нѣбы то до дружки выкрала ся сюды — и все, все розповѣдала. А стара Наливайчиха то плакала, то зновъ ся потѣшала, та до Бога вздыхала. Далѣ радила на Божу здати ся волю, та розповѣдала, що Федоръ хорошій молодець тай честный, а ще до того найстаршій кметъ въ селѣ, що она за нимъ може бути щаслива, и що она Продана за-

буде, скоро лишь звѣчае ся съ Федоромъ, — и якъ могла, такъ тѣшила дѣвча та утуляла еи жаль и розпуку, хоть сама розходила ся зъ жалю.

Уже и когутъ запѣявъ и довга осѣнна нѣчь проминала, а обѣ женщины не переставали собѣ розповѣдати, та ужалятись, и хто знае, чи бы були зуважали, якъ ся уже и бѣлый день явъ закрадати въ маленькое оконце, кобы не сильный гомѣнь добуваючій ся зъ посередь села не пробудувъ ихъ зъ того забутя. На той гомѣнь схопило ся дѣвча зъ лавицѣ, здерло зъ чола хустину съ землею, обцѣловало лице и руки старон, тай поспѣшило затылками попри сусѣдную хату, где ей призначена дружка мешкала, до дому.

Ледво выйшла Молана, и ледво Наливайчиха встигла за нею заперти въ присѣникахъ дверѣ и назадъ вѣйти до хаты, впадае за нею Продань, и не зважаючи, що мати здумѣвши ся руки опустила и якъ пень середь хаты стала, закликавъ проникающимъ голосомъ:

»Нене! скажи ми, хто то выйшовъ зъ твоєи хаты?!«

Якбы громомъ ударивъ тотъ голосъ матерную грудь. »Сыноньку, соколику!« — озвалась она, тай обвисла на шнѣ сильного легины, що мовь молода ялиця стоявъ передь нею. Но не ѳдававъ ѳнь матерного любованя, и вывиваючись зъ еи рукъ полегки: »Не часъ, мамо« — каже — »радоватись тобою; скажи, на Бога! скажи, хто пойшовъ теперь зъ твоєи хаты, чи не Моланочка?«

»Ой Моланочка, нещастлива Моланочка« —
отповѣла стара, тай закрыла обома руками очи,
зъ которыхъ слезы горохомъ покотили ся по жвонк-
ломъ лицу.

»Такъ есь ю удѣлавъ, вороже темный!« —
крикнувъ на тоє жаркій молодець, и пѣрвавъ
сильно за пушку, що му по плечи звисала. »Ще
одного дня не прожила за тобою, а уже еи краса
осѣннымъ листомъ! Ще пѣвроку не минуло, а
ужесь пѣдгрызъ цвѣтку верховины, и теперь хо-
чешь такой доконечно потрутити до черной ямы!...
Га, счезла еи краса, прибуває мечь!« Тай по
хвили зачавъ тихѣйше: »Тамъ въ селѣ межи Ме-
дуляками гонять медведя, ачейже у самого него
удушивъ овцю... Федоръ поѣде за нимъ бодайбы
въ безвѣсти... Мене нѣхто не стрѣтивъ... Жива
душа не знає за мене въ селѣ... Мати, бувай ми
здорова! Не клени менѣ, але проклинай мою до-
лю!« И приступивъ къ матери, що въ перестрашу
сама не знала що розпочинати, притиснувъ сильно
до груди, и якъ раженный туръ посадивъ черезъ
загороды манѣвцами въ верхъ.

VI.

Тече вода рѣченьками,
Плаче мила слезоньками;
Тихо мила, не жури ся,
Ино Богу помоли ся!
(Пѣснь народна.)

Поранокъ розвивъ ся уже цѣлкомъ. Въ селѣ утишилось въ необавъ, тѣлько кѣлькохъ людей стояло ще надъ селомъ пѣдъ пригѣрками гомонячи, и показували якомусь молодцеви дорогу въ боры.

Полегко явъ полѣтати дрѣбненькѣй снѣжокъ. Молодець державъ пушку передъ собою и смотриачи старанно то въ сесъ то въ тотъ бѣкъ, нѣбы якогось слѣду, снѣшивъ чимъ разъ далѣ и далѣ въ боры. Зѣ далека можъ було видѣти, якъ ся спускавъ зѣ одного верха на другѣй, и то въ одну то въ другу звертавъ сторону, и то счезавъ зѣ очей въ дебри, то зновъ появлявъ ся на вершкѣ. И зновъ счезъ гдесъ въ яровахъ, и зновъ показавъ ся на стрѣмкѣмъ пригѣрку, и сядивъ далѣ не спочиваючи анѣ цятинки. Потому наново спустивъ ся въ пропасти, и наново появилъ ся якбы маленька дитина пѣдъ старинными борами. Ту станувъ на хвилю, оглянувъ ся, знявъ зѣ себе

сѣрактъ, що му зъ плеча звисавъ, повѣсивъ на першій ялиці пѣдъ лѣсомъ, тай посадивъ далѣ. Но тяжка туда дорога! Що крокъ то колодя, що сягъ то пропасть, якбы лихій — не снивбы ся! — съ весѣльемъ туда черезъ всѣ вѣки ся гостивъ. Ту лежать вихромъ розтрѣскані зломы, тамъ повалила буря горѣ корѣньемъ страшніи уверти, ту нагромоздила фаля цѣлін стосы молодой ялины, а тамъ пѣдгрызла старѣсть розложистого бука и грянула нимъ мовъ непотребомъ о сырую землю. Но нашого молодця не вспиняли тїи перепоны; смѣло садивъ онъ черезъ тїи завалища, що всякимъ перехрестьемъ стояли му що крокъ въ дорозѣ, и то пѣдлазивъ вужомъ попѣдъ поспинане гниляча, то доткнувшись лежачого пня, кидавъ собою мовъ олень черезъ ломы, и спѣшивъ чимъ разъ далѣ и далѣ. На малѣй нѣбы поляницѣ задержавъ ся хвильку, глянувъ на всѣ стороны, приложивъ ухо къ земли, тай посадивъ въ такіи страшніи зворы, где хиба лишъ звѣреви путь. И зновъ запавъ нѣбы въ безодню, и зновъ выкрятавъ ся горѣ стрѣмкими стѣнами на верхъ, а зъ верха посунувъ ся въ новую дебру, а зъ дебри на свѣжій хребетъ. Часами стане, и прислухуесь прикладаючи ухо къ земли, часами ухватить за неотступного свого товариша, за безпечную подвѣйку, верже окомъ, натягне курокъ, и знову спустить, и посадить наново въ зворы, а зъ зворѣвъ чимъ разъ далѣ въ новіи безвѣсти. Утомивъ ся уже, зъ чола текла мовъ изъ стрѣхи кроплями

вода, но за ѳтпочинокъ анѳ гадай. Уже минувъ и Бердо, прошумѳвъ и Погары, добивъ ся ажъ пѳдъ самѳи Секулы, и еще нема кѳнця пути. Уже и дня поминуло споро, и перехилило ся уже къ вечеру, а ѳнѳ еще садить и садить въ безвѳсти, куда ще може нѳколи нога людска не ступала. Ажъ пѳдъ самымъ верхомъ Секулѳвъ, где дикая природа сама передъ собою лякаеться, а перво-вѳчнѳи кедры та ялицѳ шумять пѳснь суму, станувъ якъ раженный, вергъ окомъ въ лѳво, похиливъ голову долѳ, и тихцемъ скочивши скоренько въ право, станувъ за страшенную колоду, що верхъ грудей ему сягала, положивъ на ню подвѳйку, влѳпивъ око въ сторону къ дебри, натягнувъ курокъ, зложивъ ся, тай же хвильки, ажъ буде можъ плюнути зъ неи скучочно.

Тымчасомъ зъ другого боку хтожь станувъ за нимъ съ пушкою въ рукахъ, и приглядаеться нашему ватасчикови? Знакомый ѳнѳ намъ добре; есть то Проданѳ, который гонить за своимъ давнымъ товаришомъ, за ненавистнымъ Федоромъ, за тымъ-то самымъ, що приладивши ся на медведя стоитъ о сто кроковъ, анѳ гадаючи, же его власное житя въ рукахъ врага. Въ самъ часъ догонивъ ѳнѳ его прослѳдуючи всѳма зворами и пропастьми, въ самъ часъ, щобы помститись за свою Молану.

По всѳхъ жилахъ заграла му кровь, мовъ зъ новыхъ норъ, скоро его взявъ на око, а въ горчѳмъ сердцю розпочалась страшная буря. Счор-

нѣлая Молана, и еще чорнѣйше дѣло, до которого забиравъ ся, станули ему на хвильку передъ очи. Чистое сумлѣня и пекельная гадка, житье и смерть, небо и адъ — стрѣтились въ его души. Но не пора думати, розважати. Заледво заглянувъ бнѣ въ цѣлую пропасть отверту пѣдъ его ногами, заледво душа его шибнула по цѣломъ образѣ намѣреного дѣла — ажъ ту уже заблисло зъ Федоровои подвѣйки, выстрѣлъ грянувъ громомъ по борахъ, и страшный рыкъ медведя розягъ ся пѣдъ найвысшнн небеса. Радостно скаче ватась на колоду и поглядае долѣ; но еще скорше порывае назадъ за подвѣйку, стае однимъ мигомъ на свое мѣстце, складаеся, палить, но друга цѣвка, замочена на панѣвцѣ, може кроплею поту зъ чола, ѳтмвяе, а въ тѣй самѣй хвили мече ся медвѣдь къ колодѣ, взноситъ ся пораженъ въ крижѣ остатными силами на задннн ноги, порывае одновь лабовь за подвѣйку а другою Федора, и безильный пересадитись на другнн бѣкъ колоды, абы однимъ устискомъ розмѣздрити противника, отвирае пашу, щобы страшными зубами задати смерть жертвѣ своей. Но въ тѣй самѣй хвили пускае нещасный стрѣлецъ подвѣйку зъ рукъ, зрывае зъ головы кудлатую кучму, закладае на руку, и дайже цѣлою силою въ пашу звѣря. Алежь бездѣла! Сильно хватае лютый звѣрь за подану руку, ломле въ своѣй пащецѣ, выплѣвуе назадъ шапку, збирае всѣ силы и бере ся послѣдний разъ задати противникови. Ажъ ту пѣдскакуе о кѣлька кроковѣ

Проданъ, въ которого горячѣмъ але честнѣмъ сердцю борба не довго вела ся. »До Бога належитъ судъ, и въ єго рукахъ мечь!« шепнувъ єму ангель души єго: »а теперь же нещасный ратунку. Федоре!« — крикнувъ — »въ право съ головою!...« И приложивъ, потнсь, заблнсло, а страшливый звѣрь, ударенъ кулькою межи самї очн, завывъ окропно, и грянувъ назадъ за колоду, ажъ земля пѣдъ нимъ затрясла ся...

Красаво возникло въ Мясопустную недѣлю золотое сонѣнько надъ верхами Тухольщины, и освѣтило и горы и боры въ снѣговыхъ перлахъ. Весело тнснувъ ся людъ Рожанки до церковцѣ Божон. Зъ хаты Кожана заграли скрипки, заспѣвали свахи, и двое молодять, хорошї якъ Божая весна, въ зеленѣмъ барвѣнку выйшли на подвѣря, а зъ подвѣря посунули ся къ церкви. Бувъ то нашъ Проданъ и Молана, що спѣшили до престола Божого присягати собѣ милѣсть и вѣру до смерти.

А Федоръ?...

Федоръ державъ въ кривѣй руцѣ червоную хоруговку съ дзвѣнкомъ, и будучи дружбовъ приспѣвовавъ охочо:

Ой нема то якъ у горахъ вѣрнї дѣвчата!

Ой нема то якъ у горахъ чеснї легинята!...

П О Я С Н Е Н Я .

1. **Теметѡвъ** означае кладбище, цминтарь, и походить якъ легинь зъ мадярскаго говора.
2. **Водорци** = Праздникъ Богоявленія, Иорданскій свята.
3. Вспѡмнена **медведжа шкѡра** украшае мабуть еще до нынѣ метрополитальный престолъ въ храмъ св. Георгія въ Львовѣ. Посередникомъ того подарка бувъ покойный Антоній Щудлинскій, парохъ Тухлянскій.
4. По причинѣ безправнаго подвышенія паньщины, ѡтъ которой навѣтъ и священникъ, посѣдающій пѡдданчій грунтъ въ селѣ, не бувъ свободный, и по причинѣ вселякихъ здирствъ, акй поповняли мандаторы и иний урядники скарбовой, ѡтказала була цѣла верховина Скѡльскои области г. 1824. послушеньство своимъ панамъ. Строгій и жестокой мѣры придавили при войсковой помочи той такъ званый хлопскій бунтъ, але зволнованій умы умириль ажъ вѣкопамятний чловѣколюбивый староста Мильбахеръ, пѡддаными **Кривымъ батькомъ**, а шляхтою **хлопскимъ королемъ** званый.

Бще року 1792. гнаю на паньщину священника изъ Ялинковатога, села належащого до Скѡльского скарбу, а то въ самъ понедѣлокъ Великодныхъ святъ. Въ вѡвторокъ велѣвъ священникъ, которого имя менѣ въ памяти не осталось, запрягчи волю до воза, а въ мѣсто выслати слугу, выбравъ ся самъ съ своими парохіянами до Сколего бѡтюки на пилу возити. Але тамъ полишивъ ѡнъ волю на Божу волю, а самъ удавъ ся пѣшки до владыки въ Перемышль. Въ наслѣдокъ пересправъ, веденыхъ въ той справѣ, запретила ц. к. надворна канцелярїя разъ на завсе потягати священника до якихъ небудь пѡдданчихъ повинностей двѡрскихъ.

5. **Проклады** — вылоги на войсковой одежи.
6. **Мале** — повкватырокъ (3-ма часть давнѣйшеш мѣрки, що звалася квартою, а майже 12-та днешнои литры). Есть го звычайна бляшана судина на одинъ напои горѣвки.
7. **Княземъ** зове ся по нынѣ на верховинахъ начальникъ громадскій (вѣйтъ).
8. **Мѣшане**. О Зеленыхъ святахъ зганяють поодинокіи газды свои овцѣ въ большіи вартуги (300 до 400 и высше штукъ) разомъ до одной кошары, и то зове ся мѣшанемъ. Помѣшавши овцѣ донтъ каждый властитель свои. звычайно якимъ нарѣзомъ на ушахъ означеніи овечки и козы; надоеице молоко мѣряють вепѣльники такъ званымъ полоникомъ. и становять для каждого зъ помежи себе свою участь въ подою цѣлои вартуги. Кѣлько полониковъ надоевъ газда у своей худобины молока. тѣлько подобѣвъ мае собѣ брати зъ цѣлого садашу. О Рождествѣ св. Богородицы розлучають овцѣ зъ вартуги, и який такій пасе ихъ особно по своихъ покошенихъ сѣножатахъ.
9. **Теребилюльки**. Финансовыхъ стражниковъ зовуть верховинцѣ наемѣшкомъ теребилюльками. Звѣстно бо, що до недавнихъ лѣтъ управа тютюну була свободна на Угорщинѣ — такъ и тютюнъ бувъ тамъ о много дешевшій. Та обстанова покушала до перепачкованя найтвердшого сорта тютюну, бакуномъ званого, зъ Угорщины въ галичку верховину. Стражъ финансова, глядаючи за тымъ кортрабантомъ, шукала навѣтъ и по порожныхъ люлькахъ, и сгягала такую навязчивостю общу на себе ненависть.
10. **Обловы**. Скоро въ якѣи сторонѣ появилось небезпеченство, грозяче ѳтъ дикихъ звѣрей, то було обовязкомъ мандатора скликати ловцѣвъ съ ручницями, и завозвати подданныхъ до гонки (Хѣйбјагд), и то звесъ въ верховинѣ обловомъ. Такой обловы дѣялись каждой осени въ Скольскѣмъ скарбѣ, великоможнымъ любителямъ ловѣвъ на большу охоту и радѣсть; и по тѣи причинѣ строго

взборонено було изъ стороны скарбу, убивати звѣря поза часъ обловѣвъ.

11. **Вольнодумный Бляхи.** Бляхами зовуть верховинцѣ русскихъ людей изъ за Бескида. Здае ся, що Мarmorоская столиця Угорщины була черезъ довгий часъ заселена Вляхами, Волохами, днешними Ромунами; и що поселенцѣ тѣ съ Другушомъ въ 14. столѣтїю вынеслись до Молдавіи и тамъ помежи народомъ рускимъ осѣли, завоювавши напередъ огнемъ и мечемъ той плодovitый край. Днесъ въ оныхъ давнѣйшихъ садыбахъ Бляховъ жїе тождѣсьнїй народъ рускїй, що и по сѣмъ боцѣ Бескида, но бѣльше здеморализованный якъ ту. Причиною того суть жидаы, которїи хотя и бѣльше занимають ся газдѣвствомъ якъ у насъ (они орють, косятъ и молотятъ самї), алежь въ кождѣй ихъ хатинѣ находятъ ся шинковня. А тыхъ хатъ буває по 40 до 50 и бѣльше въ кождѣмъ селѣ, тожь и тѣлько корчемъ має податливый рускїй чоловѣкъ на свою услугу. Всѣ они запасують ся горѣлкою изъ Сколѣго, котору въ зимѣ санчатами, а лѣтомъ бербенницами на коняхъ, до себе перевозятъ.
12. До 1848. року могла тѣлько одна шляхта (и часомъ Львѣвскїй мѣщанинѣ) посѣдати або куповати на свое имя такъ званїй **табулярнїй добра** въ Галичинѣ.
13. **Ляндсдрагонами** звались канцелярїйнїи служальцѣ, призначенїи для старосты до послугъ чисто урядовыхъ. Ихъ найважнѣйшимъ занятїемъ було, доручати сторонамъ пѣшо або кѣнно урядовїи депешнї, приставляти до касы недоборы податковїи зъ рукъ мандаторѣвъ, сповнїати препорученїа послѣвъ карныхъ и наглядати за порядкомъ въ будынкахъ обводового (циркулярного) уряду. Ихъ выбрано зъ помежи кѣнныхъ войсковыхъ мужей честного характера.
14. Галичина подѣлена була на 19 округѣвъ, **циркулѣвъ** (19. округъ становило нынѣшне воеводство Буковина).

15. Работы около дорогъ называно **шарварками** (зъ нѣмецкого „Wegscharrwerke“). До такихъ шарварковыхъ работъ мавъ мандаторъ власть завзывати подѣ карою арешту одного чловѣка зъ каждой хаты въ селѣ, разъ на тыждень т. е. въ субботу. Таа власть була поводомъ различныхъ кривдъ и тягостей.
16. Пѣдданого въ Галичинѣ уважано за малолѣтнаго сироту. Опѣкуномъ той сироты бувъ властитель села, дѣдичъ. Вся земля, належаща до села, була власностею дѣдича вразѣ съ всѣма недвижимостями, щѣ находились на нѣй. П худоба пѣдданого належала подѣ опѣку пана-дѣдича. Безъ паньского призову не мѣгъ продати пѣдданный и теляти изъ своего подвѣря. Такожъ рыба въ рѣцѣ поза хуторъ села була власностею паньского двора. Стоячи подѣ опѣкою потребовавъ каждый молодець призовлена до женитьбы — **карты**. На женитьбу въ добра инного дѣдича призвали паны толькѣ зъ ласки або за окупомъ, часто дуже высокимъ.
17. Верховинцѣ-Бойки въ дни святочнѣй, особливо въ день праздника або отпуста, часто заплѣтають волосе въ косы. Подѣбный звычай заховавъ ся подекуды и въ инныхъ сторонахъ Руси, якъ то узнаемъ изъ поемы Шевченковой „Москалева криниця“.
18. **Глуханя** = тичушь.
19. **Пола** = груба одностайна скала, зъ якихъ складають ся по наибольшей части всѣ горы.
20. **Ламанье**. Зъ верховинъ Стрыйскихъ выходятъ часто люде до Угорщины на зарѣбки, особливо якъ ламлютъ тамъ кукурудзу.
21. **Ватасчикъ, ватаць** = стрѣлецъ.

